
ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Под общей редакцией
А. А. Бодалева

Коллектив авторов

**Психология общения.
Энциклопедический словарь**

«Когито-Центр»

2011

Коллектив авторов

Психология общения. Энциклопедический словарь / Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2011

Настоящее энциклопедическое издание подводит итог осуществления первого в России проекта по теме «Психология общения». Более 1100 статей словаря, написанные 340 авторами, содержат всестороннюю информацию по этой теме.

© Коллектив авторов, 2011

© Когито-Центр, 2011

Содержание

Введение	6
Список сокращений	8
Часть I	10
Раздел 1	11
Раздел 2	48
Раздел 3	85
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Психология общения. Энциклопедический словарь

*100-летию основания первого Психологического института в
России посвящается*

Под общей редакцией А. А. Бодалева

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного
фонда (РГНФ), проект № 10-06-16010д*

© Учреждение РАО «Психологический институт», 2011

© Бодалев А. А., 2011

Введение

В энциклопедическом словаре «Психология общения» представлены материалы, отражающие результаты работы отечественных и зарубежных ученых по проблемам общения, отношений и взаимодействия людей. Основанием для осмысления сложнейших проблем послужили фундаментальные исследования Б. Г. Ананьева, Г. М. Андреевой, А. А. Бодалева, А. А. Леонтьева, М. И. Лисиной, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, Б. Д. Парыгина и мн. др. Данный словарь является первым справочным изданием по психологии общения.

Начиная с 1970-х гг. установилась традиция проведения конференций, посвященных психологии общения, восприятия и познания людьми друг друга, – она была продолжена в XXI в. В материалах конференций и коллективных монографиях были выявлены сложившиеся в психологии общения теоретические, эмпирические и практические тенденции, которые учтены при составлении данного словаря. Круг феноменов, касающихся проблем общения, постоянно расширяется, а теоретические рамки их интерпретации включают различные подходы и дисциплины.

Словарь состоит из 6 частей и 17 разделов. Их содержание позволяет ориентироваться в теоретических конструктах и различных сторонах общения, феноменах, законах и закономерностях, которые являются результатом сложившейся ситуации развития современного человека – субъекта общения, социокультурных и психологических аспектах коммуникации. В статьях представлены различные подходы к общению, в большинстве из них прямо или косвенно развивается ценностно-смысловой подход, учитывается характер деятельности людей, групп и общностей. В этом контексте ставится проблема синхронизации процессов со-бытия в ситуации общения, общения в экстремальных условиях, значения толерантности, межкультурной коммуникации, а также проблем общения участников военных конфликтов и др. Относительно большое число категорий и понятий характеризуют особенности компетентного общения, проблему развития личности как субъекта разных типов коммуникации, раскрывают причины и условия деструктивного и затрудненного общения, выделяют виды нарушений в развитии личности как субъекта общения и показывают возможности их коррекции. В статьях поднимаются проблемы одиночества, отчуждения, особенностей общения в кризисные периоды жизни человека, и в связи с этим в словаре представлены понятия, касающиеся форм, способов и методов работы в профессиональном общении психологов, психотерапевтов, педагогов, представителей правоохранительных органов и др. Особое место занимают понятия, которые используются в исследованиях, рассматривающих маркетинг и рекламу как практическую психологию общения и влияние средств массовой коммуникации на формирование моделей общения. Отражены проблемы педагогического, делового, межличностного, семейного общения, рассматриваются: семантика и психосемиотика общения, социально-перцептивные феномены, способы интерпретации партнеров, стили общения и его стратегии. Ряд статей посвящен внешнему облику, экспрессивным кодам, вербальным и невербальным средствам и их роли в возникновении затрудненного и незатрудненного общения, проблемам самовыражения, самораскрытия, визуальной самоподачи, формированию имиджа. Впервые в словаре подобного типа включен большой раздел психодиагностики общения.

Словарь содержит более 1100 статей 340 авторов. Но редакторы-составители отдают себе отчет в том, что не все аспекты сложного феномена «общение» на данный момент отражены в словаре и имена не всех исследователей, имеющих значительные авторские разработки в области психологии общения, включены в раздел «Персоналии». Надеемся, дальнейшая работа над словарем позволит переработать его, дополнить и устранить возможные недостатки. Над словарем работал редакторский коллектив под руководством академика РАО докт. психол. наук А. А. Бодалева при поддержке РГНФ. Структура словаря и редакторы-составители: **Часть 1:**

Разделы 1, 2, 3 – академик РАО, докт. психол. наук А. А. Бодалев, канд. психол. наук Л. А. Карпенко, докт. психол. наук Н. Л. Карпова, докт. психол. наук В. А. Лабунская, докт. психол. наук Т. И. Пашукова; **Часть 2:** *Раздел 4* – докт. психол. наук Т. П. Скрипкина, *Раздел 5* – докт. психол. наук В. А. Лабунская, *Раздел 6* – докт. психол. наук В. Н. Куницына, *Раздел 7* – докт. психол. наук Е. А. Петрова; *Раздел 8* – докт. психол. наук Н. Л. Карпова; *Раздел 9* – докт. психол. наук Т. И. Пашукова, *Раздел 10* – докт. психол. наук Л. В. Матвеева; **Часть 3:** *Разделы 11, 12, 13, 14* – докт. психол. наук Н. Д. Творогова, **Часть 4:** *Раздел 15* – канд. психол. наук И. Б. Ханина; **Часть 5:** *Раздел 16* – канд. психол. наук Н. Н. Мешкова; **Часть 6:** *Раздел 17* – канд. психол. наук Л. А. Карпенко; техническое редактирование – канд. психол. наук Н. В. Кисельникова.

Часть статей привлечена из серии томов «Психологического лексикона» (Энциклопедический словарь в 6 томах / Ред. – сост. Л. А. Карпенко. Под ред. А. В. Петровского. М., 2005–2007) по согласованию с их редакторами и авторами. Редакторы словаря «Психология общения» выражают благодарность сотрудникам ПИ РАО и ф-та психологии МГУ – науч. сотр. М. М. Даниной, канд. психол. наук, науч. сотр. Ю. В. Мочаловой, канд. психол. наук, науч. сотр. Е. Е. Петраковой, канд. психол. наук, науч. сотр. Т. Я. Аникеевой, ст. преп. И. М. Карлинской – за помощь в подготовке настоящего издания.

Курсивом в тексте выделены фамилии и понятия, по которым в словаре имеются отдельные статьи.

Особую благодарность мы выражаем Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку нашей исследовательской программы «Энциклопедический словарь „Психология общения“: теория, методология, практика» (грант № 06–06–00171а), за финансирование Международной научно-практической конференции «Психология общения в XXI веке: 10 лет развития» (грант № 09–06–14057 г), которая также во многом способствовала завершению работы над словарем, и, конечно, за предоставленную возможность издания словаря (грант № 10–06–16010д).

Редакторы-составители

Список сокращений

англ. – английский язык
в кач. – в качестве
в осн. – в основном
В. М. В. – Вторая мировая война
В. О. В. – Великая Отечественная война
внеш. – внешний
внутр. – внутренний
гл. о. – главным образом
гос. – государственный
гр. – древнегреческий язык
действ. чл. – действительный член
дис. – диссертация
докт. – доктор
естеств. – естественный
естеств. – науч. – естественнонаучный
зап. – западный
зарубеж. – зарубежный
ин-т – институт
искусств. – искусственный
истор. – исторический
каф. – кафедра
к-рый – который
лат. – латинский язык
матем. – математический
мат-л – материал
межд. – международный
многочисл. – многочисленный
напр. – например
науч. – научный
науч. – исслед. – научно-исследовательский
науч. – техн. – научно-технический
национ. – национальный
нем. – немецкий язык
неск. – несколько, нескольких
норм. – нормальный
О. – общение
обществ. – общественный
обществ. – истор. – общественно-исторический
одновр. – одновременно
опр. – определенный
осн. – основной
отеч. – отечественный
пед. – педагогический
под рук. – под руководством
полит. – политический
преим. – преимущественно

проф. – профессор
психич. – психический
психол. – психологический
психол. – пед. – психолого-педагогический
разл. – различный
религ. – религиозный
рос. – российский
рук. – руководитель
с др. стор. – с другой стороны
с одн. стор. – с одной стороны
с т. зр. – с точки зрения
самост. – самостоятельный
след. – следующий
совмест. – совместный
совр. – современный
социол. – социологический
спорт. – спортивный
справ. – справочный
т. зр. – точка зрения
т. наз. – так называемый
т. о. – таким образом
теорет. – теоретический
технол. – технологический
ун-т – университет
физиол. – физиологический
физич. – физический
филол. – филологический
филос. – философский
фр. – французский язык
ф-т – факультет
функц. – функциональный
эконом. – экономический
эксперим. – экспериментальный
этнич. – этнический
юр. – юридический

Часть I

История и теория психологии общения

Часть 1 энциклопедического словаря состоит из 3 разделов. В **Разделе 1** представлена история исследования психологии общения в неск. центрах нашей страны: Институте психологии РАН и Психологическом институте РАО, а также Гродненском, Кубанском, Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском), Московском им. М. В. Ломоносова, Пермском, Ростовском (ныне Южном Федеральном) государственных университетах. Дана история развития и соотношения понятий *общение* и *коммуникация*, представлены взгляды на феномен общения ведущих отечественных психологов и основные научные школы по данному направлению. В **Разделе 2** раскрываются основные теории и подходы к изучению общения и общеметодологического понятия психологии общения. Статьи представляют как давно разработанные, так и только еще формирующиеся направления исследований, которые могут стать основой для фундаментальных разработок психологии общения. **Раздел 3** включает в себя понятия, являющиеся, с одной стороны, базовыми для теорий и концепций психологии общения, с другой – понятиями, связывающими психологию общения с близкими ей и смежными отраслями научного знания (философией, социологией, лингвистикой, педагогикой, физиологией, биологией и мн. др.). Каждый из разделов и направлений психологии общения представлен своим блоком терминов и понятий.

Редакторы-составители: А. А. Бодалев, Л. А. Карпенко, Н. Л. Карпова, В. А. Лабунская, Т. И. Пащукова

Раздел 1

История психологических исследований общения

Исследование общения в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы: школа Кондратьевой С. В. С начала 1960-х гг. проблемы профессионализма в О., психич. регуляции и саморегуляции пед. деятельности и О. изучались под рук. *С. В. Кондратьевой* сначала на каф. психологии Дрогобычского пед. ин-та им. И. Франко (Украина), а с 1979 г. – на каф. педагогики и психологии Гродненского гос. ун-та им. Я. Купалы. Осн. проблематика исследований была связана с науч. направлением, разрабатываемым в НИИ общей и пед. психологии АПН СССР (в настоящее время Психологический ин-т РАО) под рук. *А. А. Бодалева*: социальная перцепция, соотношение уровней и типов социальной перцепции с особенностями воспитательных воздействий на поведение и деятельность объектов познания. Это определило стратегию исследования социально-перцептивной регуляции пед. деятельности и О. Анализу подверглись формирующиеся у учителя представления и понятия об ученике как осн. предмете пед. деятельности; уровни и типы социальной перцепции учителя, зависимость ее содержания от типа организации деятельности, а также от индивидуально-типологических особенностей личности учителей, виды рефлексивных действий в структуре социальной перцепции, содержание, структура и функции социально-перцептивного «эталона» школьника, взаимосвязь содержательной, операциональной и мотивационной сторон социальной перцепции, связь с познанием учителем личности ученика, формирования социально-перцептивных умений у студентов педвузов, акмеологические аспекты становления перцептивно-рефлексивной сферы у студентов и учителей, социально-перцептивные и рефлексивные аспекты конфликта, формирование способности к эмпатии и др. Были разработаны методы для изучения эмпатии, прогностических умений, методики определения ориентирующей и энергетической функций мотивов познания детей (*В. М. Роздобудько, С. И. Торичная, Т. К. Комарова, П. Р. Галузо* и др.).

Выявлены факторы профессиональной пед. деятельности: с позиций системного подхода проведен сравнительный анализ содержания и структуры разных видов пед. рефлексии преподавателей и мастеров, определена роль рефлексии в управлении учебно-воспитательным процессом в ПТУ, исследована связь уровней понимания учителем себя и ученика и способов пед. воздействия в ситуациях их конфликтного взаимодействия (*Л. С. Базилевская, Б. П. Ковалев, Е. В. Кос тюченко, В. А. Кривошеев, Л. А. Семчук* и др.).

В 1985–2002 гг. под рук. *С. В. Кондратьевой* и в 2002–2005 гг. *Б. П. Ковалева* проводилось комплексное изучение акмеологических закономерностей формирования профессионализма в работе с людьми (*К. В. Вербова, П. А. Ковалевский, Л. М. Путято* и др.) и профессионально-личностного самосовершенствования учителей на этапах вузовского и послевузовского образования (*П. А. Ковалевский, Ю. Б. Гуламова, А. М. Кольшко, М. М. Карнелович, Ю. Л. Скрибук*). Результаты представлены в методическом пособии и коллективных монографиях. Эти исследования позволили сделать вывод о том, что восприятие и понимание человека человеком характеризуется: единством познавательных и эмоциональных компонентов, ярко выраженной оценочной и ценностной окраской, зависимостью от мотивационно-смысловой структуры деятельности объекта познания; активностью социального объекта познания (индивид, группа), направленной на познающего субъекта, свойствами специфической деятельности, включающей цель, механизмы и способы познания, мотивы, побуждающие познавать др. людей. Обобщение способов и мотивов познания человеком др. людей ведет к формированию коммуникативных способностей и коммуникативных черт характера, выражающих отношение к др. людям.

Доказано, что «акме» в развитии социальной перцепции учителя связано с ее творческими аспектами, к-рые органически включены в структуру профессионализма. Определено: 1) Творчество учителя выступает как «открытие» индивидуальности ученика, – оно возможно при условии преодоления стереотипов и установок, проникновения во внутр. условия развития психич. жизни ученика, к-рые определяют его своеобразие, неповторимость как индивида, субъекта и личности. Критерий такого «открытия» – проникновение в эмоционально-личностную и рефлексивно-личностную сферу ученика. 2) Творческая активность учителя выражается в высоких качественно-количественных характеристиках рефлексивных действий учителя, направленных на осмысление, уточнение, перепроверку представлений и понятий об ученике, что обеспечивает постижение уникальности его личности. 3) Творческая пед. социальная перцепция характеризуется гуманистической направленностью на личностный рост ученика и высокой силой мотивов, к-рая измерялась количеством рефлексивных действий, способов решения перцептивных задач и допускаемых ошибок при составлении личностных конструкторов. 4) Творческое познание учителем учащихся характеризует предвидение действий ученика, ориентация на «зону ближайшего развития» как условие поддержания стратегии пед. воздействия. 5) Оценивание конкретного ученика возможно при наличии у учителя способности к созданию нравственных и интеллектуальных социально-перцептивных эталонов.

Перечисленные стороны социальной перцепции являются одним из главных условий высокого уровня регуляции пед. деятельности, при к-рой достигаются цели гуманистического воздействия. Такому уровню регуляции свойственны опр. закономерности: а) предметный характер социально-перцептивной регуляции, слитность процесса понимания детей и воспитательных воздействий; б) целостность психич. регуляции; в) высокий уровень психич. регуляции, к-рый характеризуется большой вариативностью пед. воздействий. В настоящее время на ф-те психологии продолжают исследования психологии О., социальной перцепции и профессионализма в работе с людьми: изучается развитие мотивационных компонентов пед. О. и пед. деятельности; исследуется социально-перцептивный эталон личности как полифункциональная детерминанта профессиональной пед. деятельности; изучается социальный интеллект, в рамках к-рого разрабатываются имплицитные модели социального развития; изучаются социально-перцептивные аспекты пед. конфликтов и индивидуальные стили О. в профессиональной пед. деятельности и жизнедеятельности (Л. М. Даукша (Путято), К. В. Карпинский, Г. Ф. Михальченко, Л. А. Семчук). Продолжаются исследования по разл. аспектам проблем социальной перцепции и рефлексии. Задачи дальнейших исследований направлены на углубленное исследование системогенеза психич. регуляции пед. деятельности и О.

• Конфликт: социально-перцептивные и рефлексивные аспекты / Ред. Б. П. Ковалев, С В. Кондратьева, Л. А. Семчук. Гродно, 2001; Практическая психология / Под ред. С В. Кондратьевой. Гродно, 1992, 1997; Профессионализм в педагогическом общении / Ред. Л. М. Даукша, Б. П. Ковалев, С В. Кондратьева, П. А. Ковалевский. Гродно, 2003.

Б. П. Ковалев, Т. К. Комарова

Исследование общения в Институте психологии РАН: школа Ломова Б. Ф. В 1970-е гг. общепсихол. исследования О. в Ин-те психологии развернулись под рук. *Б. Ф. Ломова* по разработанной им программе. Перед исследовательским коллективом (А. В. Брушлинский, Я. А. Пономарев, А. В. Беляева, А. А. Грачева, И. К. Грузинкас, В. А. Кольцова, М. Н. Мансурова, *В. Н. Носуленко*, Е. С. Самойленко, В. С. Сафонов, Е. В. Цуканова и др.), была поставлена задача изучения разл. познавательных процессов в условиях непосредственного взаимодействия испытуемых. Исследования позволили охватить практически всю совокупность психич. процессов: восприятие и оценку слуховых сигналов при решении задач шкалирования, опознание сложных визуальных объектов, запоминание и воспроизведение мат-ла,

формирование понятий, решение мыслительных, в т. ч. творческих, задач, процессы целеполагания и др.

Обобщение полученных в ходе исследований данных показало: 1) Экспериментально выявлена тенденция изменения динамики и результатов психич. деятельности разного уровня (от восприятия простых сигналов и до такой сложной интеллектуальной деятельности, как решение творческих задач) под влиянием О., что дало основание рассматривать его в кач. важного фактора развития и проявления психич. явлений и подтвердило правомерность общепсихол. подхода к исследованию О. 2) Статистически установлено, что в большинстве случаев наблюдается позитивный эффект включения О. в познавательную деятельность. Обнаружено, что в условиях совместной поисково-опознавательной деятельности снижается процент ошибок опознания, возрастает избирательность поиска, меняется его стратегия к более эффективной. При восприятии и оценке слуховых сигналов в условиях О. выделяется общий оценочный модуль-эталон, что в большинстве случаев приводит к повышению точности оценочных шкал. Изучение мнемических процессов показало, что в условиях О. возрастает объем и полнота запоминания и воспроизведения (в т. ч. отсроченного) стимульного мат-ла. Успешнее в условиях О. протекают процессы формирования понятий (В. А. Кольцова) и решения задач (А. В. Брушлинский и возглавляемая им группа), в т. ч. требующих творческого решения (Я. А. Пономарев). 3) Выявлены факторы, определяющие динамику О. и характер его влияния на психич. проявления субъектов. К их числу относятся: а) особенности осуществляемой деятельности, ее содержательные характеристики, степень субъективной сложности; б) комплекс индивидуально-психол. характеристик (уровень активности субъектов при выполнении познавательной деятельности, включенность в нее, отношение к выполняемой задаче и характер мотивации, индивидуальные возможности организации и поддержания взаимодействия с партнерами, подготовленность к деятельности, коммуникативные навыки и т. д.); в) разл. социально-психол. параметры: уровень согласованности взаимодействия, его направленность, работанность группы, характер деловых и межличностных отношений, ситуационные факторы – специфика условий взаимодействия (экстремальной или норм., эксперим. или естественной и т. д.). 4) Установлено, что воздействие О. на психич. проявления индивидов определяется уровнем их взаимосвязанности и согласованности в совместной познавательной деятельности. Их крайним полюсом является ситуация «молчаливого присутствия» других. В основе разработки теории совместной деятельности (А. Л. Журавлев) общепсихол. подход к исследованию О., обоснованный Б. Ф. Ломовым. 5) Полученные эксперим. данные позволяют выделить те специфические психол. явления, актуализация к-рых в условиях О. определяет сдвиги в динамике и результатах познавательной деятельности. Установлено, что в О. осуществляется обмен знаниями, и, как следствие, возникает общий информационный фонд совокупного субъекта. Происходит совместная разработка гипотез, путей и способов решения задачи, взаимная коррекция взглядов субъектов, приводящая к отсеиванию крайних, неверных позиций, сужению зоны поиска, фокусированию усилий членов группы на анализе точек «наивысшей вероятности». Влияние О. осуществляется и через воздействие на мотивационную сферу человека. Нередко у испытуемых интерес первоначально возникает к ситуации взаимодействия, процессу О. с партнером, а затем в ходе совместной деятельности он трансформируется в познавательную мотивацию. В условиях О. актуализируются регуляционные механизмы. Осуществляется взаимный контроль над деятельностью и оценка вклада каждого участника О. в общегрупповой результат, что, в свою очередь, приводит к усилению самоконтроля и саморегуляции. Имеет место эмоциональное взаимодействие партнеров, передача настроений, проявляется фасилитирующий эффект, возникает чувство уверенности в возможности решения стоящей перед группой задачи.

На основе предложенной Б. Ф. Ломовым концепции О. появилась возможность решения ряда взаимосвязанных проблем: выделения О. как самост. категории в системе общепсихол.

знания и рассмотрения ее соотношения с др. базовыми категориями психологии; определения более адекватной эксперим. модели исследования психич. явлений; эксперим. изучения разл. психич. явлений в процессе О., что позволило выявить важные психол. закономерности, касающиеся их содержательных и процессуально-динамических характеристик; исследования особенностей совместной деятельности; разработки практических рекомендаций по повышению эффективности группового взаимодействия.

В начале XXI в. стали решаться вопросы порождения, организации и функционирования психич. процессов в условиях О., взаимосвязи О. и совместной деятельности, способов включения личности в процесс О. и ее трансформации и мн. др. Теорет. и эксперим. работы ориентированы на поиск конкретных механизмов когнитивно-коммуникативных процессов, экологически, социально, либо профессионально валидных условий их осуществления. Особое внимание обращается на интеллектуальные образования когнитивно-коммуникативных процессов: социальный интеллект, коммуникативная компетенция или Я-концепция и практические способы их реализации, напр., в ходе переговоров или взаимодействия людей с совр. системами телекоммуникации. Элементы О., в частности вербализация переживаемых образов, используются в кач. методов исследования познания и оценки человеком действительности, а разл. стороны ощущений, восприятия или мышления – в кач. методов исследования коммуникативной функции психики. На разнообразном мат-ле рассматриваются когнитивно-коммуникативные образования психики и феномены, возникающие в процессе взаимодействия людей, а также когнитивно-коммуникативные составляющие социальной компетенции и психотерапевтических процессов. Обсуждаются особенности *дискурса* в системе социально-психол. отношений, особенности О., опосредованного новыми технологиями (В. В. Барабанищikov, Н. П. Дмитриева, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко и др.). Все исследования носят комплексный характер, опираясь на достижения смежных дисциплин: социологии, политологии, педагогики, лингвистики, информатики и даже палеонтологии.

• Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии. М., 1981; *Он же*. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; *Он же*. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; Общение и познание / Ред. В. А. Барабанищikov, Е. С. Самойленко. М., 2007; Познание и общение / Ред. Б. Ф. Ломов, А. В. Беляева, М. Коул. М., 1988; Психологические исследования общения / Под ред. Б. Ф. Ломова, А. В. Беляевой, В. Н. Носуленко. М., 1985.

В. А. Кольцова, В. А. Барабанищikov

Исследование общения в Кубанском государственном университете. Науч. исследования по проблемам О. и межличностного познания в КубГУ начались в 1971 г., когда под общ. рук. А. А. Бодалева была организована лаборатория социальной перцепции. Через 3 года лаборатория была реорганизована в каф. психологии, к-рую возглавил О. Г. Кукосян. Общей темой науч. исследований стала психология познания людьми друг друга. Особое место в развитии социальной перцепции имела подготовка и проведение в Краснодаре на базе КубГУ 1-й Всесоюзной конференции по теорет. и прикладным проблемам психологии познания людьми друг друга (1975). Это было первой попыткой в стране оценить состояние дел в обл. изучения психол. процессов, состояний и свойств человека, когда он, взаимодействуя с др. людьми, выступает в роли объекта и субъекта познания. 2-я конференция по проблемам О. была проведена на базе КубГУ в 1979 г.

С 1977 г. начался выпуск межвузовских тематических сборников науч. статей по проблемам, охватывающим разные компоненты О.: познание и восприятие человека человеком, воздействие на человека в ходе О., эмоциональный фон восприятия. До 1991 г. подготовлено 15 выпусков сборника по разл. аспектам социальной перцепции. По итогам проводимых О. Г. Кукосяном исследований издана монография «Профессия и познание людей» (на примере

профессий юристов, физиков, экономистов, биологов, художников). Были выявлены и охарактеризованы зависимости между профессией человека, с одн. стор., и первых впечатлениях о познаваемом человеке, восприятием его внеш. облика и поведения, формированием понятия о нем как личности – с другой. Под общ. рук. А. А. Бодалева проводились исследования: особенностей познания самих себя студентами вузов в зависимости от половой принадлежности (А. Г. Гусева), особенностей отражения субъектом противоположных качеств личности др. человека (А. А. Горбатков), межличностного взаимопонимания в спортивных коллективах (А. А. Баштинский), эталонов личности общественников в представлениях студентов (Н. И. Лысенко); исследовались психол. аспекты участия трудовых коллективов в оценке и подборе руководителей (А. Н. Кимберг), взаимообусловленное содержание самооценки и эталона (З. И. Рябикина), особенности когнитивных структур как фактор предрасположенности к упрощенно-оценочной информации (А. А. Лузаков) и др.

С 1990-х гг. в исследованиях проблем О. психологам КубГУ делается акцент на личности как субъекте отношений с др. человеком. В продолжение идей Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской и др. сложился субъектно-бытийный подход к личности (З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожигова и др.), реализованный в изучении разл. аспектов О. как со-бытия. При анализе личности, создающей реальность своего бытия, выявлены проблемы, возникающие в связи с сопротивлением бытия др. людей (З. И. Рябикина), – анализ ситуаций *взаимодействия* с др. человеком предстает как система взаимодействия бытийных пространств субъектов бытия. Субъектно-бытийный подход к личности позволил по-новому рассмотреть и дефинировать феноменологию О. в бытийном поле супружеских отношений и непрерывном *диалоге* субъектов. Интерсубъективность партнеров рассмотрена не столько в вербальном диалоге, но как реализованная в предметном пространстве квартиры. Исследования показали, что субъектная позиция личности в браке обусловлена ее потребностью в достижении приватности в жилище (А. Р. Тиводар), было выделено 3 уровня эгоизма, обуславливающие качественно разл. типы организации субъектом со-бытия в браке (О. В. Бондарева) в частности – в обстоятельствах с «делегированной» субъектностью (Д. А. Панов); выявлены эмоционально-поведенческие паттерны, являющиеся индикатором нарушения границ бытийного пространства личности (А. В. Бурмистрова).

С 2000 г. в КубГУ по разл. аспектам процесса О. проведено исследование особенности самоактуализации личности матери как фактор ее отношения к детям (Т. К. Хозяинова), дан анализ влияния Я-концепции на формирование конгруэнтного имиджа личности (Е. М. Забазнова), анализ переговорного процесса (Г. Г. Танасова), который выявил существенные различия в переживаниях и оценке переговорных ситуаций в зависимости от статуса партнера. Исследования показывают, что в отношениях, возникающих, когда человек строит свое бытие на общей территории с др. людьми, саморегуляция должна в опр. мере стать со-регуляцией, т. е. такой саморегуляцией двух создающих свое со-бытие субъектов, в к-рой принятые каждым из них цели деятельности и О., их «субъективные модели значимых условий», «программы исполнительских действий», «критерии успеха» и пр. должны быть соотнесены и скоординированы. Достижение этой дуальности – условие удовлетворенности личности бытием.

• Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга / Отв. ред. О. Г. Кукосян. Краснодар, 1979; *Кукосян О. Г.* Профессия и познание людей. Краснодар, 1977; *Танасов Г. Г.* Личность как субъект переговорного процесса: бытийный подход // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В. В. Знакова. М., 2005; Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга / Под общ. ред. А. А. Бодалева. Краснодар, 1975; *Тиводар А. Р.* Психология события личности в браке. Краснодар, 2008; *Хозяинова Т. К.* Отношение матери к ребенку: личностный аспект. Краснодар, 2006.

О. Г. Кукосян, З. И. Рябикина

Исследование общения в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете. Кардинальный шаг в определении стратегии и тактики исследования главных аспектов познания людьми друг друга в разных ситуациях их взаимодействия был совершен в нач. 1960-х гг., когда по инициативе *Б. Г. Ананьева* в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) ун-те была создана руководимая *А. А. Бодалевым* науч. группа, к-рая поставила перед собой задачу – преодолеть недостатки подхода к изучению межличностного познания, типичного для зап. психологии. Первые результаты сотрудников этой группы – *Б. А. Еремеева*, *В. Н. Куницыной*, *В. Н. Панферова*, *З. Ф. Семеновой*, *В. В. Унгула*, *Н. Ф. Федотовой* и др., обобщенные в докт. дис. *А. А. Бодалева* и его монографиях «Восприятие человека человеком» (1965) и «Формирование понятия о др. человеке как личности» (1971), инициировали поток исследований все новых сторон сложнейшего процесса межличностного познания учеными, представляющими разл. науч. центры страны. Сначала исследовались разл. параметры процесса восприятия и познания человека человеком (*А. А. Бодалев*, *В. А. Еремеев*, *О. Г. Кукосян*, *В. Н. Куницына*, *В. Н. Панферов*, *С. С. Дашкова*, *В. А. Лабунская*, *В. Х. Манеров* и др.). Последовательно осуществлялось изучение познавательного компонента О. Прослеживались особенности восприятия человеком самого себя и понимание им собственной личности в ординарных и экстремальных ситуациях (*В. И. Кабрин*, *З. Н. Лукьянова*, *З. И. Рябикина*, *К. Д. Шафранская* и др.).

В 1960–1970-е гг. О. стало рассматриваться как особый вид деятельности, к-рая в одних ситуациях выступает самост. проявлением коммуникативной активности, а в других оказывается включена в более сложную деятельность и является обязательным условием ее успешного выполнения. В круг внимания исследователей были включены цели, к-рые преследуют участники совместной деятельности; мотивы, побуждающие их выполнять эту деятельность; способы, к-рые они при этом применяют. Учитывались формальный и неформальный статусы каждого из соучаствующих в этой деятельности людей. Выявлялся уровень коммуникабельности, деловые и лидерские способности, эмоциональные качества общающихся, учитывался характер вклада участников в достижение цели деятельности – обычно он определял особенности восприятия, понимания и оценки личности партнера и обуславливал валентность и силу отношения к нему др. участников деятельности, как правило, влиял на восприятие себя и своей личности каждым участником выполнения задания (*А. С. Егоров*, *Ю. П. Степкин*, *В. В. Унгул*, *Н. Т. Федотова*, *Е. А. Хорошилова* и др.). Выявлению содержания формирующихся у человека образов др. людей и самого себя, а также понимания личности других и своей собственной личности были посвящены исследования *В. Н. Куницыной*, *В. Н. Панферова* и др., изучались эталоны и стереотипы, к-рые актуализируются у испытуемых, различающихся по возрасту, полу, профессии при решении познавательных задач в О.

В 1980–2000-е гг. в СПбГУ проблемы межличностного О. исследует *Куницына В. Н.* с группой учеников и единомышленников, продолжая начатые традиции. и формируя новые подходы. С начала 1980-х гг. развивается система тренингов межличностного общения и коммуникативной компетентности. Проблемы коммуникативной компетентности и коммуникабельности исследовали *В. И. Кабрин*, *Л. А. Цветкова* (Коммуникативная компетентность, 1998), *О. И. Даниленко* (Культура общения и ее воспитание, 1989); массовая коммуникация и искусство как особый вид общения были объектом исследования *В. Е. Семенова*, *А. Н. Капустинной* и их учеников. Был начат цикл работ, посвященных трудностям и успешности неформального общения. В 1980–1990-е гг. сложилась концепция социального интеллекта и социальной компетентности, которая опирается на результаты многолетних исследований проблемы успешности О. и оригинальные методы изучения этих феноменов.

В 1990–2000-е гг. выполнены научные исследования в обл. социальной мотивации взаимодействия и общения людей, социального интеллекта (*М. Л. Кубышкина*, *В. М. Погольша*, *Н. А. Анцупова*, *И. В. Кузнецова*, *Е. Л. Михневич* и др.); в обл. взаимодействия и межлич-

ностных отношений людей разных возрастов (Т. Б. Юшачкова, Т. В. Казанцева, Е. Н. Куликова, Д. Берштейн и др.), в обл. морально-нравственных проблем межличностных отношений и общения (А. А. Моисеева, М. Т. Султанова, О. А. Жданова, Д. Р. Павлова и др.). Содержание исследований сотрудников СПбГУ представлено в 3 сборниках статей. В 1-м – «Социальная психология: диалог Санкт-Петербург – Якутск» (2002) – рассмотрены проблемы: коммуникативно-личностный потенциал и профессиональная среда (В. М. Погольша), совесть как психол. феномен (Л. Ю. Юркина), игрушка как психосоциокультурный феномен (М. В. Осорина), взаимосвязь агрессивности и компьютерных игр жестокого содержания (Е. Г. Жилин) и др. Во 2-м сборнике – «Психология и мораль» (2004) – представлены работы по проблемам совести (Л. Ю. Юркина), альтруизма (В. Н. Куницына, А. А. Моисеева), толерантности, (Н. Л. Оконешникова), интеллигентности (О. И. Даниленко), такта в межкультурной коммуникации (С. Д. Гуриева), тревожная и противоречивая привязанность к людям (Т. В. Казанцева), роль вины в межличностных отношениях (И. А. Белик) и др. В 3-м сборнике – «Семья в современном мире» (2010) – содержатся статьи по проблемам семейных ценностей и отношений, также есть раздел об особенностях современного социального мира и общения в нем. Цикл заметных работ в обл. психологии общения выполнен К. Муздыбаевым: Вина, стыд, месть, моральный упрек (1996); Феноменология и измерение надежды (1999); Завистливость (2002); Анатомия эгоизма (2003); Оптимизм и пессимизм личности (2003); Психология заботы (2010). Много переизданий выдержала книга Н. В. Гришиной «Психология конфликта» (2000).

В последние годы под рук. *В. Н. Куницыной* выполняется исследование механизмов межпоколенной трансляции ценностей в новых истор. условиях с целью повышения нравственного капитала молодого поколения. Под рук. А. Л. Свенцицкого осуществляется исследовательская работа по теме «Социальный капитал». Этот феномен понимается как объем и качество связей, которые человек имеет с другими людьми и группами. Выявлено, что уровень межличностного, организационного (корпоративного) и общественного (институционального) доверия является своеобразным «термометром» социального здоровья общества.

• *Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965; *Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб., 2000; *Емельянов Ю. Н.* Активное социально-психол. обучение. Л., 1985; *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение. М., 2001. *Муздыбаев К.* Анатомия эгоизма. М., 2003; *Психология и мораль.* СПб., 2004; *Семья в современном мире,* СПб., 2010.

А. А. Бодалев, В. Н. Куницына

Исследование общения в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова: школа Андреевой Г. М. Каф. социальной психологии ф-та психологии МГУ была создана *Г. М. Андреевой* в 1972 г. по инициативе декана ф-та психологии А. Н. Леонтьева. В первое 10-летие разрабатывалась проблематика социальной перцепции наряду с анализом методологических проблем и теорет. подходов в социальной психологии. В основе разработок лежала теорет. схема исследования социальной перцепции, предложенная *Г. М. Андреевой* (1977). Исследовалась проблематика межличностного восприятия как одного из видов социальной перцепции, в кач. одного из базовых механизмов описан механизм каузальной атрибуции (*Андреева, 1979*). Первые результаты исследований были обобщены в коллективной монографии «Межличностное восприятие в группе» (1981), заданы принципы исследования межличностного восприятия в условиях совместной групповой деятельности. Методологическую основу составили теория деятельности *А. Н. Леонтьева* и концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе *А. В. Петровского*. В эмпирических исследованиях изучалась динамика межличностного восприятия в условиях совместной деятельности, роль межличностного восприятия в формировании системы внутригрупповых установок и рефлексивной структуры группы, роль обратной связи в функционировании перцеп-

тивных процессов в группе, а также перцептивные аспекты межгруппового взаимодействия. Изучалась специфика межличностного восприятия в производственном коллективе, в семье, в школьном классе и летнем лагере для школьников, в ситуации массовой коммуникации и в группе *социально-психол. тренинга*.

В 1980-е гг. рамки исследований были расширены с анализа социально-перцептивных процессов до анализа целостного процесса О. Попытка Г. М. Андреевой соотнести отеч. и зап. традиции в рассмотрении О. в социальной психологии через выделение в его структуре коммуникативной, интерактивной и социально-перцептивной сторон оказалась очень продуктивной, т. к. в результате преодолевался разрыв между названными традициями и появлялась возможность «наводить мосты» между ними. О. рассматривается в предложенном Г. М. Андреевой подходе как способ связи (*обмен информацией*) между действующими (*взаимодействующими*) индивидами, стремящимися к познанию друг друга и к достижению взаимопонимания (*воспринимающими друг друга опр. образом*). При этом подчеркивается несводимость понятия О. к каждому из 3 выделенных в нем компонентов. Вместе с тем такой подход позволяет при анализе целостного процесса О. учесть разработку каждого из компонентов в отдельности. При анализе проблемы взаимосвязи О. и совместной деятельности вначале деятельность рассматривалась как детерминанта О. Позже в центр исследований поставлена проблема анализа обратного воздействия О. на совместную деятельность: О. рассматривалось как фактор оптимизации совместной деятельности. Результаты представлены в коллективных монографиях «Общение и деятельность» (1981), «Общение и оптимизация совместной деятельности» (1987), подготовленных в сотрудничестве с чешскими коллегами. Изучение влияния О. на характер отношений, складывающихся в совместной деятельности группы, на уровень развития этой совместной деятельности в группе, на развитие личности как субъекта совместной деятельности – в практическом плане означает, что оптимизация совместной деятельности становится возможной и через воздействие на процессы О. В эмпирических исследованиях было показано, как характеристики О. влияют на процесс группового принятия решений, на эффективность совместной работы в учебной деятельности, на межличностные отношения в семье. Была изучена роль атрибуции, рефлексии и стереотипизации в оптимизации совместной деятельности.

В 1970–1980-е гг. параллельно с изучением межличностного восприятия и межличностного О. продолжались исследования проблем межгруппового восприятия. В. С. Агеев развил положение Г. М. Андреевой о том, что ведущим социально-психол. аспектом в проблеме межгрупповых отношений следует считать межгрупповое восприятие. В эмпирических исследованиях В. С. Агеева и его учеников дан анализ специфических для межгруппового восприятия механизмов социальной перцепции: ингрупповой фаворитизм, социальная стереотипизация, межгрупповая каузальная атрибуция, физиогномическая редукция.

Атрибутивные процессы как механизм социального восприятия, объектом и субъектом к-рого являются большие социальные группы (страны и этносы), исследовались *Т. Г. Стефаненко*. Социальную каузальную атрибуцию и социальную стереотипизацию (или атрибуцию стереотипных личностных черт) она рассматривает как 2 взаимозависимых, но относительно самост. вида единого атрибутивного процесса, выполняющих функции поддержания позитивной социальной идентичности и межгрупповой дифференциации. В процессе изучения взаимосвязи О. и личности А. У. Хараш разработал интерсубъектный подход к пониманию личности (в противовес традиционному интрасубъектному), в рамках к-рого О. рассматривается не как вид поведения, а как коммуникативное состояние личности. Он предложил типологию коммуникативных состояний личности, разделив их на 2 класса – защитные состояния самоподачи и состояния самораскрытия. Проблема коммуникативного воздействия изучалась: на мат-ле массовой коммуникации сквозь призму восприятия коммуникатора аудиторией (Н. Н. Богомолова); на мат-ле пед., воспитательного О., понимаемого как общение-диалог, предпола-

гающий равенство психол. позиций учителя и ученика, а также самораскрытие учителя (*Л. А. Петровская*); на мат-ле лекционного О., рассматриваемого как встреча личностных позиций коммуникатора и реципиентов в пространстве диалога, как диалогическое включение лектора в смысловое пространство слушателей (*А. У. Хараш*).

В 1990-е гг. в работах Г. М. Андреевой обозначилась новая рамка анализа, выводящая исследования каф. социальной психологии за границы процесса О. и социальной перцепции как его части, – это познание человеком социального мира, в к-ром он живет, и конструирование образа этого мира. Это область психологии социального познания. Проблематика О. продолжает разрабатываться в неск. направлениях: изучение массовой коммуникации как массового О., как О. больших социальных групп (*Н. Н. Богомолова*), изучение обратной связи в О. (*Л. А. Петровская*, *О. В. Соловьева*), разработка и изучение социально-психол. методов диагностики и развития коммуникативной компетентности (*Ю. М. Жуков*), изучение социально-психол. аспектов интернет-коммуникации (*Е. П. Белинская*).

• *Андреева Г. М.* К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции // *Вопр. психологии*, 1977. № 2; *Она же.* Процессы каузальной атрибуции в межличностном восприятии // *Вопр. психологии*, 1979. № 6; *Она же.* Социальная психология. М., 1980; Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М., 1981; Общение и деятельность / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. Прага, 1981 (на чеш. яз.); Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. М., 1987.

О. В. Соловьева, Т. Г. Стефаненко

Исследование общения в Психологическом институте РАО. Проблемы практически ориентированной психологии О. и развития личности рассматривались сотрудниками ПИ РАО (ранее НИИ Общей и пед. психологии АПН СССР) во мн. аспектах, т. к. О. – обязательный компонент всех видов деятельности – учебной, трудовой, игровой. Вопросы О. так или иначе затрагивались и в трудах исследователей процесса воспитания и формирования личности – *Л. С. Выготского*, *Л. И. Божович*, *Л. И. Славинной* и др. В 1976 г. в НИИ ОПП была сформирована лаборатория «Психология О. в семье и школе» (рук. *А. А. Бодалев*), к-рая была первой и единственной в СССР, где исследовалась психология О. и социальная перцепция. Ее коллектив стал координатором работ в СССР по данной проблематике. Усилиями лаборатории были проведены Всесоюзные конференции по психологии О. в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Киеве, Барнауле, Гродно, Дрогобыче, Грозном, Краснодаре и др. городах страны, опубликованы сборники мат-лов и монографии.

В нач. 1980-х гг. сотрудники лаборатории совместно с преподавателями ф-та психологии МГУ создали первую в стране Службу психол. помощи населению. За 9 лет работы этой Службы было зарегистрировано 12 000 обращений – в осн. от родителей, испытывающих трудности в воспитании детей. В 1993 г. преемницей лаборатории стала науч. – исслед. группа «Психология О. и реабилитации личности» (рук. *А. А. Бодалев*, с 2002 – *Н. Л. Карпова*). Осн. направления исследований: 1) Исследование О. в общей и пед. психологии. Анализировались виды О.: личности с разл. общностями людей, этих общностей между собой, О. людей друг с другом в системе «человек – человек». Было показано, что, проявляясь в О., положительные и отрицательные особенности интеллекта человека, характеристики его эмоциональной сферы, манеры, поведение во взаимоотношениях с другими, влияют на развитие личности (*А. А. Бодалев*). Процесс социальной децентрации и развития высших форм *эмпатии* исследовался *Т. П. Гавриловой*. Было показано, что эмпатия может осуществляться в 2 видах: сопереживания и сочувствия. Ряд аспектов межличностного влияния в деятельности О. был рассмотрен в 1970–1980-е гг. *Р. Л. Кричевским*, к-рый отмечал, что трактовка О. как особого вида человеческой деятельности, имеющего своей основой отношение «субъект – субъект», требует анализа его

процессуальных, динамических характеристик. Проблемы эгоцентризма в О. исследовались *Т. И. Пащуковой*. На рубеже XX–XXI вв. были проведены межд. конференции по психологии О. (Ростов-на-Дону, 2003; Москва, 2000, 2006, 2009). 2) Исследование О. и психич. развития ребенка. *М. И. Лисина* одной из первых в психол. науке подошла к изучению О. как особой коммуникативной деятельности и понятия «О.» и «коммуникативная деятельность» рассматривала как синонимы. Исследования *М. И. Лисиной* и ее сотрудников показали решающую роль О. ребенка со взрослыми в его умственном, эмоциональном и волевом развитии. 3) Проблемы О. в семье и школе отражены в ряде работ *А. А. Бодалева* и его учеников. Было подтверждено, что складывающиеся в семье отношения влияют на развитие когнитивной и эмоциональной сферы личности, в частности, на становление у ребенка способности многопланово и гибко отражать окружающий его мир людей. (*Т. А. Флоренская*, *Ю. В. Баскина*). В помощь семье в воспитании детей были подготовлены 2 выпуска «Популярной психологии для родителей» (1987, 1997). Раскрывая психол. особенности школьного О., сотрудники лаборатории выделили 2 осн. «координаты» исследования: по вертикали (система «учитель – ученик» и, в частности, «классный руководитель – ученический коллектив») и по горизонтали (система «ученик – ученик»), а также провели определение психол. специфики, функций и воспитательных возможностей каждой из этих сфер О. Выяснению психол. условий (факторов) эффективности О. педагога с учебным коллективом были посвящены исследования *Р. Л. Кричевского*. 4) В 1980-е гг. обоснованием и реализацией системного подхода к анализу природы, механизмов, закономерностей организации процесса психол. воздействия на человека и активными методами обучения О. занимался *Г. А. Ковалев*. Разработку темы диалога в практической психологии в 1980-е гг. вела *Т. А. Флоренская*. Углубленный анализ особенностей индивидуального психол. консультирования как диалогического О. провел *А. Ф. Копьев*. 5) С 1980 г. исследование психол. проблем восстановления нарушенного речевого О. у заикающихся подростков и взрослых вела *Ю. Б. Некрасова*, создавшая метод групповой логопсихотерапии. С конца 1980-х гг. *Н. Л. Карповой* в развитие данного метода разрабатывается система семейной групповой логопсихотерапии, к-рая предусматривает активное включение на всех этапах социореабилитации родителей и родственников пациентов. Это обеспечивает коррекцию поддерживающих заикание семейных отношений. 6) О. при сенсорной депривации, а именно слепоглухоте, на собственном опыте исследует *А. В. Суворов*, отмечая, что главная проблема в организации содержательного О. – полноценное сотрудничество инвалидов со здоровыми как можно в более широкой области.

• *Бодалев А. А.* Личность и общение. М., 1983; Общение и диалог в практике обучения, воспитания и психологической консультации / Редкол.: *А. А. Бодалев* (отв. ред.) и др. М., 1987; Общение и развитие психики / Под ред. *А. А. Бодалева*, *Г. А. Ковалева*. М., 1986; Общение и формирование личности школьника. Опыт экспериментального психологического исследования / Под ред. *А. А. Бодалева*, *Р. Л. Кричевского*. М., 1987; Психология межличностного познания / Под ред. *А. А. Бодалева*. М., 1981; Психология общения. Обзорная информация / Науч. ред. *А. А. Бодалев*, *Р. Л. Кричевский*. М., 1978.

Н. Л. Карпова

Исследование общения в Ростовском государственном университете (ЮФУ). Становление психологии О. в РГУ (ныне Южный федеральный ун-т) происходило благодаря сильному теорет. влиянию 2 отеч. школ психологии О.: ленинградской, возглавляемой *А. А. Бодалевым*, и московской, возглавляемой *Г. М. Андреевой*. В 1970-е гг. огромную роль в формировании направлений изучения О. в РГУ сыграла *А. С. Золотнякова* и ее учебное пособие «Проблемы психологии О.» (1976), где рассматривались личностные, социальные типы О., их профессиональные, познавательные и генет. аспекты. В 1978 г. выходит сборник статей, посвященных психологии пед. О., в 1980 г. – сборник по проблемам взаимопонимания в О. учи-

теля и ученика. Первый этап становления психологии О. в РГУ завершился проведением Всесоюзной конференции (1990), в рамках которой многосторонне обсуждалась проблема психол. трудностей О., акцент был сделан на диагностике и коррекции. В это же время (1991) выходит коллективная монография, посвященная эмоциональным и познавательным аспектам О. Ее содержание свидетельствует о теорет. и эмпирическом изучении ряда проблем социальной перцепции (стилевые и содержательные аспекты самооценки и оценки в О.; интерпретации невербального поведения в О.), отношений и взаимоотношений (феномен доверия, избирательность и парциальность доверия в О.; проявление аффилиативных тенденций), затрагивается проблема влияния депривации О. в раннем детстве на понимание невербального поведения, проблема подготовки личности к невербальным коммуникациям.

Эти направления исследований оформились в самостоят. области изучения психологии О.:

1. Социально-психол. изучение экспрессии человека и О. (рук. В. А. Лабунская). Сформулированы и сформулированы теоретико-методологические принципы изучения экспрессивного поведения личности; создана структурно-функц. модель невербальных средств О.; выявлены осн. характеристики интерпретации невербального экспрессивного поведения личности (В. А. Лабунская). Теоретически обоснована трактовка невербального, экспрессивного кода как социально-психол. феномена и разработана теорет. схема анализа невербальной интеракции (И. А. Дроздова, В. А. Лабунская, Т. А. Шкурко). Одним из направлений деятельности данной группы исследователей является анализ структуры социально-перцептивных способностей личности, определение уровня развития способности к интерпретации невербального поведения в О. (И. А. Дроздова, Ю. А. Менджерицкая, О. О. Пугачевский), влияния на этот процесс социальных потребностей личности (Г. В. Сериков), принадлежности к разл. культурам и социальным стратам (Д. Дэлгэрма). Также исследуется проблема внеш. облика. В отличие от традиционных подходов к его изучению, в концепции, развиваемой В. А. Лабунской, понятие «внеш. облик» сопряжено с такой междисциплинарной категорией, как категория «выражение», а само явление «внеш. облик» рассматривается сквозь призму фундаментальной филос. – психол. проблемы соотношения внешнего и внутреннего. Ведется изучение роли гендерных факторов в О. (Д. В. Воронцов, Е. В. Белугина, К. Г. Нестерова-Маликова и др.); под рук. В. А. Лабунской исследуется *психология затрудненного О.*

2. Разрабатывается новая междисциплинарная область знаний – *онтопсихология О.* и его онтологические формы – *диалог, игра, манипуляция* (рук. Л. И. Рюмина). С позиций ценностно-смыслового подхода выполняются прикладные исследования в обл. психологии массовой коммуникации, в т. ч. рекламы, рассматриваются вопросы, касающиеся социокультурной опосредованности О., способов и средств взаимопонимания, разрешения конфликтных ситуаций, влияния манипулятивных склонностей личности на удовлетворенность отношениями в межличностной сфере и группе; рассматривается проблема внутриличностных особенностей и ценностно-смысловых детерминант лиц, склонных к манипуляциям и ставших их объектом (С. В. Беденко, Ю. А. Желтонова, С. Д. Конторович, А. В. Кузуб, Е. Л. Марголина, Н. М. Олейник и др.).

3. Анализ связи трех когнитивных стилей (полезависимости – полнезависимости, понятийной дифференцированности и когнитивной сложности) с индивидуальными особенностями социальной перцепции личности и мотивацией О. проводится под рук. И. П. Шкуратовой. В сотрудничестве с Л. И. Габдулиной ею также изучалась связь полезависимости школьных учителей с их стилями пед. О. В. Г. Ромек исследовал факторы и характеристики уверенного поведения личности в процессе О. С сер. 1990-х гг. разрабатывается проблема самовыражения личности в О. через индивидуальные характеристики (М. В. Бородина, Е. В. Зинченко, Н. В. Перепелица, М. В. Тепина, Ю. А. Гоцева).

4. Т. П. Скрипкиной создана концепция *доверия* как самостоят. социально-психол. явления. Изучены особенности проявления доверия в Рос. армии (И. В. Балуцкий); в группах несовер-

шеннолетних подростков (А. А. Кокуев); специфика доверительных отношений в рекрутинговых компаниях (А. А. Агуреева). Исследовалось доверие в образовательном процессе (А. А. Дорофеев, Е. А. Тутова, Н. Е. Гульчевская и др.). Изучены психол. особенности застенчивости на этапе ранней юности в связи с доверием к себе и к другим (Л. А. Краснова), описаны модели доверительного поведения личности в критической и в трудной жизненной ситуации (О. Г. Голуб, О. Г. Фатхи, И. С. Ломаковская и др.).

5. Изучение феноменологии *О.* в семье и профессиональной психол. помощи личности и семьям с деструктивным *О.* (рук. А. И. Тащёва). В рамках этого направления изучаются: а) атрибутивные процессы в супружеских и детско-родительских конфликтах, в связи с разл. стилями родительского *О.* (Л. В. Барилко, Л. Е. Ващенко, Л. Н. Домашенко, С. Н. Фрондзей, О. В. Роменская); б) *О.* в связи с разл. структурой и кризисами семьи: *О.* в полных, неполных, многодетных семьях, в парах с разным стажем супружества и ролевым поведением; в семьях с детьми-инвалидами и безработными, с разл. видами созависимостей (О. Б. Паненко, Е. Н. Самсонова) и др. Под рук. А. И. Тащёвой разработаны методология и методический аппарат для диагностики качества *О.* в семье и в процессе психол. помощи.

• *Воронцов Д. А.* Гендерная психология общения. Ростов-н/Д, 2008; *Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-н/Д, 1999; *Лабунская В. А., Менджерщицкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения. М., 2001; *Рюмишина Л. И.* Ценностно-смысловой подход к общению. Ростов-н/Д, 2004; *Скрипкина Т. П.* Психология доверия. М., 2000; *Социальная психология личности в вопросах и ответах.* М., 2001; *Тащёва А. И.* Энциклопедия психологической помощи. Ростов-н/Д, 2000; *Шкуратова И. П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов-н/Д, 1994.

В. А. Лабунская

История развития понятий «общение» и «коммуникация». Активное использование понятий *О.* и *коммуникация (К.)* в отеч. психологии началось в 1970–1980-х гг. одновр. с развитием общей, социальной, пед., инженерной психологии, психологии труда, а также психологии личности, медицинской психологии, психотерапии. Анализ толкования этих понятий в психол. литературе и справ. изданиях выявил большую разнородность предлагаемых дефиниций, более того, в одних словарях приводится и понятие *О.*, и понятие *К.*, в др. – только одно или др., в третьих они представляются синонимами. Для ответа на вопрос, когда в науч. обороте появились эти понятия и каково их содержание, был проведен анализ психол. литературы и текстов отеч. словарно-энциклопедических изданий начиная с 2-й пол. XIX в. – времени возникновения психологии как самост. науки. Обнаружилось, что понятие *О.*, казалось бы широко распространенное в обыденной речи, отсутствует в справ. изданиях XIX в. вплоть до 1940-х гг. Тем не менее в словаре В. И. Даля (1863–1866) впервые появилось слово *К.*, но как калька с фр., означающее «сообщение, пути, дороги, средства связи. Коммуникационный – к сообщениям относящийся». В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890–1907) *К.* определена только как военный термин: «... пути, соединяющие базу (территориальную полосу в тылу армии, на к-рой собраны все средства для ведения войны) с местом расположения армии».

В общенаучных справочных изданиях XX в., таких как БСЭ и энциклопедические словари изд-ва «Советская энциклопедия», продолжилась традиция включать в словник только термин *К.* Важно, что в 3-м изд. БСЭ (1973) уже было изменено толкование этого термина – указывалось, что *К.* – это «передача информации от человека к человеку» и синоним слова *О.* Аналогичное определение сохранилось и через 30 лет в Большом энциклопедическом словаре (2002): «...*К.* – *О.*, передача информации от человека к человеку», но при этом добавляется, что это «специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся гл. о. при помощи языка (реже при помощи др. знаковых

систем)». Можно предположить, что здесь сказалось как влияние толковых словарей русского языка Д. Н. Ушакова (1935) и С. И. Ожегова (1972), так и толкование понятий *О.* и *К.* в уже появившихся психол. справ. изданиях (1983, 1985, 1990 и др.). В словаре Д. Н. Ушакова (1935) впервые появляется слово *О.*, толкуемое как «*взаимные сношения, связь. Тесное О.*», при этом термин *К.* отсутствует. В Словаре русского языка С. И. Ожегова (1972) *О.* определяется практически так же, как в словаре Д. Н. Ушакова: «*взаимные отношения, деловая или дружеская связь*», но при этом присутствует и слово *К.*, определяемое как: 1) пути сообщения (т. е. дороги и т. п.) и 2) «сообщение, *О.*». Но «сообщение и *О.*» никак не могут толковаться как синонимы, хотя приводятся Ожеговым вместе. «Сообщение» является частью *О.* и впоследствии заменилось в литературе термином «информация». Тем не менее заслуга авторов данных толковых словарей в том, что они ввели в тезаурус термин *О.*, хотя его более точное толкование еще предстояло осуществить.

В последнем изд. Совр. толкового словаря (1997) традиционно нет термина *О.*, но присутствует *К.* (*лат.* *communicatio*, от *communico* – делаю общим, связываю, *общаюсь*), к-рое определяется как: 1) путь сообщен и я, связь одного места с другим; 2) *О.*, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательной-трудовой деятельности, осуществляющаяся гл. о. при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем). Во втором определении *К.* объявляется синонимом *О.*, в этой связи становится ясным, почему в тезаурусе этого справ. издания отсутствует термин *О.* – эти понятия там не различаются. Обращает на себя внимание и приведенная этимология термина *К.* Она явно ошибочная.

Анализ толковых словарей позволяет констатировать, что на протяжении более чем ста лет в науч. обороте термины *О.* и *К.* практически не различались и либо выступали синонимами, либо один из них поглощался другим.

Обращение к *философским справочным изданиям* показало, что до 1980-х гг. понятия *К.* и *О.* в них вообще отсутствовали. После 1980-х гг. стало заметно, что словари становятся более профессионально ориентированными и свободными в выборе терминологии. Так в Философском энциклопедическом словаре (1983) появилось как понятие *К.*, так и понятие *О.* Последнее толковалось как «*процесс взаимосвязи и взаимодействия обществ, субъектов (классов, групп, личностей), в к-ром происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, способностями, умениями и навыками, а также результатами деятельности*». Данное определение предельно обобщено, включает в себя как процессы *взаимосвязи и взаимодействия* субъектов разного уровня, так и процессы *обмена* деятельностью, информацией и др., т. е. по существу включает понятие *К.*, только терминологически это не отмечается. Сомнение также вызывает возможность обмениваться способностями, если под ними понимать индивидуальные качества человека. Одновр. в этом филос. словаре приводится термин *К.*, к-рый определяется как «*О., обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.; передача* того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях». Если в это определение *К.* вместо слова «*О.*» подставить его вышеприведенное определение, то получается, что *К.* – это процесс взаимосвязи и взаимодействия субъектов, обмен деятельностью, информацией, мыслями и т. п., зафиксированными на материальных носителях. Получается бессмыслица. Совершенно очевидно, что понятие *О.* является семантически более объемным и включает в себя понятие *К.*, а не наоборот. Отсюда же очевидно, что эти понятия не могут считаться синонимами. К сожалению, многие последующие словари повторяют эту ошибку.

Неск. иные толкования были даны в 5-м изд. Философского словаря (под ред. И. Т. Фролова, 1986), в к-ром также были представлены оба исследуемых понятия. «*О.*» определялось через категорию «отношение» и «связь» как «специфический для субъекта *способ взаимных отношений*, способ бытия человека во *взаимных связях* с др. людьми. В филос. смысле *О.* не

сводится к намеренно выполняемым актам *O.*, к обмену информацией и социально-психол. контактам, но включает всю глубину взаимной сопричастности людей, претворяемой через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех др. субъектов. *O.* неотъемлемо присуще предметной деятельности человека, взятой как процесс установления и обновления уз преемственности и творчества». Данное определение, философски обобщенное, намеренно удалено от психол. толкования понятия *O.* (Психол. словарь 1983, Краткий психол. словарь, 1985) и определяется не через «процесс», как это явно или неявно присутствует в др. словарях, а через «способ» (т. е. метод), предполагающий «уникальность вхождения» человека во взаимные связи с др. людьми. Следует отметить, что подобное определение является узкой частью психол. определения *O.*, поскольку рассматривает только взаимные связи отдельного субъекта с др. людьми. Нужно указать, что в конце определения отмечена неотъемлемая принадлежность *O.* процессу предметной деятельности. Но и это признание не расширяет толкование понятия *O.* в данном словаре.

Термин *K.* в этом же Философском словаре (1986) определяется как «категория идеалистической философии, *обозначающая O.*, при помощи к-рого „Я“ обнаруживает себя в другом». Подобное толкование термина *K.* представляет *O.* синонимом и инструментом *K.*, что полностью противоположно психол. подходу к соотношению этих терминов. Дальнейшее толкование термина *K.* в данном словаре связано с его использованием в филос. теориях. Напр., пишется, что «наиболее полно *K.* представлена в экзистенциализме Ясперса и совр. фр. персонализме» (как учении об обществ. договоре, к-рый по своей сути есть контракт, сделка, участники к-рой ограничены обоюдными обязательствами. Договор – это связь, покоящаяся на фактической разобщенности людей. *K.* в этой теории рассматривается как сознательно устанавливаемая взаимозависимость, противоположная договору (контакт вместо контракта). Совершенно очевидно, что автор статьи игнорирует как естеств. – науч., так и психол. подход к понятию *K.*

С сер. 1980-х гг. начавшаяся в России перестройка в обществ. жизни заставила измениться и филос. подходы к толкованию развивающихся понятий, хотя не всегда в лучшую сторону. Подтверждением этому являются филос. словари, вышедшие в 1990-х гг., к-рые можно было бы назвать «облегченными». Термин *K.* в них по-прежнему отсутствует, а *O.* определяется на порядок более слабо, чем в словарях 1980-х гг. Напр., в словаре Современная философия: словарь и хрестоматия (под ред. В. П. Кохановского, 1995) *O.* определяется с позиций классического марксизма как «одна из форм человеческого взаимодействия, благодаря к-рой люди «как физически, так и духовно творят друг друга» (Маркс, Энгельс)». В Современном философском словаре (под ред. В. Е. Кемерова, 1997) термин *O.* трактуется с психол. позиций, но очень узко, как «взаимодействие между людьми, гл. о. непосредственное». В Философском энциклопедическом словаре (под ред. Е. Ф. Губского и др., 1997), напротив, отсутствует термин *O.*, а термин *K.* определяется сугубо с позиций экзистенциализма К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра (как в философском словаре под ред. И. Т. Фролова, 1986), а именно как «процесс, в к-ром „Я“ действительно становится самим собой благодаря тому, что оно обнаруживает себя в другом». В этой статье даже не упоминается о связи *K.* и *O.*

В Новейшем философском словаре (под ред. А. А. Грицанова, 2001) термина *O.* нет, а термин *K.* определен как «смысловой и идеально-содержательный аспект *социального взаимодействия*». Данное толкование уже опирается на определение *K.* в психол. словарях, вышедших под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (1985; 1998). Статья довольно большая; рассматриваются функции, структура *K.*, где категория «отношение», типы используемых семиотических средств, мотивы и цели выступают основаниями классификации видов *K.* Содержание *K.*, по мнению автора статьи, составляют «тексты, действия по их построению и, наоборот, действия по реконструкции их содержания и смысла, а также связанные с этим мышление и понимание». Подчеркивается, что «именно развитие коммуникативных практик

и коммуникативная реализация, а не *отношения* производства лежат... в основе совр. гражданского общества».

Завершая анализ филос. справ. изданий, можно констатировать, что в толковании понятий *О.* и *К.* наблюдается поворот в сторону психол. подхода, но по-прежнему не было прояснено различие между этими понятиями.

Анализ *педагогических справочных изданий* показал, что аналогично большинству филос. словарей термин *О.* в них есть, а термин *К.* отдельно не представлен. Так в Российской педагогической энциклопедии (1983) *О.* определяется как «*взаимодействие 2 или более людей с целью установления и поддержания межличностных отношений, достижения общего результата совместной деятельности; один из важнейших факторов психич. и социального развития ребенка. Только в контакте с взрослыми людьми возможно усвоение детьми обществ. – истор. опыта человечества*». Аналогично в последующем Педагогическом энциклопедическом словаре (под ред. Б. М. Бим-Бада, 2002) термин *К.* также отсутствует, а *О.* определяется точно таким же образом, хотя статья отредактирована и меньше по объему. Здесь можно констатировать, что *О.* определено с позиций именно пед. психологии, хотя и неполно, поскольку упущена когнитивная составляющая взаимосвязи между совместно действующими людьми.

Анализ справочных изданий по психологии проводился с первого отеч. Психологического словаря Б. Е. Варшавы и Л. С. Выготского (1931). Понятия *О.* и *К.* в этом словаре отсутствуют, а «гипотеза взаимодействия» определяется как «идеалистическая гипотеза о взаимном влиянии телесных и душевных процессов друг на друга в отличие от гипотезы психофизич. параллелизма». След. попытка создать психол. словарь после почти сорокалетнего перерыва принадлежит К. К. Платонову (Краткий психологический словарь-хрестоматия, 1971). Термина *К.* в нем нет, а понятие *О.* определено как «осознанные *связи* людей, входящих в любую человеческую общность». При этом К. К. Платонов опирается на определение, данное Б. Д. Парыгиным, к-рое гласит, что понятие *О.* употребляется в узком смысле для характеристики наиболее непосредственных (лицом к лицу) отношений людей между собой в условиях малой группы. В этом определении впервые появляется филос. категория «отношение», к-рая характеризует взаимозависимость элементов опр. системы. Из определения категории «отношение» следует, что *О.* не может определяться только через эту категорию – кроме взаимосвязи оно должно характеризоваться еще взаимодействием и взаимообменом.

С 1980-х гг. началась более активная работа по созданию справ. психол. изданий. В 1983 г. выходит первый полноценный Психологический словарь под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломова, А. Р. Лурии, А. М. Матюшкина, А. В. Петровского. В нем, как практически и во всех последующих психол. словарях, дается определение и *К.*, и *О.* «*О. – взаимодействие 2 или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективного характера... Вместе с тем О. удовлетворяет особую потребность человека в контакте с др. людьми*». Данное определение ближе к пед. психологии. Конкретно – к процессу пед. деятельности, к-рая, безусловно, основана на *К.*, т. е. передаче знаний через взаимодействие, через установление контакта. Однако на коммуникативный аспект *О.* здесь указания нет, отсюда приведенное определение полностью понятие *О.* не охватывает. И уже совсем запутывает ситуацию толкование термина *К.* (от *англ.* communicate – сообщать, передавать), к-рое представляется как «понятие, используемое в социальной психологии в 2 значениях: 1. Для характеристики структуры деловых и межличностных *связей* между людьми, напр. структуры внутригруппового *О.* ее участников. 2. Для характеристики *обмена* информацией в человеческом *О.* вообще. В последнем случае *К.* выступает как одна из сторон человеческого *О.* – информационная. *К.* включает *обмен* представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками и т. п. между людьми в ходе совместной деятельности». В этом определении *К.* первая часть полностью относится к понятию *О.*, вторая часть действительно относится к *К.*, определяемой через категории «обмен» и «связь». Но и

в определении *О.* тоже присутствует категория обмена. Т. е. исследуемые понятия были еще недостаточно дифференцированы и проработаны в смысловом контексте.

В след. изд. Психологического словаря через 13 лет под ред. В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова (1996) термин *К.* не раскрывался и отсылался к понятию *О.* Дефиниция понятия *О.* осталась почти без изменений по ср. с 1983 г., но неск. расширилась: «...*О.* – взаимодействие 2 или более людей, состоящее в *обмене* между ними информацией познавательного или аффективно-оценочного характера. Обычно *О.* включено в практическое взаимодействие людей (совместный труд, учение, коллективная игра и т. п.), обеспечивает планирование, осуществление и контролирование их деятельности. Вместе с тем *О.* удовлетворяет особую потребность человека в *контакте* с др. людьми». В 2003 г. этими же редакторами был издан Большой психол. словарь из сер. «Психологическая энциклопедия». Толкование термина *О.* в этом словаре полностью идентично толкованию этого же термина в словаре В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова от 1996 г., однако термин *К.* представлен небольшой статьёй, в к-рой сам термин содержательно не раскрывается, но приводится описание вербальной (целенаправленный процесс передачи при помощи языка (языкового кода) нек-рого мысленного содержания) и невербальной формы *К.* (нецеленаправленная передача всякого психич. содержания).

В этом же 2003 г. в серии «Психологическая энциклопедия» было издано: «Психология: Иллюстрированный словарь» И. М. Кондакова. Термин *К.* в нем отсутствует, хотя есть термин «коммуникативная функция речи». Понятие *О.* определено как «взаимодействие 2 или более субъектов, при к-ром осуществляется *обмен сообщениями*, имеющими предметный и эмоциональный аспекты. *О.* основано на реализации особой потребности в *контакте* с др. субъектами, об удовлетворении к-рой свидетельствует возникновение «радости *О.*». Обычно включает в себя 4 составляющие: 1) предметное сообщение (о чем идет речь); 2) самораскрытие (Я-сообщение); 3) отношение к слушателю (мотив рассказа); 4) призыв (что надо сделать)». Определение *О.* повторяет с небольшими изменениями и добавлениями определение, данное в Психологическом словаре под ред. В. В. Давыдова (1983). Неполнота определения связана с тем, что оно относится только к межличностному *О.*

Среди зарубеж. психол. справ. изданий был перевод американской Психологической энциклопедии, к-рая была выпущена в США в 1996 г. под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха и издана в Санкт-Петербурге в 2003 г. Оказалось, что в ней отсутствуют и термин *О.*, и термин *К.* Есть статья «Процессы *К.*», в к-рой говорится, что «*К.* является по существу процессом, посредством к-рого состояние дел в одном месте передается в др. место при помощи символических средств. В изучении этого процесса принимают участие множество разл. дисциплин – от электротехники до философии и от биологии до политологии». Возможно, отсутствие этих терминов объясняется особенностями теорет. подходов к построению словарей в психол. науке США. Во всяком случае, слово *О.* в англо-русском словаре мы обнаружили: *intercourse* в переводе на русский язык означает «*О.*, деловая или дружеская связь». *Social intercourse* – «*О.* с людьми, дружеские встречи», *personal intercourse* – «личное *О.*, личная встреча».

Еще одна серия рос. психол. словарей выходила с 1985 по 1998 г. под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. Во всей серии представлены оба термина – и *К.*, и *О.* Их определение было практически одинаковым во всех этих словарях, хотя содержательно статьи от одного изд. к др. уточнялись и расширялись. В первом Кратком психол. словаре (1985) *К.* определена как «смысловой аспект *социального взаимодействия*». Аналогично она определена в кн.: «Психология: Словарь» (1990) и во 2-м Кратком психологическом словаре (1998). В продолжение этих словарных изданий вышла серия энциклопедического психол. словаря в 6 т. под общ. названием «Психологический лексикон» (под общ. ред. А. В. Петровского, 2005–2007). В томе «Социальная психология» (2005) понятие *О.* раскрывается как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми (межличностное *О.*) и группами (межгрупповое *О.*), порождаемый потребностями совместной деятельности и вклю-

чающий в себя как минимум 3 разл. процесса: К. (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера). А понятие К. по-прежнему представлено как «смысловой аспект социального взаимодействия. Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых или косвенных *отношений* с др. людьми, оно включает (наряду с физическим) коммуникативный аспект». Данное определение К. существенно отличается от представленных ранее своей социально-филос. направленностью. В результате можно констатировать, что и в среде психологов нет одинакового и разделяемого всеми представления о соотношении понятий *О.* и *К.*

Подводя итог истор. анализу исследуемых понятий, отметим, что их появление и толкование в науч. справ. литературе отражает первичность термина *К.* и существенно более позднее появление понятия *О.* Возможно, факт первичности термина *К.* повлиял на ментальные представления составителей и авторов словарных текстов, в связи с чем понятие *О.* либо совсем не включалось в тезаурус общенауч. и филос. справ. изданий, либо определялось как синоним термина *К.* В последующих общенауч. и филос. словарных изданиях были представлены оба исследуемых понятия, но содержательно они пересекались, заимствуя друг у друга смысловое содержание. И только после 1980-х гг. в нек-рых психол. словарях стали различать понятия *О.* и *К.* Исследование семантического содержания этих понятий с разных науч. позиций обнаруживает, что в определении *К.* в кач. базового смыслового ядра выступают категории «*связь*», «*обмен*», «*сообщение*» (к-рое затем заменяются смысловым конструктом – «*передача информации*»), тогда как *О.* чаще определяется через понятия *контакт*, *взаимодействие* и *взаимоотношение*.

Л. А. Карпенко

Общение: интегративная методология изучения. В интегративную методологию включают совокупность приемов и операций, а также способ познания объектов, представляющих собой целостные (интегративные) системы. К интегративным, т. е. органично целым, относятся объекты, к-рые приобретают нек-рые новые свойства, не характерные для их отдельных частей/сторон (напр., речевое *О.*, для к-рого характерно «*влияние смыслов*» (Л. С. Выготский), обуславливающее вместе с др. факторами целокупное единство написанного/произнесенного). Становление интегративной методологии было вызвано неудовлетворенностью процедурами анализа и синтеза в исследовании целостных развивающихся систем, восходит к холистическому подходу, разработанному Платоном и Аристотелем. Данный подход базируется на системных триадах, позволяющих раскрыть целостную природу исследуемого объекта. В свое время Платон ввел понятие «*триады*» и узаконил в кач. образцового приема классификации жесткую дихотомию. Доказав недостаточность и искусственность платоновского метода соединения противоположностей, Аристотель обосновал необходимость понимания сложной системной целостности как триединства, благодаря к-рому достигается гибкость в ее изучении.

Совр. исследования речевого поведения также опираются на древнейшие системные триады. Так, при интерпретации *О.* как триединства, в к-ром взаимодействуют информационный, аффективный и регулятивный планы (А. А. Бодалев), получила развитие триада «*cognition-affect-sonation*» («*когнитивный-аффективный-конативный*»), к-рой руководствовались древнеиндийские, а затем и древнегреческие мыслители в понимании целостности и нераздельности человеческой психики. Представление целостности как системного триединства лежит в основе многих работ М. М. Бахтина, посвященных межличностному *О.* Это триады: «*личность-смысл-язык*», где раскрывается положение «*Человек дан только через слово*»; «*слово-понятие-слово-образ-интонация слова*», – здесь представлена «*вся полнота слова*», т. е. его содержательно-смысловая, наглядно выразительная и эмоционально-волевая стороны; «*ничье слово языка – чужое слово других – мое слово*», в к-рой выявлены значимые для говорящего аспекты каждого слова; «*нулевая степень диалогичности – намеренная диалогичность – дву-*

голосое высказывание», в к-рой находят отражение разные формы диалогических отношений, и др. Принцип целостности, использованный М. М. Бахтиным в исследовании «диалогической ткани человеческой жизни», и развивающаяся на его основе интегративная методология оказали влияние на развитие такой междисциплинарной области, как «анализ дискурса» (З. З. Харрис). При рассмотрении речевого О. используются аналитико-синтетический и интегративный способы исследования, которые находятся в отношениях взаимодополнительности. Дальнейшее изучение социального взаимодействия предполагает опору на общие методологические принципы, выполняющие «функцию интегративную, всенакрывающую и на самом верху организующую формы мышления и деятельности» (Г. П. Щедровицкий).

• Аристотель. *Метафизика*. Соч. в 4 т. М., 1976. Т. 1; *Бахтин М. М.* Собр. соч. в 7 т. М., 1997. Т. 5.; *Короткова Г. П.* Принцип целостности (К вопросу соотношения живых и неживых систем). Л., 1968; *Обозов Н. Н.* О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия // Психология межличностного познания. М., 1981; *Щедровицкий Г. П.* *Философия. Наука. Методология*. М., 1997.

Т. Е. Владимирова

Общение как предмет междисциплинарного изучения. Феноменология, закономерности и механизмы познания человеком действительности, отношение к ней и поведение в интегрированном виде прослежены российскими психологами в осн. в общей психологии (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов и др.), хотя они обращались и к исследованиям естеств. и обществ. наук. Феномен О. при последовательном рассмотрении всех его макро-, мезо- и микрохарактеристик, прослеживании взаимосвязей между ними, механизмов, действующих при их актуализации, а также установлении причин, к-рые их обуславливают, предстает как сложный, многокомпонентный, многоуровневый и многовариантный процесс – это предмет междисциплинарного исследования.

В О. участвуют отдельные люди и самые разные группы и общности, существенным признаком к-рых является социальность. Важнейшей характеристикой О. оказывается прямое или опосредованное техническими устройствами, явное или воображаемое взаимодействие и воздействие его участников друг на друга. Одновр. происходит и самовоздействие. Кроме того, О. происходит с помощью сформировавшихся в фило-, онто- и социогенезе средств и способов, дающих людям и их общностям возможность обмениваться имеющейся у них информацией, влиять как на эмоциональное состояние друг друга, так и на собственные состояния, побуждать и инициировать более или менее масштабные по их общесоциальной или индивидуально-личностной значимости деяния и поступки. Изучение всего этого требует привлечения комплекса наук. Во взаимодействии, находящем форму своего выражения в О., участники различаются по параметрам активности и результативности. Психич. процессы: ощущения, восприятие, память, воображение, мышление, речь, эмоции и чувства, воля, внимание – в разных взаимосвязях актуализируются у человека по ходу процесса О. Участвует в нем, как правило, и моторика, соответствующая движениям тела. Представленность у общающихся чувственных и словесно-понятийных образов друг друга и самих себя всегда сказывается на характере О., на речевой и неречевой инструментовке взаимопередачи и приема той информации, к-рую каждый партнер хотел бы сделать достоянием др. партнера с желательным для себя результатом. Поэтому необходимую роль при исследовании О. играют психолингвистика, психосемиотика и психосемантика.

О. может быть самот. видом взаимодействия людей, а может быть элементом, органично входящим в структуру той или иной совместной деятельности, – это исследуется в психологии труда, искусства, политики, управления, педагогической психологии, юридической и экономической. Человек в психол. науке изучается в неск. ипостасях: как индивид, как личность и как

субъект, поэтому психология О. использует знания, полученные в психогенетике, в нейро-и общей физиологии человека, в возрастной и гендерной физиологии и психологии, в психологии личности и профессий. Поскольку общающиеся люди могут принадлежать к разным этнич. общностям, представлять разные национ. объединения и этнич. культуры, что накладывает свою печать на их О., необходимо учитывать и наработки этнопсихологии и этноэтики, этнолингвистики, этнокультуры и др. Взаимодействие людей в О., как правило, происходит в соответствии со сложившимися в обществе нормами и правилами, но могут наблюдаться большие или меньшие отклонения от соблюдения этих норм, что в одних случаях оказывается социально-культурной деформацией, а в других приобретает патологический характер. Психология О. устанавливает здесь контакты с криминологией, социальной педагогикой, социальной экологией и др. Для диагностики выявления и описания типологии проявлений, закономерностей и механизмов возникновения отклонений и их коррекции психологии О. необходимы данные из неврологии, психиатрии и разработок реабилитационных центров.

С 1980-х гг. набирают вес средства массовой информации и Интернет, и широко распространяется т. наз. виртуальное О., к-рое имеет свою специфику и негативные последствия. Обогащая индивидуальный, личностный и субъектный потенциал их пользователей, такое О. может быть и разрушительным для личности. Решить эту проблему в состоянии лишь сотрудничество наук, в к-ром особо конструктивными должны быть психология (не только социальная), имиджелогия и др., необходимы знания, накопленные науками при изучении внутр. речи, физиологии, нейропсихологии, рефлексии и др. О. зависит от того, какие ценности жизни и культуры определяют способы обращения людей др. с др. Эта функция О. должна изучаться психологией в сотрудничестве с этикой, аксиологией, педагогикой, имиджелогией, конфликтологией, интерактивной социологией, а также кибернетикой, теорией информации и синергетикой. Особая проблема – снятие трудностей в О. Причины их могут быть различны – от личной несовместимости общающихся и профессиональной некомпетентности до культурно-языковых барьеров и мн. др. Здесь необходимы социальная педагогика, игротехника, *контактология* и разл. формы тренинга со своим инструментарием и технологиями. Феномен О. по форме своего выражения настолько содержательно богат, а закономерности и механизмы его являют собой настолько сложную систему, что раскрытие его общих, особенных и единичных характеристик и обуславливающих их детерминант требует творческого сотрудничества большого ряда наук.

• *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. М., 1968; *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 2000; *Барабанищиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность, восприятие, общение. М., 2004; *Богомолова Н. Н.* Социальная психология массовой коммуникации. М., 2008; *Бодалев А. А.* Психология общения. М., 1996; *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. М., 1994; *Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 1997; Проблема общения в психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. М., 1981; *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М., 1995.

А. А. Бодалев

Общение: методолого-теоретические проблемы. Фундаментальные категории и понятия этой области психол. знания носят многомерный и многоуровневый характер. В силу своей сложности они создают широкое поле противоречивых тенденций для их толкования с позиций разл. профессиональных подходов. Это проблемы статуса феномена О. в системе гуманитарного и естеств. – науч. знания, прежде всего психологического; сущности и многообразия модификаций, а тем самым и структуры О.; истоков, предпосылок, тенденций эволюции и перспектив развития как уже имеющихся знаний в этой области, так и их углубления и расширения на основе дальнейшего развертывания потенциала науч. исследований и др. Проблемное поле для противоречивых толкований очевидно уже при попытках определе-

ния смыслового содержания и адресной направленности категории статуса самого феномена психологии О. С одн. стор., бесспорна его принадлежность к сфере психол. науки, с др. стор., этот же феномен актуален для лингвистики. В последнее время растет интерес к О. со стороны педагогики, истории, экономики, права, журналистики и ряда др. гуманитарных и естеств. – науч. дисциплин, что актуализирует проблему статуса О. применительно к ним.

Возможно «разделение труда» между психологией и др. дисциплинами по критерию различения между целым и его частями. Психология исследует О. в целом, др. дисциплины рассматривают лишь его частные проявления применительно к своему предмету. Сложно сопоставление интересов к О. психологии с философией и социологией, – именно в философии Л. Фейербаха была сделана заявка на особый интерес к человеческому О. как предмету первостепенной важности для «философии будущего». П. Сорокин относил О. к одной из фундаментальных категорий социологии, трактуя его в кач. социального взаимодействия и исключив из сферы компетенции социальной психологии, сводившейся, по его мнению, к изучению психологии толпы. Но наиболее настойчивые попытки толкования и определения как статуса, так и сути феномена О. были предприняты в рамках отеч. психологии во 2-й пол. XX в. Стала общепринятой трактовка статуса феномена О. в кач. предмета междисциплинарного психол. исследования (А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов и др.).

В 1970-е гг. дискуссия развернулась вокруг вопроса о сути понятия О., его соотношении с феноменологией личности, общности и деятельности. А. А. Леонтьев (1974) трактовал О. «не как интериндивидуальный, а как социальный феномен; как его субъект следует рассматривать не изолированного индивида, а социальную группу или общество в целом». Возражая ему, Б. Ф. Ломов (1976) отмечал «неправомерность противопоставления социального и интериндивидуального». Особо оживленной была полемика по поводу соотношения понятий О. и деятельность. А. А. Леонтьев, М. С. Каган, В. Н. Сагатовский трактовали О. как «часть деятельности»; Б. Ф. Ломов, Л. П. Буева, считали, что О. нельзя определять как вид или часть человеческой деятельности. По мнению третьих, О. может выступать в кач. одной из форм коммуникативной деятельности (Г. М. Андреева, М. И. Лисина) и вместе с тем рассматриваться в кач. самостоятельного, отличного от предметной деятельности, самоценного явления (Б. Д. Парыгин). В таком случае оно направлено прежде всего на реализацию глубоких личностных интересов и потребностей субъектов коммуникативных отношений во взаимовнимании, адекватном восприятии и понимании друг друга (А. А. Бодалев). Именно эта гуманистическая сторона О. еще ранее акцентировалась в концепции В. Н. Мясищева, когда он говорил об особой значимости культуры взаимного отношения и обращения друг к другу в ситуации межличностного контакта.

Но смысловое содержание категории О. не тождественно его этическому эталону, как это представлял М. С. Каган (1974), когда говорил о том, что критерием акта О. является способность видеть в другом «себе подобного и себе равного» в кач. некой альтернативы манипуляции человека человеком. Здесь существенно то, что такая подмена одного понятия другим может снять актуальную проблему структуры самого феномена О. в целом. Первый опыт постановки и решения данной проблемы был представлен Б. Д. Парыгиным в 1971 г. Им были выделены неск. осн. параметров процесса О.: а) психич. контакт, возникающий между индивидами и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг другом; б) обмен информацией посредством вербального и невербального О.; в) взаимодействие и взаимовлияние друг на друга.

В соответствии с таким подходом в отеч. социальной психологии стало общепринятым выделение в структуре О. 3 сторон: коммуникативной, перцептивной и интерактивной. Есть основание говорить не только о сущностной характеристике О. как процесса и его соответствующей структуре, но и о многоструктурности О. и многомерности, что очевидно по результатам многолетних исследований, осуществленных представителями разл. школ в рамках отеч.

и зарубеж. общей и социальной психологии. В перспективе – выявление более полной картины всех качественно разл. конфигураций и модификаций человеческого О. по мере его развития и трансформации под влиянием совр. тенденций социального и науч. – техн. процесса.

• *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980; *Бодалев А. А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970; *Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 1974; *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. Л., 1971; *Он же.* Анатомия общения. СПб., 1999; *Свенцицкий А. Л.* Социальная психология. СПб., 2003.

Б. Д. Парыгин

Общение: социально-философское понимание. О. представляет собой развертывающуюся во времени и пространстве взаимосвязь социальных субъектов – больших (нация, класс и пр.) и малых (семья, трудовой коллектив и др.) социальных групп, а также отдельных личностей друг с другом, это такие субъект-субъектные взаимосвязи, в к-рых обществ. отношения выражаются и приобретают форму непосредственного бытия. О. исследуется в общей и социальной психологии, социологии, истории, лингвистике, семиотике, педагогике, медицине, искусствоведении и др. дисциплинах, каждая из к-рых имеет свой аспект рассмотрения. Социальная философия дает наиболее общие характеристики О. как социального феномена, изучая его в контексте общества как целостной системы. Она разрабатывает мировоззренческие и методологические принципы изучения О. на основе понимания сущности общества как надорганической социальной реальности. О. рассматривается в контексте социальной системы как сложное целостное образование, возникающее на базе совместной социальной деятельности, обуславливающей необходимость взаимодействия его участников, определяющей формы и способы О. в зависимости от характера деятельности и складывающихся в ее процессе отношений, а также того места, к-рое занимает отдельная личность в их системе.

В социальной философии используются понятия «общество» как социальность вообще и «социум» как организованная форма жизнедеятельности людей, имеющая конкретно-истор. и социокультурное измерение. Социум составляет непосредственную социальную среду О., включающую совокупность макро– и микроусловий, влияющих на его характер, способы и функции. Общество как система функционирует и развивается, обеспечивая производство и воспроизводство: 1) живых людей; 2) материальных и духовных средств жизни; 3) форм обществ. отношений и О. Участвуя в совместной деятельности, человек вписывается в систему отношений с др. участниками, вступает в О. с ними. Содержание О. – непосредственно реальной формы бытия обществ. отношений – определяется их характером. О. между людьми существует в опр. истор. форме. В процессе О. проявляется и разрешается противоречие между родовой и индивидуальной сущностью человека. Формируясь на основе обществ. отношений, выступая, как их конкретизация, персонификация, О. является важным фактором развития этих отношений. Именно в О. оживляются, персонифицируются, воссоздаются, развиваются и изменяются обществ. отношения, осуществляется переход от социального к индивидуальному и обратно. О., объединяя действия отдельных людей, поднимает их до уровня социальности. В О. проявляются свойства человека как индивида, как личности, как субъекта деятельности и отношений. Потребность в О. есть не только отражение потребности человека в Другом, но и потребности общества в объединении людей, удовлетворение к-рой есть условие его функционирования и развития, сбалансирования деятельности отдельных сфер и структур в конкретно-истор. и социокультурном контексте.

О. возникает на «перекрестке», «стыке» этих встречных потребностей. Со стороны общества – это нечто внешнее, объективное, требующее включения «отдельного» в «общее» путем приобщения его к системе смыслов, целей, идеалов, ценностей, к пространству Других. Приобщение индивида, индивидуального сознания к общему смыслу открывает возможность ком-

муникации, взаимодействия, взаимного принятия, понимания людьми друг друга, что создает предпосылку совместного бытия. О. представляет собой социокультурный феномен, в котором человек реализует себя и как отдельный, и как совокупный индивид. Оно, выступая способом освоения культурных смыслов в истор. пространстве и времени, приобретает характер атрибута общественного, социального. Со стороны личности потребность в другом порождается потребностью в познании, самопознании, получении дополнительных стимулов к жизни в обществе. Связь становится возможной благодаря представлению о сходстве, а позднее – о единении Я и Другого, Я и Других. Самопонимание основано на понимании Другого и Других, а понимание Другого и Других, в свою очередь, обуславливает самопонимание.

• *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 2004; *Бодалев А. А.* Личность и общение. М., 1994; *Буева Л. П.* Человек, деятельность, общение. М., 1978; *Лисина М. И.* Проблема онтогенеза общения. М., 1986; *Общение и эффективность совместной деятельности.* М., 1990; *Петровская Л. А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М., 1989.

Е. А. Яблокова

Основные направления исследования общения в зарубежной социальной психологии. Активное исследование О. в зарубеж. социальной психологии началось во 2-й пол. XIX в. и было представлено публикациями, касающимися роли языка и обычаев, связанными с психологией народов. Рост интереса к проблемам О. в XX в. был вызван потребностями учета межличностных и ролевых отношений в разного рода объединениях, разных видах деятельности и взаимодействия людей в группах и коллективах. Выделились основные теорет. направления или ориентации – необихевиористская, психоаналитическая, когнитивистская и интеракционистская, а также фр. школа социальных представлений. В русле необихевиористской ориентации изучались закономерности контактов и межличностного взаимодействия, связанные с нек-рыми состояниями индивидов. Опр. законы и закономерности О. здесь объяснялись с помощью теории агрессии и фрустрации, модельно-стимульной теории, теории межличностного взаимодействия как обмена. В теории агрессии и фрустрации (Н. Миллер и Д. Доллард) рассматривались причины агрессивного поведения и проявление негативного отношения к др. людям, был установлен механизм смещения агрессии на «безобидный объект» и др. С помощью модельно-стимульной теории (А. Бандура и Р. Уолтерс) было установлено значение подражания и имитации, роль отрицательного опыта и ожидаемых последствий в подкреплении мотивации О. В теории межличностного взаимодействия как обмена (Дж. Тибо, Г. Келли, Дж. Хоманс и др.) дана характеристика ценности издержек и вознаграждений, установлено значение механизмов комплементарности и таких факторов выбора партнеров, как «уровень сравнения», «уровень сравнения альтернатив», а также показана роль «исходов» взаимодействия. Была выяснена роль поощрения и состояния ожидания индивида, исследован механизм интерактивного обмена оперантами и знаками аттитюдов и чувств.

В рамках психоаналитической ориентации изучались вопросы О. и взаимоотношений людей, связанные с их мотивационно-потребностной сферой и опытом отношений в семье. В. Шутц исследовал возрастные особенности идентификации, последствия не реализованных в детстве потребностей в любви, включения в группу и особенностей контроля со стороны взрослых на О. и взаимодействие индивида с др. людьми. В. Беннис и Г. Шепард обратили внимание на значение ряда аспектов групповой культуры. Они исследовали принципы доверительного О. и установили важность феноменов «размораживания», «сбрасывания фасада» и др. Согласно теории трансактного анализа Э. Берна, в О. и отношениях людей следует учитывать их эго-состояние, тип и содержание ситуации, называемой сценарием. Когнитивистская ориентация включает в себя теории, в к-рых объясняются закономерности социальной перцепции, специфика межличностной и массовой коммуникации. Были выявлены механизмы баланса и транзитивности отношений, конгруэнтности, законы категоризации и стереотипизации (Ф. Хай-

дер, Л. Фестингер, Т. Ньюком, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, С. Эш, Д. Креч, Р. Крачфилд и др.). В число исследований, связанных с данным направлением, входит отмеченная Нобелевской премией работа Д. Канемана, – обнаруженные им эффекты эвристики, репрезентативности, якорный эффект и эффект приспособления имеют большое практическое значение, позволяя прогнозировать стратегии взаимодействия человека с др. людьми.

Интеракционистская ориентация обращена к вопросам отношения человека к самому себе, ролевым взаимоотношениям и конфликтам, групповым нормам, проблемам статуса и престижа личности, значения для личности референтной группы. В теориях символического интеракционизма разрабатывались понятия «символ», «значимые жесты», «роль», «обобщенное Я». Дж. Мид и Ч. Кули исследовали символическую коммуникацию. Изучая проблемы отношения человека к самому себе, они учитывали принятие роли другого и разработали такие категории, как символ, значимые жесты, роль, «обобщенное Я». Авторы ролевых теорий (Т. Сарбин, И. Гоффман, Р. Линтон, Р. Мертон и др.) изучали ролевые взаимоотношения, ролевое поведение, ролевые конфликты и выясняли способы уменьшения ролевой напряженности. В теории референтной группы (Г. Хайман, Т. Ньюком, Р. Мертон, М. Шериф) были обнаружены и объяснены механизмы действия стандартов поведения референтной группы и самосанкционирования, изучены нормативные и сравнительно-оценочные функции референтной группы и описаны феномены стандартов, престижа и статуса. Исследуя особенности коммуникации, Г. Лассуэл представил характеристику структуры коммуникативного акта как единицы анализа коммуникативных процессов. В психол. теориях массовой коммуникации прослеживается 2 парадигмы, определяющие специфику исследований и анализ результатов: «медиацентрированная» и «человекоцентрированная». В медиацентрированной или медиаориентированной парадигме осн. внимание уделяется исследованию воздействия канала массовой коммуникации на аудиторию, подчинению человека силе воздействия массовой коммуникации.

В рамках человекоцентрированной парадигмы акцент делается на потребителе массовой коммуникации. Здесь изучаются психол. потребности, свойства, возможности, интересы радиослушателей, читателей газет, телезрителей, пользователей Интернета. Применение первой парадигмы характерно для представителей школы «эксперим. риторики» или школы «убеждающей коммуникации», которая получила известность благодаря исследованиям Йельского ун-та в 1950-е гг. (К. Ховланд, И. Дженнис, М. Шериф, П. Вайс, Г. Келли и др.). Широкую популярность приобрела разработанная исследователями «Ассимиляционно-контрастная» теория коммуникации. По сути, эта теория является моделью убеждающей коммуникации, разработанной М. Шерифом и К. Ховландом. Обнаружено 2 важных эффекта – «контрастный эффект» и «ассимилятивный эффект», отражающие отношение реципиентов к содержанию сообщения и коммуникатору. В теории массовой коммуникации выделяется концепция «использование и удовлетворение». С позиций, релевантных этой парадигме, начинали свои исследования потребностей реципиентов в массовой коммуникации Е. Катц, Г. Хаас, М. Гуревич. В 1980-х гг. значительную роль в исследовании О. и массовой коммуникации стал играть социальный конструкционизм. Его осн. положения касались проблемы конструирования людьми собственной картины мира в процессах восприятия и интерпретации сообщений, получаемых с помощью массовой коммуникации. Фр. школа социальных представлений исследовала О. как коммуникацию и обществ. явление. В теории С. Московичи большое значение уделяется информации и показывается роль коллективных представлений для формирования обществ. мнения.

Вышеперечисленные теории, позитивно, но критически оцененные отеч. психологами, взаимодополняют друг друга и в совокупности позволяют понимать многие функции, структуру и механизмы разных видов О., закономерности его протекания, а также возникающие нарушения и условия их коррекции.

• Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.

Зарубежная социальная психология в XX столетии. М., 2001; Берн Э. Транзакционный анализ и психотерапия. М., 1992; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971; Пащукова Т. И. Теории общения в отечественных и зарубежных психологических исследованиях // Теоретическая и экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 1; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение. М., 1997; Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию: Европейский подход. М., 2004.

Т. И. Пащукова

Проблема общения в трудах Ананьева Б. Г. В конце 1930-х гг. в книге «Психология педагогической оценки» Б. Г. Ананьев впервые в развернутой форме показал важность учета категории О. среди др. детерминант, к-рые определяют проявление и развитие психики человека. Во всех более поздних работах, где ставились и решались проблемы формирования человека как личности и субъекта деятельности, он неизменно возвращался к категории О., открывая в ней все новые характеристики и прослеживая их роль во всех перечисленных процессах. В трудах по общей психологии Ананьев последовательно излагает мысль о том, что в своем повседневном бытии человек связан бесконечным числом отношений не только с предметным миром (природным и созданным человечеством), но и с людьми. Механизмом, посредством к-рого эти отношения у человека с «миром предметов» и «миром людей» устанавливаются и развиваются, является деятельность – труд, О., учение, игра и др. ее виды. При выделении О. из этого ряда Ананьев подчеркивал, что особой и главной характеристикой О. как деятельности является то, что через него человек строит свои отношения с др. людьми. Выражая эту мысль в своем последнем труде «Человек как предмет познания», он писал: «Поведение человека выступает не только как сложный комплекс видов его социальных деятельностей, с помощью к-рых опредмечивается окружающая его природа, но и как О., практическое взаимодействие с людьми в разл. социальных структурах». Это взаимодействие людей, являясь обязательным компонентом труда, учения, игры и всех др. видов деятельности, предполагающих взаимодействие, оказывается условием, без к-рого невозможно познание действительности, формирование эмоционального отклика на эту действительность и основанного на этом познании и эмоциональном отношении поведения.

Б. Г. Ананьев указывает, что межличностное взаимодействие, каковым является О., определяется всегда системой обществ. отношений, в к-рую оно включено, но, поскольку оно также постоянно выступает как межиндивидуальная связь и индивидуальная форма деятельности, в структуре и динамике О. невозможно отделить личное от общественного, провести резкую грань между ними. Анализируя все осн. составляющие О. как психол. процесса, Б. Г. Ананьев, помимо речевых и неречевых средств О., выделяет в нем внутр. сторону – познание участниками О. друг друга, межличностные отношения, саморегуляцию поступков человека с учетом полученного знания, преобразование внутр. мира участвующих в О. людей – и указывает на существование постоянных связей между этими частными по отношению ко всему О. процессами. Имея в виду самые разные ситуации О., он отмечает, что на любом уровне и при любой сложности поведения личности существует взаимозависимость между: а) информацией о людях и межличностными отношениями; б) коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе О.; в) преобразованием внутр. мира самой личности. Прослеживается влияние разл. ситуаций О., в к-рых участвует человек, на его ум, чувства, волю и на последующее развитие как их, так и в целом личности человека. Исследуются характеристики людей, вступающих в О., избирательность О. по идейной совместимости, уровню социальных общностей, особенностям стиля руководства этими общностями. Оценивались не только сиюминутные эффекты этих воздействий, но и их отдаленные результаты, приводящие к появлению

нового качества личности. Но, по мнению Ананьева, поскольку в О. всегда есть момент познания человека человеком и одновр. познания каждым самого себя и переживания, О. всегда оказывается сильнейшим средством формирования у человека отношения к др. людям и самому себе: «Постоянное развитие практического знания человека о человеке является важнейшим источником для развития характера и отношения к самому себе». Специальным направлением в прослеживании значения О. в формировании общего психич. склада личности, в оформлении ее ядра, каковым является складывающийся у человека характер, выступает в работах Ананьева обсуждение проблемы количественного и качественного оптимума О., к-рый необходим для норм. развития личности, а также последствий дефицита в О. для этого развития. В связи с этим он ставит задачу поиска такого соотношения воздействий на человека всех развивающихся средств массовой информации (телевидения, радио и др.) и непосредственного повседневного О., к-рое было бы в наибольшей степени воспитательно-благоприятным для формирования личности. Были выявлены и прослежены осн. направления влияния О. на формирование психич. мира человека и поставлена проблема освещения зависимостей, связывающих отдельные внеш. и внутр. характеристики взаимодействия людей с содержательными и динамическими проявлениями психич. процессов, состояний и свойств участвующих в О. людей. Б. Г. Ананьев показал значение разработки категории О. для общей, возрастной и пед. психологии, для психологии индивидуальных различий. Им была осуществлена перспективная попытка трактовать О. как один из главных видов деятельности человека, как своеобразный сплав общественного и индивидуального в социальном бытии людей.

• *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968; *Он же.* Психология и проблемы человекознания / Под ред. А. А. Бодалева. М., 1996.

А. А. Бодалев

Проблема общения в трудах Леонтьева А. А. Теорет. концепцию О. А. А. Леонтьев разработал в 1970-е гг. как развитие теории речевой деятельности. Понятие О. выступает для него как системообразующее понятие, одна из ключевых категорий не только совр. психологии, но и др. наук о человеке. Оно обозначает «систему целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей в коллективной деятельности, реализующих общественные и личностные психол. отношения и использующих специфические средства, прежде всего язык» (2005). А. А. Леонтьев критикует запад. подходы, сводящие О. к его технической стороне и уходящие от постановки общих вопросов о природе этого явления. Опираясь на деятельностный подход в психологии (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов и др.), где деятельность с самого начала рассматривалась как вплетенная и включенная в опосредующие ее межличностные отношения, он рассматривает О. в более широком контексте, не сводящемся к межличностному взаимодействию: «О. есть не только и не столько взаимоотношение людей в обществе, сколько (прежде всего!) взаимодействие людей как членов общества» (2008), и говорит о взаимоотношениях личности и общества через посредство речи (2005).

Свою концепцию он противопоставляет моделям взаимодействия между людьми как чисто интериндивидуального процесса обмена информацией. «... О. есть процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психол. отношении. Осуществление этого контакта позволяет либо изменять протекание коллективной (совместной) деятельности за счет согласования (рассогласования) „индивидуальных“ деятельностей по тем или иным параметрам или, напротив, разделение функций (социально ориентированное О.), либо осуществлять целенаправленное воздействие (объем и качественная специфика к-рого может определяться как „из-вне“ обществом, так и „изнутри“ самой личностью) на формирование и изменение отдельной личности (или непосредственно на ее поведение) в процессе

коллективной или „индивидуальной“, но социально опосредованной деятельности (лично ориентированное О.)» (2005).

А. А. Леонтьев разводит 3 вида О. по параметру их ориентации: 1) Наиболее общая характеристика О., к-рая может отражаться на его средствах и на протекании самих процессов О. По этому критерию различаются предметно ориентированное, социально ориентированное и лично ориентированное О. 2) Важная психол. характеристика О. – его психол. динамика: широкий спектр разнообразных изменений в психич. состояниях и протекании психич. процессов у коммуникатора и реципиента (реципиентов), связанных процессом О., поскольку О. ориентировано в основном на изменение в том или ином направлении этих характеристик. 3) Значимы для характеристики О. его семиотическая специализация и степень опосредованности. Семиотическая специализация определяется используемыми в О. средствами (материальное О. опосредовано материальными объектами, знаковое О. – знаками, смысловое О. опосредовано личностным смыслом (2008). Внутри знакового О. также можно выделить разл. формы; степень опосредованности определяет социальную «дистанцию», отделяющую коммуникатора от реципиента, количество преобразований, через к-рые проходит сообщение на пути от коммуникатора к реципиенту (2005; 2008). При этом опосредованный контакт не обязательно предполагает семиотическую специализацию, и наоборот. Речевое О. в малой группе семиотически специализировано, однако предполагает прямой контакт. В др. ситуациях нет никакой семиотической специализации, но контакт является прямым.

Соотношение категорий О. и деятельности рассматривались в дискуссиях с подходом *Б. Ф. Ломова*, видевшего О. и деятельность как 2 независимых друг от друга процесса. По мнению А. А. Леонтьева, трудности в понимании О. как деятельности существуют лишь при том условии, если под субъектом О. понимается только отдельный индивид: «О. исторически развивается... как следствие и продукт истор. развития общества, хотя на опр. этапе этого развития оно приобретает относительную самостоятельность – психологическую (т. е. становится самост. деятельностью), семиотическую (обретает собственно средства) и социальную» (2005). Он писал, что за вопросом, можно ли считать О. деятельностью, стоит двоякая постановка проблемы: «а) является ли О. качественно особым видом социальной деятельности наряду с производственной, духовной, эстетической и т. п.; б) может ли О. выступать в роли самост. молярной единицы деятельности» (2005). В первом смысле О. является одним из видов деятельности, но критерий цели затрудняет описание О. как вида деятельности, ибо оно по своей природе «многоцелевое»; принятие в кач. главного критерия мотива вносит в этот вопрос большую определенность: «Конечно, О. может направляться мотивами разл. плана, но во всех тех случаях, когда оно выступает как деятельность, оно получает специфический мотив» (2005). На разных этапах разворачивания деятельности О. реализация коммуникативных намерений и решение коммуникативных задач опирается на системы процессов ориентировки, – здесь важны невербальные компоненты О. Деятельностный статус О. «не означает, что акт О. всегда выступает как высшая структурная единица деятельности. О. может входить в иную деятельность, напр., в кач. действия. При этом его деятельностная природа не меняется, изменение касается лишь места его в структуре деятельности» (2005). Иными словами, О. может выступать и как самост. деятельность, и входить в иную деятельность в статусе ее структурных компонентов. При этом истор. развитие форм О. идет от О., включенного в иную деятельность, к О. как самост. деятельности.

Широкое и многовариантное понимание О. позволяет применять изложенную теорет. схему не только к процессам межличностного взаимодействия, но и к процессам, охватывающим малые и большие социальные группы, в частности процессы лекционного и пед. О., а также др. видов коммуникативного воздействия не только на индивида, но и на массовую аудиторию; массовую коммуникацию, где отсутствует прямой контакт коммуникатора с реци-

пиентом и коммуникатор зачастую анонимен; наконец, искусство, к-рое А. А. Леонтьев рассматривал как «специфический вид или способ человеческого О.».

• *Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 2005; *Он же.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008.

Д. А. Леонтьев, И. Б. Ханина

Проблема общения в трудах Ломова Б. Ф. О. рассматривалось *Б. Ф. Ломовым* как обществ. – истор. категория, раскрывающая социальную природу человеческого бытия. Являясь существенной стороной реальной жизнедеятельности субъекта, О. выступает в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития. В ходе О. люди обмениваются представлениями, действиями, состояниями. В актах О. осуществляется как бы презентация внутр. мира субъекта др. субъектам, и вместе с тем самый этот акт предполагает наличие такого внутр. мира. В О. происходит также взаимная презентация субъектами результатов (и в какой-то мере самого процесса) психич. отражения. О. выступает в роли основания психич. явлений, определяя развитие психич. процессов, формирование личности, овладение индивидом обществ. – истор. опытом. Психич. явления, в свою очередь, регулируют процесс О. и являются условием его развития; наиболее полно в О. реализуется коммуникативная функция психики. Результатом О. являются отношения с др. людьми. Способы и содержание О. определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе обществ. отношений (1981).

Подчеркивая неразрывную связь О. и деятельности, *Б. Ф. Ломов* возражал против их отождествления, полагая, что они представляют собой равнозначные категории, отражающие разные стороны социального бытия человека. Категория О. раскрывает такую сторону человеческого бытия, как отношение «субъект – субъекты». Результат О. – не преобразованный предмет (материальный или идеальный), а отношения с др. человеком, с др. людьми. Реальный процесс О. разворачивается как бы в надиндивидуальном плане (хотя и через отдельных индивидов) и несет дополнительные по сравнению с индивидуальной деятельностью моменты: взаимоотношения мотивов, идей, программ участников О., сопряжение их действий, дифференцирование позиций и функций в сообществе и т. д. Поэтому и психол. составляющие деятельности и О. оказываются далеко не тождественными (1984). Согласно Ломову, процесс О. имеет собственные функции, структуру и динамику. Выделяются 3 класса функций О. в жизни индивида: информационно-коммуникативная (передача – прием информации), регуляционно-коммуникативная (регуляция поведения в широком смысле, к-рую люди осуществляют по отношению друг к другу), аффективно-коммуникативная (детерминация эмоциональной сферы человека). Функции О. можно рассматривать и в др. плане, выделяя, напр., такие, как организация совместной деятельности, познание людьми друг друга, формирование и развитие межличностных отношений.

При исследовании структуры О. можно говорить по крайней мере о 3 уровнях анализа (1981). На 1-м уровне (макроуровне) О. индивида с др. людьми рассматривается как сторона его образа жизни. Здесь О. выступает как сложная развивающаяся сеть взаимосвязей, где выделяются отдельные линии О. данного индивида с др. индивидами и социальными группами и следует учитывать зависимость О. от той системы обществ. отношений, к-рая сложилась в данном обществе на данной истор. ступени его развития. Отражаясь в головах конкретных людей, эти обществ. отношения детерминируют развитие людей, но каждого из них специфическим образом, в зависимости от его позиции в системе обществ. отношений. На этом уровне анализа трудно отделить собственно психол. аспект О. от социол., этического и т. д. Круг психол. проблем, возникающих при рассмотрении О. здесь включает в себя вопросы развития форм О., их зависимости от существующих в данном обществе (и социальных группах) норм, традиций и правил поведения, взаимоотношения обществ. и индивидуального сознания, возрастных осо-

бенностей психики, развития способностей, характера, потребностей и мотивов, формирования жизненных планов индивидов и т. д.

2-й уровень анализа (мезоуровень) относится к изучению отдельных актов О. Осн. круг психол. проблем здесь относится к исследованию особенностей динамики психич. процессов и состояний в условиях О. Важно раскрыть динамику О. (развития темы), выявить используемые в нем средства (языковые и неязыковые), т. е. рассмотреть О. как процесс, в ходе к-рого осуществляется обмен образами, идеями, переживаниями и т. д. На этом уровне выделяются след. осн. фазы О.: а) начальная – определение общих для участников взаимодействия «координат», к-рые выступают в роли своего рода базы, относительно к-рой строится весь дальнейший процесс. Здесь происходит «выравнивание информированности»; б) фаза формирования совместной программы процесса О. Она включает распределение функций между его участниками и их сопряжение, – эта программа обычно не является жесткой и задает лишь общую стратегию их поведения; в) фаза формирования «общего фонда» знаний, умений, навыков. Решая опр. задачу, каждый из участников О. использует и свой собственный опыт, и опыт партнеров.

3-й уровень анализа (микроуровень) относится к изучению отдельных сопряженных актов О. или циклов, выступающих как своеобразные элементарные его единицы. В кач. таких единиц могут рассматриваться сопряженные акты типа «вопрос – ответ», «побуждение к действию – действие» и т. д. Изучение циклов О. предполагает анализ не только действия отдельного индивида, но и связанное с ним действие его партнера. Осн. психол. задача здесь – изучение механизмов формирования циклов О., их типологии, используемых средств О. в их взаимосвязях, динамики процессов экстерииоризации и интерииоризации психического. Перечисленные уровни анализа О. тесно связаны друг с другом, и рассмотрение любого из них так или иначе предполагает выявление этой связи. Циклы О. (изучаемые на микроуровне) строятся по-разному в зависимости от межличностных отношений его участников (изучаемых на макроуровне). В свою очередь, не рассмотрев циклы О., трудно понять, как и почему складывается тот или иной тип межличностных отношений.

В работах Б. Ф. Ломова проблема О. приобретала общепсихол. звучание, что предполагало изучение этой категории в 3 направлениях: 1) Анализ роли О. в протекании всей системы психического: ее структуры, динамики и развития. Конкретно: а) исследование роли О. в формировании и развитии разл. форм и уровней психич. отражения, в психич. развитии индивида; б) изучение влияния О. на динамику когнитивных процессов. 2) Анализ того, как индивид овладевает исторически сложившимися способами О. 3) Психол. исследование процесса О. как акта взаимной презентации субъективных представлений субъектами (1984). При исследовании непосредственного О., в кач. центральных рассматривались вопросы о влиянии О. на формы, уровни и динамику психич. отражения, о роли О. как одной из важнейших детерминант сенсорно-перцептивных и мнемических процессов. Изучались особенности: 1) зрительного поиска объектов в условиях непосредственного О. (пары участников исследования, наблюдающих в натуральных условиях городской пейзаж, совместно осуществляли зрительный поиск малозаметного объекта); 2) динамики топографических представлений в условиях непосредственного О. (участники индивидуально и совместно в парах рисовали план местности); 3) индивидуального и совместного воспроизведения стихотворного текста.

При сравнении развертывания когнитивных процессов (восприятия, мышления, памяти, представления, воображения) в условиях индивидуальной и совместной деятельности было показано, что «непосредственное О. является важнейшей детерминантой познавательных процессов на всех уровнях» (1984). «Эффект О.» проявляется: 1) в способах организации, селекции, оценки и коррекции воспринимаемой информации; 2) в выборе системы отсчета и трансформации образов; 3) в расширении базы обобщения и абстрагирования при усвоении понятий; 4) в изменении стратегии решения широкого класса задач и т. п. По существу, О. затрагивает все «измерения» психич. отражения, испытывая вместе с тем его регулирующее

влияние. Также было показано, что не всякая деятельность в условиях О. успешна. Опр. класс задач более эффективно решается индивидуально. В частности, установлено, что чем субъективно более сложна задача, чем разнообразнее информация, требующаяся для ее решения, тем более значимо и эффективно включение О. в ее решение. Простые задачи, как правило, даже в условиях непосредственного О. выполняются каждым его участником индивидуально. Важнейшее условие, порождающее потребность в О., – возникновение проблемной ситуации (1975).

Все исследования позволили дать более глубокую характеристику процессу О. как открытой системе, обеспечивающей возможность распределения (и перераспределения) функций между его участниками, смену ролей по ходу решения задачи, взаимного содействия (или противодействия), контроля, коррекции и компенсации.

• *Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; *Он же.* Проблема общения в психологии. М., 1981; *Он же.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984; *Он же.* Системность в психологии. М.-Воронеж, 1996.

В. А. Барабанищikov, Е. С. Самойленко

Проблема общения в трудах Мясищев В. Н. *В. Н. Мясищев* одним из первых в отеч. психологии проанализировал психол. сущность О., выйдя за пределы речевых коммуникаций. Были выделены главные содержательные и формальные характеристики процесса О., к-рый рассматривался как процесс взаимодействия конкретных личностей, опр. образом отражающих друг друга, относящихся друг к другу и воздействующих друг на друга. Опираясь на положение о том, что благодаря психике и сознанию осуществляется отражение действительности и отношение к ней, В. Н. Мясищев отмечал: «в О. выражаются отношения человека с их разл. активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером. Способом или формой О. и отношения является обращение человека с человеком». Были описаны и систематизированы наиболее распространенные формы взаимосвязей отношения и обращения: наличие или отсутствие соответствия между ними у участников О. объяснялись не только личностными свойствами каждого из общающихся в отдельности, но и обстоятельствами О., и характером малой группы, к-рую образуют общающиеся. Он подчеркивал, что в условиях свободного взаимодействия могут проявляться истинные отношения, а в условиях подавления и зависимости одного человека от другого истинные отношения скрываются, маскируются. Во взаимодействии характер отношений зависит и от внеш. обстоятельств, и от положения участников. Отношения к разным сторонам действительности у человека не бывают одинаковыми, неодинаковы они и к разл. людям, что также сказывается на характере способов О., где отношение к человеку влияет на проявления его ума, чувств, воли, всех осн. свойств личности.

В. Н. Мясищев обращал внимание на факторы, обуславливающие формирование у человека тех или иных отношений, проявляющихся в способах обращения, к-рые человек повседневно демонстрирует, строя свои контакты с окружающими его людьми. Говоря о значении врожденной основы в формировании у человека отношения к людям, он подчеркивал роль способов поведения, в к-рых это отношение выражается, впечатлений и переживаний, накапливаемых в ходе взаимодействия с окружающими. Являясь объектом и результатом отношений, завязывающихся в О., личность однорв. выступает и субъектом этих отношений. От самого человека в большой мере зависит характер отношений к нему окружающих, соответственно, и характер его переживаний, вызванных О., и оценки, к-рые он сам дает людям. В этих оценках и переживаниях выражаются не только особенности оцениваемых, но и отражается личность самого оценивающего. Различие в содержательных и формальных характеристиках коммуникативной деятельности людей зависит от их возраста.

Описывая и систематизируя осн. социально-психол. ситуации, имеющие личностно формирующее значение, Мясищев рассмотрел условия, усиливающие и ослабляющие эффект психол. воздействия участников О. друг на друга, а также причины результата словесного воздействия одного человека на другого. Было показано, что слово, имея общий смысл для той или иной группы людей, у каждого человека имеет индивидуальный не только психол., но и физиол. контекст, связанный с его значимостью, к-рая определяется местом и обстоятельствами, символизируемыми данным словом. Говоря о податливости человека по отношению к тем или иным словесным воздействиям со стороны др. людей и отмечая такие характеристики личности, как степень внушаемости или способность к переубеждению, Мясищев сделал вывод, что эта податливость «представляет собой не столько интеллектуально характерологическую стойкую особенность человека, сколько результат динамического взаимоотношения людей». Было показано, что содержательные, выразительные и действенные элементы О. заключаются не только в речи, мимике и пантомимике, но и в воспроизведении у каждого участника О. в связи с обращенной к нему речью множества ассоциированных связей, насыщенных более или менее осознаваемыми образами и пронизанных более или менее сильными эмоциями.

Выяснялось, каким образом О. может воздействовать на те или иные характеристики психич. процессов, психич. состояний и свойств человека, существенно их изменять и перестраивать. Исследовались механизмы влияния О. на психику и их роль в становлении характера человека и образующих его ядро отношений, были вскрыты зависимости между О. и психич. процессами его участников. На примере больных неврозами были описаны социально-психол. и дифференциально-психол. механизмы воздействия условий О. на активность, продуктивность и динамику перцептивных, интеллектуальных, мнемических, аттенционных и эмоциональных процессов человека. Ход рассуждений был таким: при возникновении отклонений во внутр. субъективной основе О., какой являются отношения, у человека появляется более или менее сильное и устойчивое состояние внутр. напряжения, к-рое влияет на восприятие и память, на мышление и внимание и на аффективно-волевую сферу. Осн. идея Мясищева заключается в том, что такие фундаментальные потребности человека, как потребность в труде и потребность в О., а также такие его личностные свойства, как характер и, в опр. степени, склонности и способности, активно проявляются и развиваются не столько в одностороннем воздействии человека на природу, на вещи и предметы, сколько в двухстороннем взаимодействии людей, накладывающем неизгладимый отпечаток на все стороны формирующейся личности.

• *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960; *Он же.* Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева. М., 1995.

А. А. Бодалев

Проблема познания людьми друг друга в отечественной психологии. Взаимодействие человека с человеком, в отличие от взаимодействия его с неодушевленным предметом или с живым существом, лишенным сознания и самосознания, имеет субъект-субъектный характер, что является значимым основанием для выделения межличностного познания в относительно самост. область исследования. В психол. науке России первыми к данной проблеме в нач. XX в. обратились *В. М. Бехтерев*, *А. П. Нечаев* и *И. А. Сикорский*, к-рый изложил свое понимание путей психол. изучения межличностного познания в книге «Всеобщая психология с физиогномикой» (1901). Позднее, в 1960–1970-е гг. стали расширяться знания о феноменологии, закономерностях и механизмах психологии познания людьми друг друга. Изучались особенности восприятия человека человеком и формирование понятия о личности взаимодействующих, были прослежены в сравнении особенности восприятия людьми человеческого лица и просто предмета (*А. М. Зимичев*, *В. Н. Панферов*), раскрыты изменения, происходящие в восприятии и понимании др. человека на протяжении дошкольного возраста (*Р.*

А. Максимова, И. А. Шихина), у младших школьников и подростков (Г. Ф. Гусева, *В. Н. Куницына*, М. П. Тихонова и др.), в старшем школьном и юношеском возрасте (А. А. Бодалев, *С. В. Кондратьева*, А. А. Русалинова и др.). Первые попытки раскрытия влияния профессии на восприятие др. людей принадлежат А. С. Егорову, А. М. Зимичеву, О. С. Зубриской, В. М. Раздобудько, Н. Ф. Федотовой. Были выяснены психол. условия формирования у человека эталонов и стереотипов (возрастных и профессиональных), к-рые воздействуют на восприятие внеш. облика др. людей и на социально-психол. интерпретацию этого облика (А. А. Бодалев, В. Н. Лозовцева, *В. Н. Панферов*, В. М. Сенченко и др.). В 1975 г. в Краснодаре состоялась первая Всесоюзная конференция по проблемам психологии познания людьми друг друга.

В продолжение исследований *В. Н. Мясущева* в 1970–1980-е гг. выполнен ряд работ, раскрывающих характер зависимостей психич. отражения людьми друг друга от их отношений и поведения. Изучались психол. механизмы выразительного поведения человека и прочтения окружающими облика человека (Е. Ф. Бажин, *В. А. Лабунская*, М. А. Мазманян, П. М. Якобсон и др.), особенности интерпретации вербального поведения человека по сравнению с невербальным (С. С. Галагудзе, А. А. *Леонтьев*, В. Х. Манеров, Х. Миккин и др.). Выяснялся характер влияния на восприятие человеком др. людей чувств, испытываемых им по отношению к этим людям (В. И. Зацепин, *Я. Л. Коломинский*, Л. А. Петровская, А. Г. Ружская и др.). Были начаты исследования обусловленности разл. характеристик познания человека человеком др. людей как более простыми, так и более сложными образованиями в его личностном складе – потребностями, интересами, ценностными ориентациями, общими и специальными способностями, чертами характера (А. А. Горбатков, *Б. А. Еремеев*, Н. В. Кузьмина, В. С. Собкин, В. В. Столин и др.). Существенно дополнила исследования психологии познания людьми друг друга 2-я конференция в Краснодаре (1979). Были представлены работы о характере восприятия людьми друг друга, о формирующихся у них друг о друге представлениях, образах воображения, а также изменений, происходящих в них в зависимости от специфики деятельности, к-рая объединяет людей и «программирует» для каждого их них опр. роли (*Г. М. Андреева*, Л. Д. Ершова, *С. В. Кондратьева*, О. Г. Кукосян, А. И. Щербаков и др.).

Было исследовано значение разл. характеристик общности (коллектива, малой группы), членом к-рой является человек, для формирования у него мнения о людях, отношения к ним, поведения во время официальных и неофициальных встреч (А. А. Кроник, *Н. Н. Обозов*, А. В. Петровский, Л. И. Уманский, А. У. Хараш, А. С. *Чернышев* и др.). Прослеживалось влияние положения человека в коллективе на оценивание им др. людей в условиях производства (В. Н. Куликов, М. А. Новиков, Ю. П. Платонов и др.), в условиях коллектива учебно-воспитательного учреждения (Н. И. Крылов, В. Е. Кузьмина, А. В. *Мудрик*, Е. И. Тимащук и др.), в условиях семьи (И. В. Дубровина, А. И. Захаров, Т. М. Мишина и др.). Большой резонанс получили работы по выявлению сознательного формирования у человека (руководителя производственного коллектива, педагога, врача) характеристик, делающих его знатоком др. людей (*В. А. Кан-Калик*, Г. А. Ковалев, *С. В. Кондратьева*, Л. А. Петровская и др.).

С 1963 г. наблюдается экспансия исследований по психологии познания людьми друг друга во все новые области психол. науки. Выйдя из методологии социальной психологии, все большее число работ выполнялось в общепсихол. ключе и аспектах, типичных для психофизиологии, возрастной, дифференциальной, медицинской и пед. психологии, психологии искусства, труда, спорта, управления. С позиций общей психологии велось изучение роли образов и понятий о людях в регуляции поведения человека, во взаимодействии (*В. В. Знаков*, А. М. Матюшкин, А. У. Хараш, Н. Б. Шкопоров и др.), рассматривалась динамика познавательной деятельности человека, когда объектом ее оказывается др. человек (*Г. М. Андреева*, Г. В. *Дьяконов*, М. В. Коваль, *Я. Л. Коломинский* и др.). В дифференциальной психологии были получены результаты оценок человеком др. людей и присущих ему типологических характеристик (А. И. Ильина, М. Г. Субханкулов и др.), выделены индивидуально-типические варианты пси-

хич. отражения мимики и пантомимики и их личностной интерпретации (А. И. Мокеева, И. М. Подберезин, А. Г. Шмелев и др.). В возрастной и пед. психологии исследовалась специфика познания человеком др. людей на разных возрастных этапах (М. И. Лисина, Е. В. Рощина, А. П. Сопиков и др.), выявлялись особенности межличностного познания в условиях учения в зависимости от квалификации педагога, характера преподаваемых им учебных дисциплин, присущих ему ценностных ориентаций (Е. С. Махлах, Г. М. Понарядова, З. Ф. Семенова и др.); изучались познавательные процессы учащихся (школьников, студентов), когда их объектом был педагог (Н. М. Богомолова, Ж. Лендьел, В. И. Максакова, О. Г. Кукосян и др.). В психофизиологии шел анализ механизмов «познавательной» и «эмоциональной» эмпатии, создавались методики определения степени субъективной значимости для человека познаваемого субъекта, замера эмоциональных состояний людей в разл. ситуациях взаимодействия (Т. П. Гаврилова, Н. Н. Обозов, В. С. Овчинников и др.). В психологии труда изучались особенности познания друг друга лицами, занятыми операторской деятельностью, и влияние результатов этого познания на совместное решение ими разных классов задач (Ю. М. Забродин, В. Н. Носуленко, В. Н. Панферов и др.).

Проведен цикл исследований, выясняющих сходство и различие в формировании образов друг друга и понятий о личности у людей, занимающих одинаковое и разл. положение в должностной структуре на производственных предприятиях, в проектных ин-тах, на транспорте, рассматривалась роль этих образов и понятий в складывании стиля поведения людей по отношению друг к другу (И. П. Волков, Р. Б. Гительма хер, Ю. Н. Емельяно в, Р. С. Немов и др.), исследовалась взаимосвязь «отражения, отношения и обращения» у лиц, взаимодействующих друг с другом в сфере обслуживания – в торговле, обществ. питании (А. В. Донская, Э. Э. Линчевский). В связи с необходимостью теорет. и эксперим. – методического решения проблем управления был осуществлен ряд разработок по разл. проблемам психологии познания людьми друг друга (А. Л. Журавлев, А. И. Китов, Н. В. Ревенко, А. Л. Свенцицкий и др.). Развернулись исследования закономерностей психич. отражения спортсменами друг друга в условиях предсоревновательной и соревновательной деятельности, выяснялась специфика отражения друг друга спортсменами, различающимися по уровню мастерства, виду спорта, по неофициальному положению в команде (П. А. Жаров, Р. Л. Кричевский, В. В. Унгул, Ю. Л. Ханин и др.). В обл. медицинской психологии выполнена серия исследований особенностей восприятия и понимания разными категориями больных своих врачей, а также отношений, к-рые у них к этим врачам устанавливаются (В. А. Ташлыков, Н. Д. Творогова, И. В. Ханина и др.), начаты работы, освещающие особенности профессионального познания врачом больных, связанные с его узкой специальностью, стажем работы и его индивидуально-личностными чертами (К. Д. Панасенко).

С позиций юрид. психологии работы были нацелены на выяснение особенностей познания др. людей лицами с отклоняющимся от социальной нормы поведением, раскрытие содержания их оценочных эталонов и имеющихся у них классификаций типов личности (В. В. Бойко, Б. С. Братусь, В. В. Столин, А. Н. Сухов и др.); разрабатывались методики изучения личности правонарушителя через специально организованное О. с ним (Л. Б. Филонов). В психологии искусства изучались особенности восприятия и понимания портретного изображения человека разл. возрастными и профессиональными группами людей (В. Т. Афиногенов, С. С. Дашкова, В. Е. Семенов и др.), исследовались социально-перцептивные способности актеров и определялись пути их успешного формирования (А. Л. Гройсман, О. Я. Ермолаева, М. О. Кнебель, В. С. Собкин и др.); выяснялась специфика познания др. людей работниками искусства в сравнении с познаванием их представителями др. областей труда – инженерами, учеными и др. (Л. Н. Иванская, С. П. Шульц и др.).

С 1980-х гг. в связи с усиливающейся ролью телевидения в информационном воздействии на сознание и самосознание разл. слоев населения стали выполняться исследования,

раскрывающие характер психол. контактов: изучались представления о телекоммуникаторах в разл. жанрах, зависимость этих представлений от социального положения, уровня образования, профессии, возраста, пола и ряда др. параметров телезрителей (Н. Н. Богомолова, В. Г. Зазыкин, Л. В. Матвеева, П. Е. Строганов и др.). С ростом актуальности национ. – этнич. проблем было начато изучение феноменологии, закономерностей и механизмов межличностного познания людей, относящихся к разл. этнич. группам и воспитанных на несходных национ. обычаях и традициях (Т. А. Акопян, Д. Дэлгэрма, М. В. Мольденгауер, Т. Г. Стефаненко и др.). С конца XX в. более активно стала решаться проблема социально-перцептивной компетентности госслужащих (Н. В. Васина, И. Э. Вегерчук, В. Г. Зазыкин, Е. А. Яблокова и др.), выявляются факторы, обеспечивающие создание опр. имиджа у политика, предпринимателя, ученого, представителя иных сфер деятельности (В. Т. Ганжин, А. Ю. Панасюк, Е. А. Петрова, Л. Б. Филонов, В. М. Шепель и др.). Начались исследования гендерных различий, обнаруживающихся в межличностном познании (В. Н. Куницына, Е. П. Ильин, В. М. Погольша и др.), феноменологии и закономерностей самопознания и самоотношения (В. И. Кабрин, А. М. Кольшко, Т. И. Пашукова, З. И. Рябикина, Т. С. Яценко и др.). В обл. медицинской психологии велось изучение особенностей познавательных процессов при нервно-психич. расстройствах, важных для межличностного О. (Ж. М. Глозман, С. Н. Ениколопов, Н. Л. Карнова, Ю. Б. Некрасова, Е. Т. Соколова, А. С. Спиваковская и др.).

Изучение феноменологии, закономерностей и механизмов межличностного познания, начатое в 1960-х гг. в Ленинградском ун-те, было продолжено в ряде психол. Центров страны, где сложились относительно самост. науч. школы.

• Андреева Г. М. Социальное познание. М., 2004; Бодалев А. А. Психология общения. М.-Воронеж, 2004; Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. СПб., 2005.

А. А. Бодалев

Психология общения: школа Бодалева А. А. В нач. 1960-х гг. на ф-те психологии Ленинградского (в настоящее время Санкт-Петербургского) гос. ун-та, деканом к-рого в те годы был Б. Г. Ананьев, начало развиваться направление социальной психологии, получившее название «познание человека человеком». Это направление возглавил ученик и преемник Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева – А. А. Бодалев, и за полувековое существование данное направление превратилось в одну из самых признанных фундаментальных науч. школ отеч. психологии. Развитие этой школы прошло ряд этапов. На I этапе изучался познавательный компонент О.: выявлялись отличия в формировании образов восприятия, воображения, представлений и памяти при непосредственном контакте человека с человеком и предметом; исследовались связи между восприятием внеш. облика человека и возможным представлением о нем, а также степенью доминирования стереотипов в формирующемся образе восприятия и объективными и субъективными причинами этого доминирования. Учитывались возраст, пол, профессия и объектов, и субъектов познания (А. А. Бодалев, В. А. Еремеев, О. Г. Кукосян, В. Н. Куницына, В. Н. Панферов и др.). Исследовалась роль восприятия разных видов экспрессии (мимика и пантомимики, характеристик жестов и походки, особенностей голоса и речи) в формировании чувственного образа человека, интерпретации его эмоционального состояния и присущих ему личностных качеств (С. С. Дашкова, В. А. Лабунская, В. Х. Манеров и др.); изучалось впечатление о людях ординарной и неординарной внешности, с норм. поведенческими реакциями и отклонениями (В. И. Кабрин, З. Н. Лукьянова, З. И. Рябикина) и др. аспекты восприятия, представления памяти, воображение и понимание людей при взаимодействии друг с другом.

II этап – 1970–1980-е гг. – характеризовался пониманием О. как особого вида деятельности, к-рая в одних ситуациях выступает самост. проявлением коммуникативной активности человека, а в других оказывается включена в более сложную деятельность и является обяза-

тельным условием ее успешного выполнения. Изучались цели участников совместной деятельности; мотивы, побуждающие их включаться и выполнять эту деятельность; способы, к-рые они при этом применяют; учитывался формальный и неформальный статусы каждого соучастника, проводился анализ их коммуникативности и степени лидерства (А. С. Егоров, Ю. П. Степкин, В. В. Унгул, Н. Ф. Федотова и др.).

III этап – 1980–1990-е гг. – с переездом А. А. Бодалева исследования психологии О. в ЛГУ возглавила В. А. Куницына, а в Москве работа продолжилась в созданной под рук. А. А. Бодалева лаборатории «Психология общения в семье и школе» при НИИ общей и пед. психологии АПН СССР (в настоящее время Психологический ин-т РАО). Проводились исследования проявления психич. свойств личности в сфере обучения и воспитания в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрастах – в условиях семьи и в учебно-воспитательных учреждениях разного типа (А. Я. Варга, С. И. Воронкина, В. А. Кан-Калик, Н. В. Накошная и др.). Был проведен ряд работ по феноменологии, закономерностям и механизмам *управленческого О.* (Р. Б. Гительмахер, И. Э. Вигерчук, В. А. Гордиенко, Р. Л. Кричевский и др.); исследовались разные *стили О.* и прослеживались объективные и субъективные причины их использования во взаимодействии людей друг с другом и с коллективом (Г. А. Ковалев, К. М. Романов и др.). В психоконсультировании анализировались особенности *диалогического О.* (Т. А. Флоренская, А. Ф. Копьев); исследовались микрофеномены процесса О., влияющие на его успешность: *рефлексия, эмпатия, эгоцентризм и децентрация*, выяснялись границы и причины *проецирования и вкладывания себя в Другого* в акте О., а также феномены *идентификации и первого впечатления* о др. человеке (Т. П. Гаврилова, Г. В. Дьяконов, А. П. Новгородцева, Т. И. Пашукова, Н. Д. Ярославцева и др.).

IV этап – 1980–2000-е гг. – акцент в исследованиях феномена О. переместился на обоснование *стратегий и тактик* обучения *эффективному О.* профессионалов, занятых в сфере деятельности «человек – человек» (Г. А. Ковалев, Т. С. Яценко и др.). В связи с этим прослеживались зависимости между характером разл. воздействий на человека и формирующимся у него при этом *коммуникативным ядром личности* (А. А. Бодалев, Т. П. Скрипкина, А. Н. Сухов и др.), анализировались взаимосвязи между особенностями О. и личностными изменениями в процессе восстановления *нарушенного речевого О.* и при сенсорной депривации (Ю. Б. Некрасова, Н. Л. Карпова, А. В. Суворов и др.). Исследования показали, что межличностное познание определяется характеристиками социально ориентированной деятельности субъекта и имеет активно-деятельностную природу. Подтверждением этой позиции стал целый цикл работ, выполненных в рамках акмеологического подхода, где изучались профессиональные особенности межличностного познания и О.

В рамках Школы А. А. Бодалева также велось исследование профессионализма, начавшееся с изучения социально-перцептивных особенностей педагогов в 1970-е гг. в Гродненском (С. В. Кондратьева и ее ученики) и в Кубанском (О. Г. Кукосян и его ученики) ун-тах; в 1980-е гг. оформились самост. направления и центры исследований О.: в Санкт-Петербургском ун-те – гендерные и возрастные проблемы *межличностных отношений* (В. Н. Куницына и ее ученики и единомышленники); в Ростовском (ныне – Южном Федеральном) ун-те разрабатывается теория *затрудненного О., невербальной коммуникации и экспрессии* человека (В. А. Лабунская и ее ученики), в том же ун-те под рук. Т. П. Скрипкиной изучаются *доверительные отношения* личности; в Мордовском ун-те под рук. К. М. Романова исследуются вопросы *познания в О.*; в Кировоградском пед. ун-те В. Г. Дьяконов и его коллеги ведут разработку вопросов *диалогического О.*; в Психол. ин-те РАО ученики А. А. Бодалева продолжают исследование ряда аспектов О. – *эгоцентризма* и особенностей *межэтнического и межнационального О.* (Т. И. Пашукова), *восстановления нарушенного речевого О.* (Н. Л. Карпова с учениками и сотрудниками).

Направление исследований психологии *О.* в совр. отеч. психологии, начало к-рому положено в 1960-е гг. А. А. Бодалевым и более полувека развивается под его руководством, является самобытной науч. школой, изучающей фундаментальные закономерности познания, *О.* и понимания людьми друг друга, – оно востребовано практикой обществ. жизни и имеет большие перспективы.

• *Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982; *Он же.* Восприятие человека человеком. Л., 1965; *Он же.* Личность и общение: Избр. тр. М., 1983; Психология воздействия / Под ред. А. Г. Ковалева. М., 1989; Социально-перцептивная компетентность в профессиональном общении / Под ред. А. А. Бодалева. М., 2000.

Т. П. Скрипкина, Н. Л. Карпова

Психология общения: школа Мерлина В. С. Интерес к проблеме *О.* в Пермской школе В. С. Мерлина возник в связи с решением вопроса об изменении индивидуального стиля деятельности в зависимости от специфических, объективных требований разл. видов деятельности. Особо был выделен вопрос о специфике индивидуального стиля *О.* и его сходстве со стилем деятельности. Центральной, стержневой функцией *О.* было названо *воздействие*, что позволило выделить операции *О.*, направленные на создание опр. межличностных отношений. В отличие от операций, характеризующих индивидуальный стиль предметной деятельности, в *О.* имеются такие операции, к-рые однорв. являются и действиями с опр. содержательной целью, и средством для достижения предметного результата. Возможно выделение разных уровней в индивидуальном стиле *О.*: 1-й – уровень реакций *О.*: симптомокомплексы, содержащие индивидуальные особенности речевых реакций (импульсивность, скорость, громкость, тембр речи и т. д.); 2-й – уровень операциональных характеристик *О.*: приемы и способы установления межличностных отношений; 3-й уровень стиля *О.* – целевой: *О.*, включенное в совместную деятельность, способствует такому взаимодействию людей, к-рое обеспечивает достижение общей цели. Для достижения предметного результата необходимо сформировать опр. межличностные отношения, к-рые характеризуются в стиле *О.* как промежуточные цели для его достижения (Мерлин, 1986).

Проводя аналогию между изучением стиля предметной деятельности и изучением стиля *О.*, В. С. Мерлин подчеркивал и возможность рассмотрения зависимости особенностей индивидуального стиля *О.* от разноуровневых свойств индивидуальности субъекта. В ряде исследований, выполненных под его руководством, обнаружена связь свойств темперамента: агрессивности при фрустрации с частотой фатических операций, требований, угроз, приказов в игре у дошкольников (Васильева, 1976), с частотой применения отрицательных оценок и наказания у учителей (Колчина, 1976); с тревожностью у дошкольников связан малый круг *О.*, преобладание просьб, согласия (Гордецова, 1978). Выявлена связь особенностей стиля *О.* со свойствами личности. Так, преобладание требований у бригадиров на производстве связано с властностью, тактичность бригадира – с отношением к людям (Люкин, 1977).

В школе В. С. Мерлина осуществлялось изучение индивидуального стиля пед. *О.*, к-рый характеризуется рядом признаков: 1) это иерархическая система, где одни компоненты являются главными, определяющими, другие – производными. Главный компонент стиля *О.* – отношение учителя к учащимся; 2) система операций и приемов стиля пед. *О.* обуславливается разноуровневыми свойствами индивидуальности педагога; 3) системе операций присущи компенсаторные функции. К началу 1980-х гг. была доказана возможность применения схемы анализа структуры, функций, детерминант индивидуального стиля *О.*, аналогичной процедуре анализа, используемой при изучении индивидуального стиля деятельности.

Более поздние исследования индивидуального стиля *О.* были связаны с изучением проблем профессионального пед. *О.* в русле полисистемного исследования индивидуальности (Исмагилова, 2003). На основе эмпирических исследований выделены разные стили пед. *О.*

Из них 2 – противоположные (организационный и развивающий), 2 – промежуточные (организационно-стимулирующий и развивающе-корректирующий). Различия в структуре противоположных стилей проявляются: а) в характере постановки целей пед. О. (в организационном стиле преобладают организационные и дидактические цели, в развивающем – дидактические и воспитательные); б) в выборе действий (для организационного стиля характерны организующие и корректирующие действия, для развивающего – оценочные, контролируемые и стимулирующие); в) в выборе операций (в организационном стиле преобладают прямые обращения, в развивающем стиле – косвенные). Полисистемное исследование стиля пед. О. позволило целостно подойти к его характеристике и выделить в ней составляющие: а) структура стиля, его инструментальная характеристика позволяет описывать стиль через соотношение разл. компонентов пед. О.; б) форма стиля определяется через соотношение разл. видов активности, проявляемых в О. (информативная, презентативная, перцептивная, фасилитативная).

• *Васильева Г. С.* Взаимосвязь агрессивного отношения к людям, социального статуса в межличностных отношениях и свойств темперамента у старших дошкольников // Темперамент (системное исследование). Пермь, 1976; *Исмагилова А. Г.* Психология стиля педагогического общения: Полисистемное исследование. Пермь, 2003; *Люкин В. В.* Взаимоотношение индивидуальных особенностей деятельности руководителя, свойств его индивидуальности и социально-психологической характеристики коллектива // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1977; *Мерлин В. С.* Индивидуальный стиль общения // Психол. журн., 1982. Т. 3. № 4; *Он же.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.

А. Г. Исмагилова

Психология общения: школа Парыгина Б. Д. В первой монографии *Б. Д. Парыгина* «Социальная психология как наука» (1965) была представлена концепция социальной психологии как системы науч. знания, включающего в себя 3 осн. компонента: 1) методология, 2) общая социально-психологическая теория и 3) прикладная социальная психология, где рассматривалась и психология О. В книге «Общественное настроение» (1966) были приведены результаты исследования феномена обществ. настроения как структурно многомерного, динамичного и обладающего большим энергетическим потенциалом психич. состояния группового и массового сознания. Последнее может служить одновр. индикатором степени благополучия или напряженности эмоциональных отношений, – по *В. Н. Мясищеву*, характера «обращения» человека с человеком на всех уровнях социума от микро– до макросреды. В монографии *Б. Д. Парыгина* «Основы социально-психол. теории» (1971) была представлена концепция узловых проблем этой науки, и прежде всего – личности и человеческого О., что способствовало фундаментальной разработке проблем О., трактовке его структурной модели, а также построению общей социально-психол. теории О. В дальнейшей работе получили развитие его концепция методологии и истории социальной психологии в кач. системы науч. знания и разработанная им общая социально-психол. теория, – ее исходные категории «личность» и «О.» впервые были исследованы в контексте их опосредованности феноменологией деятельности, общности и психич. состояния человека. Были подвижки и в трактовке самих этих категорий, что выразилось в толковании духовно-психич. потенциала и социально-психол. *барьеров личности*. Применительно к феномену О. была представлена новая модель структуры смысловых значений его как коммуникации.

Исследования проблемы О. в рамках школы *Б. Д. Парыгина* в осн. проводятся с позиций филос. – психол. Направления исследований разнообразны и многомерны, среди них: 1) Анализ процессов О. и *диалога* в условиях глобализации – духовное О. как социальное явление, роль О. в полит. жизни общества; специфика духовных традиций и межрегионального диалога, коммуникативные аспекты культурного наследия регионов России; проблемы мировоз-

зренческого диалога как опосредованной временем формы О. ее представителей в лице Герцена, Чернышевского, Страхова и Соловьева с Чаадаевым (В. П. Дронникова, В. В. Крамник, Л. М. Мосолова, Л. И. Рудаков и др.). 2) Анализ О. как фактора формирования личности, в частности – познавательной активности; О. в семье исследовалось как фактор формирования личности (Р. К. Новикова, В. И. Сикорова, С. Н. Тетиор). 3) Начата разработка нового направления исследований психол. барьеров на пути интеграции междисциплинарных и межд. контактов и подходов к решению наиболее актуальных проблем психол. науки и оценки коммуникативного потенциала и совершенствование поля О. между ее субъектами на всех уровнях (И. А. Мироненко). 4) Исследование особенности О. в науч. сфере: тип лидера и социально-психол. климат науч. коллектива; понятие и роль науч. О. (Е. Ф. Владыкина, Л. В. Корчевина). 5) Анализ процессов О. в трудовых коллективах: исследовалось межличностное О. в коллективе, характер деловых взаимоотношений и его влияние на стабильность трудового коллектива, позиция руководителя и социально-психол. климат коллектива; вербальное О. в системе руководства и подчинения; филос. – психол. анализу был подвергнут процесс управления производственными коллективами и специфика вертикального О. в этой сфере (Т. А. Загрузина, Г. П. Макарова, В. Т. Успенский и др.). 6) Серия исследований была выполнена по проблемам О. в сфере досуга: О. в клубе как фактор удовлетворения информационных потребностей; коммуникативная культура молодежи и социальной работы; пед. коррекция социально-психол. климата самодеятельного коллектива; регуляция социально-психол. атмосферы клубной аудитории; развитие и удовлетворение коммуникативных потребностей в условиях клубной деятельности (Н. М. Андрейчук, Ю. В. Манько, П. П. Чапулис и др.). Исследовались особенности О. в СМИ: Интернет как фактор субкультуры виртуального сообщества; телевидение как средство воздействия (И. А. Смирнова, Г. И. Терехова), а также проблемы коррекции О. средствами *социально-психол. тренинга* (Т. И. Короткина).

• Крамник В. В. Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991; Манько Ю. В., Оганян К. М. Теория и практика социальной работы. СПб., 2002; Мироненко И. А. Отечественная психологическая наука и вызов современности. СПб., 2007; Парыгин Б. Д. Социальная психология: Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999; Практикум по социально-психологическому тренингу / Под ред. Б. Д. Парыгина. СПб., 2000; Фрейнкман Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: история и психология. СПб., 1995.

Г. Л. Ержемский

Раздел 2

Теории, концепции и научные направления психологии общения

Герменевтика общения (гр. *ἐρμηνεία* – толкование, понимание). Являясь направлением философии и гуманитарных наук, герменевтика рассматривает понимание как условие осмысления бытия. К истор. разновидностям герменевтики относятся: перевод (наличного смысла на свой язык), реконструкция (воспроизведение аутентичного смысла или ситуации возникновения смысла) и *диалог* (формирование нового смысла в интерперсональном смысловом контексте). В психологии с позиции герменевтики рассматриваются проблемы понимания и интерпретации сложных психич. феноменов человека. Основы психологии герменевтики заложили Ф. Шлейермахер и В. Дильтей. Ф. Шлейермахер обосновал «принцип кругового движения» процесса понимания: целое понимается исходя из его частей, а части – только в соотношении с целым. В. Дильтей полагал, что понимание различается по своему предмету: 1) понимание как теорет. метод руководствуется критерием: «истина-ложь»; 2) понимание действий требует реконструкции целей, на достижение к-рых они направлены, и руководствуется критерием: «успешность – неуспешность»; 3) понимание проявлений «живого опыта» от продуктов творчества до актов поведения (жестов, интонации и пр.) требует критерий «аутентичность».

Поле значений термина «понимание» очень широко. Согласно В. К. Нишанову, в него входят: 1) декодирование, 2) перевод «внеш.» языка во «внутр.» язык исследователя, 3) интерпретация, 4) понимание как оценка, 5) постижение уникального, 6) понимание как результат объяснения, 7) понимание как синтез целостности. По В. В. Знакову, понимание как феномен познания и О. характеризуется 2 отличительными признаками: 1) выход за границы непосредственного содержания, включение понимаемого в более широкий контекст, способствующий порождению смысла того, что нужно понять; 2) соотнесение объекта понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта, его суждениями о том, какой в соответствии с законами физич. и социального мира должна быть воспринимаемая и понимаемая ситуация. Понимание как познавательная процедура направлено не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности.

Г. о. как метод понимания социального взаимодействия включает в себя след. этапы: 1) выдвижение нек-рой гипотезы, в к-рой содержатся предчувствие или предпонимание текста поведения в коммуникативной ситуации как целого; 2) интерпретация, исходящая из общего смысла и ведущая к смыслу отдельных его фрагментов; 3) корректировка целостного смысла, исходящая из анализа отдельных фрагментов текста (событий, взаимодействий), т. е. обратное движение от частей к целому (А. М. Коршунов, В. В. Мантатов). С т. зр. Е. Д. Хирша, искусство интерпретации и искусство понимания суть разл. процессы, т. к. правильное понимание возможно только одно, а интерпретаций множество, поскольку последнее основано на дискурсе интерпретатора, а понимание – на дискурсе текста. При этом интерпретация – это такая работа мышления, к-рая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл – значит за буквальным значением увидеть все богатство возможных интерпретаций смыслов. Интерпретировать – значит идти от явного смысла к смыслу скрытому (П. Рикер), поэтому интерпретация в форме повествования отражает ценностную позицию интерпретатора, зачастую меняющуюся вместе с событиями интерпретируемого текста. Во многих ситуациях межличностного взаимодействия происходит пересечение смысловых пространств участников взаимодействия, что приводит к порождению нового смыслового пространства, способствующего

порождению и кристаллизации нового смысла, принимаемого обоими участниками взаимодействия.

Осн. механизм интерпретации – *диалог*, базирующийся на установлении связей с контекстами, т. е. размещение высказывания в новый контекст, ограниченный интерпретационными рамками, к-рый этот контекст «высвечивает». Включение интерпретации в контекст межличностного О. превращает диалог в средство прояснения личностных смыслов партнеров по коммуникации. Если неосознаваемые интерпретационные схемы участников взаимодействия становятся предметом обсуждения, анализа, рефлексии в психотерапевтической ситуации, то интерпретация переходит в толкование. Н. В. Чепелева считает, что если интерпретацию можно рассматривать как диалог с другими, то толкование – это диалог для другого, к-рому разъясняется и обосновывается выбор тех или иных интерпретационных схем и собственное понимание воспринимаемого поведенческого текста. Здесь текст выступает превращенной формой О., диалога между субъектами коммуникации, в к-ром запечатлено познавательное и эмоционально-оценочное отношение автора к излагаемому сообщению, а также заложена программа его интерпретации реципиентом, способствующая адекватному пониманию, к-рая, вследствие смещения интерпретационной инициативы к реципиенту, модифицируется последним порой до неузнаваемости.

Это обстоятельство актуализирует проблему этики коммуникативного *дискурса*, к к-рой Ю. Хабермас формулирует такие ключевые требования: 1) ни одна из сторон, вовлеченных в предмет обсуждения, не должна исключаться из дискурса (требование общности); 2) все участники должны иметь одинаковую возможность выдвигать и критиковать претензии на общезначимость в ходе дискурса (равноправие); 3) участники должны быть готовы и способны «вчувствоваться» в претензии других на общезначимость (принятие идеальных ролей); 4) существующие между участниками отличия в смысле обладания властью (или силой) должны быть нейтрализованы так, чтобы эти отличия не оказывали никакого влияния на выработку консенсуса (властная, или силовая, нейтральность); 5) участники должны открыто разъяснять свои цели и намерения (в ходе дискурса), воздерживаться от стратегических действий по их достижению (прозрачность).

Большие возможности реализации intersubjectного (конвенционального) психотерапевтического дискурса предоставляет нарративная психотерапия, соответствующая постмодернистскому мировоззрению. Нарративные психотерапевты говорят о бытийном присутствии смысла в пространстве человеческого взаимодействия, а следовательно, о зависимости ценностного проектирования жизни личности от наличия поддерживающих (развивающих) или патологизирующих (проблемных) социальных контекстов. Дж. Бьюдженталь, определяя условия развивающего межличностного взаимодействия, говорит о доступности как разрешении на вхождение другого в собственный внутр. мир и об экспрессивности как спонтанном самовыражении своих эксплицированных свойств. Последнее является предпосылкой формирования комплементарно-диалогической структуры личностных смыслов как интегральном показателе гуманистической направленности личности.

Т. о., герменевтическая плоскость психол. исследования О. предполагает возможность взаимно обратимой проекции на внутр. экран (ценностно-смысловое сознание) исследователя (исследуемого) триединого факта человеческой экзистенции – аутентичного самовыражения посредством диалогического познания и свободного волеизъявления.

• *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб., 2000; *Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М., 2005; *Карпенко З. С.* Герменевтика психологической практики. Киев, 2001; *Майборода Д. В.* Герменевтика // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М., 2001.

З. С. Карпенко

Деятельностное опосредствование межличностных отношений в группе: теория А. В. Петровского. Известная в социальной психологии теория деятельностного опосредствования межличностных отношений личности в группе (теория ДОМОГ), предложенная А. В. Петровским, первоначально называлась «стратометрическая концепция групп и коллективов». В ней описывались разл. уровни – слои внутригрупповой активности, а также ядерный слой – деятельность, реализуемая группой. Включение групповой деятельности в социально-психол. портрет группы было принципиально важной отличительной чертой концептуальных разработок А. В. Петровского по сравнению с общепринятыми моделями описания групп в социальной психологии. Было показано, что групповая деятельность (ее ценности, нормы, организация и т. д.) порождает особый слой межличностных отношений, несводимый к функц. – ролевым контактам участников, а также к чисто эмоциональным связям между членами группы. Первый, «ядерный», слой групповой активности – форма проявления субъект-объектного отношения – «S-O». Подчеркивалось, что если группа представляет собой подлинный коллектив, то в отношениях проявляется «нечто большее», чем личное благо участников, пусть даже и обретаемое посредством др. его членов. Т. е. направленность групповой активности здесь не сводится к достижению узкокорпоративной цели (даже при условии справедливого распределения итоговых благ), – цель коллектива выходит за пределы исключительно групповых интересов. Второй слой групповой активности – это межличностные отношения, возникающие в деятельности, опосредствуемые деятельностью и в ней непосредственно проявляющиеся. В данной трактовке теория ДОМОГ вступает в «оппонентские» отношения с традиционной социальной психологией 1980–1990 гг. Традиция предписывала исследователю рассматривать малую группу как общность людей, вступающих в непосредственные отношения друг с другом – преим. эмоционального характера (симпатия, антипатия, безразличие, изоляция, податливость, активность, подчинение, агрессия и т. д.). Одной из определяющих характеристик группы признавалась частота взаимодействий между участниками; с нею соотносились мн. др. параметры группы. Отмечаемые большинством авторов черты малой группы, с одн. стор., оказывались «психологизированными», выхваченными из более широкого социального контекста, а с др. стор., собственно «психол.» часть определения сводилась к указанию на поверхностные связи и отношения в группе; картина взаимоотношений упрощалась и уплощалась. В его теории межличностные отношения, опосредствуемые деятельностью, – это личные отношения участников по поводу их деловых отношений, «деятельностных»; их личные отношения опосредствуются содержанием и формой организации совместной деятельности, но при этом сохраняют психол. статус «субъект-субъектных» отношений.

Ко второму слою групповой активности относятся феномены: 1) «Феномен коллективистического самоопределения» – готовность личности противостоять давлению группы, защищая при этом действительные интересы группы, ее нормы и ценности (исследования И. А. Оботуровой и А. А. Туровской). 2) Феномен опосредствованности «мотивационного ядра» межличностных выборов целями и задачами групповой деятельности (процедура выявления мотивационного ядра межличностных выборов разработана В. А. Петровским) 3) Феномен референтности versus аттракции. Референтность, в отличие от аттракции, это значимость др. человека как носителя мнений, позиций, взглядов (по референтометрии вела исследование Е. В. Щедрина). 4) Феномен соучастования заключается в том, что члены группы защищают интересы других как свои собственные. Соучастование (термин А. Н. Радищева) как деятельное отношение – это и сочувствие, и соучастие. Экспериментальное исследование данного феномена вела В. В. Абраменкова. 5) Ценностно-ориентационное единство как характеристика «сплоченности» (ЦОЕ). В противовес традиционным подходам к пониманию сплоченности (оцениваемых по числу контактов, взаимных выборов и предпочтений, базирующихся на симпатиях и антипатиях между членами группы), в школе А. В. Петровского «сплоченность» трак-

туется как мера общности взглядов, позиций, ценностных ориентаций участников совместной деятельности относительно самой этой деятельности (исследование В. В. Шпалинского).

В. А. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого», где 1-й фактор – аттракция, способность «значимого другого» привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию, быть социометрически избираемым или отверженным; 2-й – референтность (при максимальной позитивной ее выраженности – «власть авторитета»: признание окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах); 3-й – власть, властные полномочия значимого другого (выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев). Эвристические возможности модели «значимого другого» были подтверждены в исследованиях статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.). В частности, был открыт феномен «нисходящей слепоты» во взаимоотношениях подростков, взаимно непривлекательных, но различающихся по властному статусу: абсолютная референтность высокостатусных в глазах низкостатусных и антиреферентность низкостатусных в глазах высокостатусных (исследования М. Ю. Кондратьева). Трехфакторная модель «значимого другого» несет на себе печать трехуровневой модели внутригрупповой активности.

• **Петровский А. В.** Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982; *Он же.* Вопросы истории и теории психологии: Избр. тр. М., 1984; *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. М., 2001.

В. А. Петровский

Диалог в контексте идей М. М. Бахтина и А. А. Ухтомского. Сравнительное рассмотрение науч. и филос. идей *М. М. Бахтина* и *А. А. Ухтомского* позволило обосновать науч. статус личностно ориентированной практической психологии как гуманитарной науки, основанной на диалогической методологии (*Т. А. Флоренская*). Оба мыслителя понимали *О.* как форму существования человеческой индивидуальности и утверждали уникальность каждого человека, к-рая развивается и познается в *О.* особого рода: *М. М. Бахтин* назвал его «диалогом», *А. А. Ухтомский* охарактеризовал его как «доминанту на собеседнике». Диалог рассматривается *М. М. Бахтиным* не как средство формирования личности, но как само бытие ее: «Только в *О.*, во взаимодействии человека с человеком, раскрывается «человек в человеке», как для других, так и для себя» (1963). «Быть – значит общаться диалогически...» (там же). С т. зр. *Т. А. Флоренской*, в методологическом плане диалог – это та «клеточка» теорет. анализа, о к-рой писал *Л. С. Выготский*; но для *Выготского* такой клеточкой в исследовании сознания было значение слова, а для *Бахтина* и мысль, и слово могут быть поняты лишь как выражение диалога двух разл. собеседников. Наиболее значима для *Бахтина* идея уникальности общающихся личностей, – здесь его мысль сближается с понятием «лица» у *А. А. Ухтомского* в его системе идей о «доминанте на собеседнике».

Понятие «доминанта на собеседнике» раскрыто *А. А. Ухтомским* в статье «Доминанта как фактор поведения» (1966) и в «Письмах». Механизм доминанты не рассматривался им как специфически физиологический. Доминанта – это «функц. орган», в равной степени относящийся и к физиологии, и к психологии. От содержания доминанты зависит мировосприятие человека – «интегральный образ» мира: «Человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и людях predetermined своею деятельностью, т. е. так или иначе самого себя. Тут зачатки аутизма». Доминанта на себе порождает «двойника» (таков тип мировосприятия господина *Голядкина* в «Двойнике» *Ф. М. Достоевского*). Чтобы увидеть лицо другого, необходимо освободиться от эгоцентрической доминанты и воспитать в себе «доминанту на собеседнике». Это возможно

путем постоянного труда над собой: путем перестройки господствующей направленности своей деятельности и внимания. В этом переключении доминанты на других человек обретает и свое «лицо» – свою неповторимую индивидуальность.

Категория «лица» – центральная в системе идей А. А. Ухтомского о «доминанте на собеседнике». Уникальности «лица» соответствует самобытность «голоса», «слова», выражающих смысловую позицию говорящего: видимый образ мира Ухтомского дополняется образом, звучащим и слышимым в «диалоге» Бахтина. Если по Ухтомскому принцип личностного О. – «доминанта на собеседнике», то для Бахтина принцип диалога выражен в понятии «внеаходимости». При поверхностном взгляде можно усмотреть противоречие этих 2 подходов: в первом случае от собеседника требуется полная обращенность на другого, растворение себя в другом, во втором – дистанция, обособленность, автономия собеседников. Однако внеаходимость предполагает единство. Без имплицитного постулата единства множества сознаний было бы трудно понять, каким образом возможно О. «внеаходящихся» собеседников: если их обособленность изначальна, взаимопонимание принципиально невозможно. Внеаходимость требует от общающихся активной напряженности, внутр. усилия. Ухтомский осознал и выразил это в понимании лица как единства индивидуального и общего, к-рые не могут быть поняты одно без другого (1973). В работах Бахтина идея всеобщности содержится в самом предмете его исследования – эстетическом творчестве и восприятии. Т. А. Флоренская подчеркивала, что смысл равноправия собеседников у М. М. Бахтина заключен не в их фактическом равенстве. Идея полноправности чужих сознаний основана на том, что в каждом человеке, несмотря на его наличное состояние, есть та невидимая глубинная сущность, к-рую Бахтин, вслед за Достоевским, называет «человеком в человеке».

В трудах М. М. Бахтина раскрывается смысл и феноменология *диалога*, доказывається, что объективность диалогического познания зависит от установки познающего на «внеаходимость», к-рая дает беспристрастность, объективность восприятия и оценки другого: «Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения» (1979). Данные идеи совпадают с методологическими идеями Ухтомского, осознавшего ограниченность возможностей естеств. – науч. исследований.

• *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979; *Ухтомский А. А.* Доминанта. М., 1966; *Флоренская Т. А.* Проблемы диалога в свете идей М. М. Бахтина и А. А. Ухтомского // *Общение и развитие психики*. М., 1986; *Она же.* Диалог в практической психологии. М., 1991.

М. Ю. Колпакова

Диалог как духовное общение: концепция Т. А. Флоренской. В основе концепции Т. А. Флоренской традиции: религиозная, философская, психологическая. В русской философии и психологии (М. М. Бахтин, П. Флоренский, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. С. Аверинцев, Е. Н. Трубецкой, А. А. Ухтомский) и зарубежной (М. Бубер, М. Фридман) *диалог* понимается как установление внутр. связи, единения; не любой обмен высказываниями является диалогом. Диалог предполагает совместность, общность, единство, полифоническое согласие самостоятельных и неслиянных голосов. Т. А. Флоренская подчеркивала, что идея всеобщности имплицитно содержится в самом предмете исследования М. М. Бахтина – эстетическом творчестве и восприятии: сознание, говоря его словами, должно быть «соборно», быть собранным, соединенным сознанием многих индивидуальностей. В таком понимании «полифонизм» означает единство множества сознаний; без этого имплицитного постулата единства было бы трудно понять, каким образом возможно О. «внеаходящихся» собеседников: если их обособленность изначальна, взаимопонимание принципиально невозможно.

Существенная характеристика диалога (как межличностного, так и внутриличностного), по мысли Флоренской, – обращенность к духовному началу в человеке, к его духовному Я. Именно благодаря духовной общности, сопричастности к духовной сокровенной сущно-

сти, присущей каждому и объединяющей всех, возможен диалог, как событие «со-бытия», – без этого возможен только обмен репликами, информацией, разноголосица внутр. голосов. Человек – существо, обладающее не только наличным Я, актуализированным в повседневном самосознании и детерминированным объективными обстоятельствами, но и потенциальным духовным Я, к-рое не подчинено давлению обстоятельств и, будучи вытесненным из сознания человека, обнаруживает свое существование в голосе совести. Внутр. диалог наличного и духовного Я человека, послушание духовному позволяет человеку быть, осуществлять свободу воли, преодолевать рамки негативной причинно-следственной детерминации. В данном контексте понятие диалога выступает не только как «разговор двоих», но как способ открытия, обнаружения внутр. жизни человека, как помощь и посредничество психолога во внутр. диалоге наличного и духовного Я человека, решающего трудные, в основе – духовно-нравственные проблемы своей жизни. Традиционные методы исследования не совсем адекватны для обнаружения и понимания тех ситуаций и явлений, в к-рых человек проявляет или может проявить себя как активное существо, наделенное свободой воли. По словам М. М. Бахтина, становление бытия – свободное становление. Этой свободе можно приобщиться, но связать ее актом познания (вещного) нельзя.

Сравнительное рассмотрение науч. и филос. идей М. М. Бахтина и А. А. Ухтомского, которые писали об особом характере науки о человеке, позволило Флоренской разработать теоретико-методологические основы диалогического О. Уникальность каждого человека развивается и познается в О. особого рода: по Бахтину – через «диалог», принцип к-рого выражен в понятии «внезаходимости», по Ухтомскому – через «доминанту на собеседнике». Т. А. Флоренская отмечает, что оба автора подразумевают необходимость «децентрации» (говоря языком совр. психологии): ведь без нее невозможны ни «доминанта на собеседнике», ни «напряженная и любящая внезаходимость». Эти 2 понятия – координаты диалога, они перекрещиваются. При внеш. противоположности они говорят об одном и том же: для того чтобы видеть другого, себя надо устранить, преодолеть свою пристрастность. Оба эти понятия предполагают вечное, духовное начало в человеке и не могут быть поняты, оставаясь в плоскости лишь временного, наличного проявления личности; без духовной перспективы сама идея диалога выхолащивается и теряет смысл (Флоренская, 1991).

• *Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. М., 1991, 2001; *Она же.* Диалог как метод психологии консультирования. (Духовно ориентированный подход) // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 5; *Она же.* Мир дома твоего. М., 1998; *Она же.* Проблема психологии катарсиса как преобразования личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979; *Она же.* Слово и молчание в диалоге // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1996, № 1 (14).

М. Ю. Колпакова

Диалогическое общение: концептуальный анализ. Диалогическое общение (Д. о.) – сложный психол. феномен, науч. подход к к-рому возможен с разных методологических позиций. Концептуальный анализ Д. о. важно проводить с учетом его уровней: лингвистического, коммуникативно-психол. и интерсубъектно-онтологического. В лингвистическом плане *диалог* – это форма речевой деятельности, т. е. диалогическая речь, сущность и содержание к-рой принципиально отличается от особенностей монологической речи. Диалог – последовательность перемежающихся форм взаимодействия, осуществляющихся посредством сравнительно быстрой смены акций и реакций взаимодействующих индивидов (Л. П. Якубинский). Между «классическим диалогом» и разговором помещается беседа, для к-рой характерны более медленный темп, большее количество сообщений и большая выстроенность, обдумываемость речи.

Диалогические особенности О. рассматриваются и в социальной психологии при характеристике процесса О. как коммуникации. Так, Г. М. Андреева характеризует понятия диалога и диалогической речи как синонимы и определяет их как последовательность действий говорящего и слушающего (коммуникатора и реципиента) в процессе передачи и восприятия сообщения. Она предлагает графическую схему «движения» диалога, к-рая основана на спирально-циклическом представлении о человеческой коммуникации и раскрывает «механизм» ее обогащения и развития. Такое понимание Д. о. раскрывает коммуникативно-лингвистическую сторону данного явления. Исследуя психол. проблемы диалога в связи с изучением мышления, Г. М. Кучинский выделяет внеш. и внутр. диалог, а Д. о. рассматривает как феномен внеш. диалога. Рассматривалось многообразие форм речевого О. человека с самим собой, соответствующего формам речевого межличностного О. Внутр. диалог при этом определялся как одна из форм О. человека с самим собой, существующая в неразрывной связи с др. формами аутокоммуникации. Методологической основой такого понимания Д. о. является логика лингвистического подхода и коммуникативно-лингвистического анализа Д. о. Однако сущность диалога заключается не во внеш. характеристиках О. (темпоритмических и структурно-речевых), а в онтологических особенностях подлинной обращенности человека к др. человеку и в принятии человека человеком.

Коммуникативно-психол. подход к Д. о. ставит в центр внимания изучение субъектно-психол. особенностей и закономерностей Д. о., а также исходит из лингвистико-диадического представления о диалоге. Вследствие этого он может быть назван субъектно-диадическим подходом. В сравнении с науч. – лингвист. подходом коммуникативно-психол. (субъектно-диадический) подход значительно обогащает понимание сущности и содержания Д. о., включая представление об *обратной связи*, суть к-рой в том, что человек опр. образом отвечает на сообщения другого. Обратная связь разнообразна и по своему содержанию, но не является единственной функцией диалога. Понятие «паритетного» диалога выдвинул Ю. Н. Емельянов и определил его как разговор равных. Он рассматривает диалог в контексте коммуникативной (социально-психол.) компетентности, под к-рой понимается уровень обученности индивида успешному взаимодействию с окружающими людьми в конкретных социальных условиях. Осн. источники приобретения человеком коммуникативной компетентности – жизненный опыт, искусство, общая эрудиция, специальные науч. методы и особенно опыт межличностного О.

К числу коммуникативно-психол. представлений о Д. о. можно также отнести типологию направленности личности в О. С. Л. Братченко. В этой типологии выдвигается представление о направленности личности в О. как индивидуальной «коммуникативной парадигме», включающей представления о смысле О., его средствах, желательных и допустимых способах поведения в О. и т. д. При разработке теорет. концепции направленности личности в О. исследователь опирался на диалогические воззрения М. М. Бахтина, М. Бубера, А. У. Хараша и др. и выделил 6 осн. ее видов: диалогическая, альтруистическая, авторитарная, манипулятивная, конформная и индифферентная. Среди 6 видов направленности лишь одна – непосредственно диалогическая, а остальные являются монологическими формами направленности личности в О. Диалогическая направленность заключается в ориентации на равноправное О., основанное на взаимном уважении и доверии.

Г. А. Ковалев и В. А. Кан-Калик в работе, посвященной анализу О. как предмета теорет. и прикладного исследования, разработали общую типологию, выделив 8 типов О.: диалогический, доверительный, рефлексивный, альтруистический, манипулятивный, псевдодиалогический, конформный, монологический. Каждый из 8 типов интегрирует в себе возможные соотношения 3 осн. параметров функц. структуры О.: отражения, отношения и обращения. Д. о. является сложным (по отражению), личностным (по отношению) и открытым (по способу обращения). Диалогический тип О. является высшим уровнем, к-рый оптимален с т. зр. ком-

муникации и обладает максимальным развивающим, воспитывающим и творческим потенциалом. Концепция типов О. Г. А. Ковалева, В. А. Кан-Калика имеет существенное методологическое и эвристическое значение, поскольку она указывает на возможность интерпретации 8 выделенных типов О. в соответствии с представлениями об объектном, субъектном и интерсубъектном уровнях анализа О. С позиций Т. А. Флоренской, центральным положением диалогического постижения человеческого бытия является понимание диалога как духовно-развивающего О.

• Дьяконов Г. В. Основы диалогического подхода в психологической науке и практике. Кировоград, 2008; Емельянов Ю. Н. Обучение паритетному диалогу. Л., 1991; Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. Минск, 1988; Машибиц Е. И., Андриевская В. В., Комиссарова Е. Ю. Диалог в обучающей системе. Киев, 1989; Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: наука о душе. М., 2001; Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

Г. В. Дьяконов

Дискурс: исследования в Институте психологии РАН. Выделяется 2 осн. направления исследований: а) организация Д. и дискурсивные процессы, б) Д. и социум. В рамках этих направлений проводится: 1) Изучение интенциональных оснований Д.: с какими интенциями вступают в О. его участники, какими средствами они пользуются, реализуя свои устремления. Это важно для выяснения целей коммуникации и ее результата. Разработанный метод интен-анализа позволяет выявлять интенциональные характеристики Д. в разл. ситуациях и социокультурных контекстах. 2) Формирование представления об интенциональном пространстве Д. – совокупности иерархически организованных интенций и интенциональных структур, свойственных опр. сфере коммуникации и во многом определяющих выбор средств выражения, приемы воздействия, круг обсуждаемых тем. Интенциональное пространство составляет психол. основу Д. и обуславливает его специфику в разных социальных контекстах. В цикле проведенных эмпирических исследований реконструируется интенциональное пространство семейно-бытового, политического, педагогического, консультационного Д. (Н. Д. Павлова, А. А. Григорьева, И. А. Зачесова, Т. А. Кубрак, Л. А. Шустова и др.). 3) Исследование процесса речевого взаимодействия в диалоге (И. А. Зачесова, Н. Д. Павлова) показывает, что реплики партнеров интенционально взаимообусловлены. Случаи интенционального рассогласования реплик указывают на неверное или искаженное понимание интенций партнера, что может быть вызвано объективными факторами ситуации и «некооперативными» установками партнеров. Интен-анализ интеракции обнаруживает движущие силы разговора – актуальные смыслы, к-рые переживаются собеседниками и направляют их действия в ходе О. 4) Анализ факторов, влияющих на понимание интенционального подтекста высказываний: способ речевого выражения интенций, их частотность в Д. и др. (Н. Д. Павлова, Е. А. Пескова); влияние на интенциональную структуру диалога взаимоотношений собеседников (И. А. Зачесова, Т. А. Гребенщикова). 5) Роль и особенности проявления самопрезентации в разл. контекстах – науч., повседневно-бытовом, полит., консультационном (Т. А. Кубрак). 6) Изучение проявления в Д. актуальных психич. состояний и личностных особенностей субъекта. Предложена психол. теория значения, раскрывающая принципы и механизмы, обеспечивающие соответствие между осознаваемыми человеком реалиями и значениями языковых и невербальных средств, используемых для их выражения (Н. А. Алмаев). 7) Расширено представление о структуре способностей, включенных в дискурсивную практику (А. Н. Воронин). Ее успешность во многом определяется особым видом языковых способностей – дискурсивными, к-рые позволяют человеку инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс О., используя языковые средства, соответствующие ситуации. Для диагностики дискурсивных и лингвистических способностей разработаны тесты. 8) В исследованиях темы «Д. и социум». Д. выступает

конституирующим элементом культуры, социальных отношений и представлений. Функционируя в опр. социальном пространстве, он отражает особенности разных сфер жизни, социальные процессы, происходящие в обществе. 9) Реконструируется картина мира, задаваемая в Д. средствами метафоры (К. И. Алексеев). Раскрывается динамика метафорических моделей действительности в полит. Д., особенности картины мира в Д. религиозных объединений. 10) Исследуется Д. массовой коммуникации, воздействие транслируемых СМИ представлений и оценок на аудиторию (В. В. Латынов). С использованием авторской методики экспликации ментальных карт выявлены закономерности, касающиеся масс-медийного портрета разл. социальных групп. Начато изучение влияния освещения фактов и событий в СМИ на процесс принятия субъектом ответственных решений. Описаны децептивные (связанные с преднамеренным сокрытием или искажением информации) приемы воздействия, закономерности и детерминанты их использования (макиавеллизм, атмосфера конкуренции и др.). 11) Ведется изучение аргументации в системе договорных отношениях (В. А. Цепцов). Разработана психол. модель аргументации, выявлена роль разл. аргументативных и контраргументативных стратегий при ведении переговоров в институциональном контексте и обыденной жизни. Компаративное изучение аргументации и повествования в письменной речи обнаруживает влияние жанровых особенностей Д. на процессы планирования и написания документов. 12) Начато изучение Д. и психосоциальных параметров коллективных субъектов сообществ глобализации. Изучаются специфические способности участников этих сообществ, структура и процесс индоктринации (В. Н. Воронин, С. Д. Бирюков, Н. Б. Горюнова).

• Павлова Н. Д. Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 2; Проблемы психологии дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2005; Психологические исследования дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой. М., 2002; Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2007; Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000.

Н. Д. Павлова

Единство мышления и речи, общения и познания. При изучении процессов О. многие его составляющие и компоненты, как правило, выступают рядоположно с мн. др. психич. процессами. Однако в широком теорет. контексте возможно рационально вписать процессы О. в целостную функц. систему психики как одну из ее необходимых подсистем наряду с др. осн. подсистемами. В работах Н. И. Чуприковой развивается идея, что целостная функц. система психики может быть теоретически выстроена, если взять за основу сложившееся в отеч. психологии понимание психики как отражения действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности и ответить на вопрос: что должно быть отражено в психике, что должно быть представлено в ней, чтобы поведение было адекватно внеш. и внутр. условиям, а деятельность успешной?

Для успешности поведения и деятельности в психике должны быть представлены: 1) отраженная наличная предметная действительность, существующая в данном пространстве в данный момент времени; 2) события, могущие иметь место в будущем и имеющие место в пространстве за пределами его непосредственной данности. 1) и 2) – это познавательные процессы, к-рые образуют когнитивную подсистему психики, включающую ощущение и восприятие, опережающее отражение действительности (в форме разного рода антиципаций и экстраполяций), воображение, мышление. 3). Должны быть отражены нужды собственного организма и личности (это потребностно-мотивационная подсистема психики). 4) В прямой чувственной форме должно быть отражено значение для организма и личности (положительное и отрицательное) тех или иных внеш. факторов, собственных внутр. состояний, а также результатов взаимодействия организма и личности со средой – природной и социальной (это эмоции и

чувства, образующие эмоциональную подсистему психики). 5) Надо учитывать весь прошлый опыт отражения и регуляции поведения (подсистема памяти).

Также для успешности в психике человека должны быть представлены и сведения о том, как отражена действительность в психике др. людей: что они ощущают и воспринимают в данный момент, что они знают и понимают, о чем думают, что и как предвидят, что чувствуют и помнят, каковы их потребности. Без постоянного учета этих сведений адекватное внеш. условиям поведение и успешная деятельность невозможны. Вместе с тем каждый человек, если он хочет, чтобы поведение и деятельность др. людей были как-то согласованы с его собственным видением мира, собственными чувствами и потребностями, должен передавать им данные содержания своей психики. Это 6-я подсистема психики – подсистема передачи сведений о содержании и состояниях своей психики др. людям и приема соответствующих сведений с их стороны – это коммуникативная подсистема или подсистема О. Она включает в себя все вербально-речевые процессы и процессы невербальной коммуникации. Благодаря ей каждому человеку становятся в большей или меньшей степени доступными результаты отражательной психич. деятельности др. людей.

С теорет. т. зр., человек должен иметь сведения о содержании всех подсистем психики др. людей, а также сообщать им о содержании и состояниях всех без исключения собственных психол. подсистем. Т. о., удается рационально теоретически непротиворечиво встроить коммуникативные процессы О., включая весь необходимый для этого инструментарий (невербальные средства, словесные и мн. др. искусств. знаки), в общую целостную функц. систему психич. отражения и регуляции поведения и деятельности. Как и все др. подсистемы, коммуникативная подсистема О. коренится в самих истоках жизни. Поскольку жизнь отдельных особей, как правило, протекает в составе более или менее крупных популяций, обмен информацией между особями об их внутр. состояниях и о результатах встреч со средой – необходимое условие жизни популяции и каждой отдельной особи. Такой обмен информацией существует уже у простейших, не говоря уже о насекомых, птицах, приматах. При этом чем сложнее становится психика и поведение, тем более сложные формы приобретают коммуникативные процессы и их средства.

Для завершенности к уже упомянутым 6 подсистемам функц. системы психики надо добавить еще 2 подсистемы, содержание к-рых также должно становиться предметом коммуникации: это 7-я, центральная, интеграционно-волевая подсистема, где интегрируются сведения, поступающие из всех 6 подсистем, где происходит синтез этих сведений, идут процессы принятия решений, происходит выработка целей и программ поведения; и 8-я, активационно-энергетическая подсистема, к-рая обеспечивает необходимый энергетико-активационный уровень работы всех др. подсистем, включая интеграционно-волевою. При этом важно учесть, что чем с более трудными задачами и ситуациями сталкивается человек, чем больше требований предъявляется к целостной функц. системе его психики, тем в большей степени (не обязательно линейно и, конечно, до опр. индивидуально обусловленного предела) включается ее активационно-энергетическая подсистема. Конкретное изучение процессов О. в составе конкретных целостных функц. систем психич. регуляции поведения и деятельности могут составить задачу будущих исследований.

• Чуприкова Н. И. Теория отражения, психическая реальность и психол. наука // Методология и история психол. 2006. Т. I; Она же. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопр. психологии. 2007. № 3; Она же. На пути к формированию единой теории психических процессов и личности // Теоретическое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов / Под ред. М. А. Холодной и М. В. Осориной. СПб., 2008.

Н. И. Чуприкова

Исследование педагогического воздействия: направление С. В. Кондратьевой.

Характер пед. *воздействия* оказывает существенное влияние на развитие личности учащегося. Как отмечает *С. В. Кондратьева* в монографии «Профессионализм в педагогическом общении» (2003), пед. воздействие, складывающееся в процессе взаимодействия с формирующейся личностью и регулируемое психическим образом, является сложным структурным целым, включающим интеллектуальные и эмоционально-волевые компоненты. Выдвижение какого-либо из этих компонентов на первый план зависит от учебно-воспитательной ситуации и индивидуальности учителя. Выявлено, что главная особенность *О.* учителей-мастеров – основанное на знании и понимании личности детей умение предвидеть результаты своих воспитательных *воздействий* и в связи с этим определять стратегию и тактику в *О.* с классом в целом, отдельными учащимися и их группами.

Отражение личности учащегося учителем-мастером осуществляется в 2 планах: 1-й – прием оперативно-текущей информации – обуславливает применение тактических (оперативных) воздействий при решении отдельных учебно-воспитательных задач. 2-й – отражение устойчивых качеств личности, ее непреходящих состояний – определяет стратегию пед. воздействия, к-рому подчинены все тактические приемы, обусловленные первым планом отражения. Определены доминирующие пед. воздействия по отношению к учащимся разл. успешности в обучении; создана специальная программа наблюдения поведенческих аспектов непосредственного *О.* учителя с учащимися на уроках (*С В. Кондратьева, Фландерсова, Л. М. Путято*). Анализ непосредственного *О.* учителя с учащимися разной успешности в обучении позволил выявить след. тенденции: с понижением успеваемости уменьшается частота пед. воздействий в целом и прежде всего позитивных и организующих, уменьшаются частота постановки вопросов учителем учащимся, количество случаев обращения к ученикам по имени. С понижением успеваемости у учителя уменьшается проявление интереса к вопросам учеников, уменьшается количество реакций на ответы слабых учащихся, проявления качественного анализа ответов слабых учащихся. Т. о., выявлена наиболее выраженная пассивность учителей в *О.* со слабыми по успеваемости учащимися; наиболее оптимальным является *О.* со средними по успеваемости учениками. Исследования эффективности пед. воздействия подтвердили, что характер реакции ученика можно объяснить влиянием «внутр. условий» воздействия. Игнорирование учителем изменений в психич. развитии ребенка, тех «внутр. условий», от к-рых зависит характер взаимодействия педагога и ученика, приводят к взаимному непониманию, отчуждению и конфликтным ситуациям.

• *Вербова К. В., Кондратьева С В.* Психология труда и личности учителя: учеб. пособие. Гродно, 1991; *Кондратьева С В., Ковалевский П. А., Ковалев Б. П., Даукиа Л. М.* Профессионализм в педагогическом общении: монография / Под ред. С. В. Кондратьевой. Гродно, 2003; *Путято Л. М.* Педагогическое общение учителя с учениками различной успешности в обучении. Минск, 1999.

Л. М. Даукиа

Исследование экспрессии человека в общении: социально-психологическая концепция В. А. Лабунской. Данное науч. направление социальной психологии *О.* начало разрабатываться с 1970-х гг. в рамках *школы А. А. Бодалева*. Первые работы касались проблемы условий и факторов успешного опознания выразительных компонентов состояний человека. К концу 1980-х гг. было очерчено предметное поле новой отрасли психол. науки – психологии невербального *О.* (*В. А. Лабунская*). Методологией исследований является интеграция идей психологии социального познания, социального конструкционизма, семиологии и личностно-динамич., структурно-функц. подходов к невербальному выражению, экспрессивному поведению личности. В процессе развития направления были предложены трактовки взаимосвязей между внутр. миром личности и его внеш. выражением с помощью экспрессив-

ных средств. Принципиальной является позиция о специфичности «экспрессивных кодов», о неразрывности процессов кодирования и интерпретации экспрессивного поведения. В рамках направления невербальное выражение личности трактуется как внеш. невербальный образ Я личности, репрезентирующий осознаваемые и неосознаваемые ею устойчивые и ситуативные характеристики, степень проявления к-рых всегда опосредована множественностью социальных контекстов. В настоящее время определено феноменологическое поле психологии экспрессивного поведения. Разработан теорет. конструкт «внеш. Я личности»; найдены осн. параметры экспрессии как специфического кода; обоснованы подходы к обучению интерпретации экспрессивного поведения в О.; созданы оригинальные программы развития личности как субъекта невербального О., разработаны методы диагностики экспрессии человека и особенностей ее интерпретации.

На основе исследований Е. Д. Бреус, В. Д. Воронцова, Е. В. Белугиной, Т. А. Шкурко, Г. В. Серикова и др. сформулированы теоретико-методологические принципы изучения экспрессивного поведения личности; создана структурно-функц. модель невербального О.; выявлены осн. характеристики интерпретации невербального экспрессивного поведения личности; разработаны теоретико-эмпирические подходы к решению проблемы конструирования и преобразования внеш. облика личности на разл. этапах жизненного пути; предложена теорет. схема анализа ряда социально-психол. свойств личности и их презентаций в межличностном О.; на основе личностно-ситуативного подхода уточнены осн. положения концепции затрудненного О. и выявлены культурно-психол. детерминанты формирования представлений о трудном партнере О., описаны паттерны невербального поведения субъектов затрудненного и незатрудненного О. В настоящее время в рамках направления «Социально-психол. исследования экспрессии человека и О.» осуществляется разработка след. тем: невербальная репрезентация гендерно-стратификационных характеристик личности, *невербальная интеракция* и отношения, влияние внеш. облика на оценку эффективности профессиональной деятельности, экспрессивные компоненты *затрудненного О.*, гендерные и личностные детерминанты интерпретации внеш. атрибутов личности, отношение к внеш. облику в контексте бытия человека, кодирование и интерпретация экспрессии в О., невербальные паттерны поведения действующих политиков и отношение к ним электората, межкультурные различия в распознавании экспрессии, внеш. облик в конструировании представлений «свой-чужой», «друг-враг».

• *Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. 1999; *Она же.* Осознаваемые и неосознаваемые компоненты невербального выражения личности: проблема кодирования и интерпретации. Самара, 2007; *Она же.* Психология невербального выражения личности. Ростов-н/Д, 2008; *Лабунская В. А., Наровской Я. Б.* Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. 2006. № 4; Эмоциональные и познавательные характеристики общения. Ростов-н/Д, 1990.

В. А. Лабунская

Когнитивного диссонанса теория (*лат.* *cognitio* – познание и *dissonans* – нестройно звучащий) – одна из «теорий соответствия» зап. социальной психологии, выдвинутая учеником К. Левина – Л. Фестингером (1957), к-рая объясняет влияние на человеческое О. и поведение системы когнитивных элементов (противоречивых знаний, убеждений, верований, поведенческих установок, намерений и т. д.), что в итоге вызывает потребность в самооправдании. Более чем полувековое исследование показало, что когнитивный диссонанс (К. д.) – важнейший мотивирующий фактор человеческого мышления и поведения. Первоначально Фестингер определил К. д. как несоответствие между 2 когнитивными элементами – мыслями, опытом, информацией и т. д., – при к-ром отрицание одного элемента вытекает из существования другого, в результате чего получившееся несоответствие ощущается как дискомфорт. Иначе

говоря, чувство дискомфорта возникает при столкновении в сознании логически противоречивых знаний об одном и том же явлении, событии, объекте. Исследуя далее проявления К. д., Фестингер экспериментально доказал, что не любые 2 противоречивых знания могут стать причиной К. д. Чаще всего это бывает в случаях, когда человек совершает нелепые, глупые или безнравственные поступки с т. зр. его собственных представлений о стандартах здравого смысла, ума и морали. Возникший К. д. мотивирует человека избавиться от ощущений дискомфорта и сохранить привычную позитивную концепцию Я. В этой связи Л. Фестингер формулирует 2 осн. гипотезы своей теории: 1) в случае возникновения диссонанса человек будет всеми силами стремиться снизить степень несоответствия между 2 своими установками, пытаясь достичь консонанса (соответствия), что позволяет снизить «психол. дискомфорт»; 2) стремясь снизить возникший дискомфорт, человек будет стараться обходить стороной такие ситуации, в к-рых этот дискомфорт может усилиться.

К. д. может появиться по разл. причинам: из-за логического несоответствия; в связи с неразделяемыми культурными обычаями; из-за несоответствия прошлого опыта настоящей ситуации и т. д. Для преодоления К. д. обычно используются 3 осн. способа: 1) человек может изменить свое поведение и привести его в соответствие с тем знанием, к-рое вызвало диссонанс; 2) оправдать собственный поступок, изменяя одно из знаний, вызвавших К. д.; 3) оправдать свое поведение, добавив новое знание. Чтобы избежать диссонанса, люди обращаются к разл. рационализирующим объяснениям. К. д. может возникнуть (и возникает) в любой ситуации, когда человеку предстоит сделать выбор. Исследования диссонанса как некомфортного состояния, от к-рого индивид стремится избавиться, показали, что диссонанс всегда сопровождается физиол. возбуждением, что может проявляться в форме как позитивных, так и негативных эмоций.

Теория К. д. получила развитие в новых направлениях исследований: А) Теория сохранения самооценки – каждый человек стремится сохранить самоуважение. Диссонанс возникает в межличностных взаимоотношениях, когда, напр., кто-то из коллег превосходит нас в выполнении задания, непосредственно связанного с нашим самоопределением. Можно ослабить диссонанс, усовершенствовав свое мастерство, сорвав планы «обидчика», или принизить значение задачи. Б) Теория самоутверждения – исследует, способы избегания угрозы для самоуважения и пути самоутверждения. В) Теория самопроверки предполагает, что потребность укрепить самоуважение иногда противоречит потребности самопроверки. Но склонность к самооправданию может привести в ловушку рационализации, подготавливая почву для глупых и аморальных поступков. По теории самоутверждения, избежать этой ловушки помогает напоминание себе о своей порядочности.

• *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 2005; *Дерябин А. А.* Я-концепция и теория когнитивного диссонанса: обзор зарубеж. литературы, 1995; *Майерс Д.* Социальная психология. Пер. с англ., 2006; *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. Пер. с англ., М., 1999.

Л. А. Карпенко

Контакт психологический: концепция Л. Б. Филонова. Концепция психол. контакта исходит из представлений о взаимном дополнении участников О., направленного на достижения согласия. Ее название «Концепция комплементарной природы контакта» (*Л. Б. Филонов*). В ней показано, что если имеется обоюдное стремление 2 людей к сближению, у них возникают тенденции «делать все для другого». Каждый участник, стремящийся путем О. с другими сделать что-то общее для двоих, заботится о создании «общего фонда», к-рый включает все лучшее, что может внести каждый (качества, установки, позиции, принципы, мотивы). На протяжении всего периода сближения возникают действующие способы реализации замыслов. Прежде всего – оповещение о предлагаемом конструкте, затем – удостоверение

о принятом и одобренном сигнале (принцип приемлемости). Обогащение сторон происходит потому, что каждый участник предлагает «свое лучшее» применительно к тому, что требуется другому для улучшения его конструкции (принцип аристократизма). В концепцию входят также представления о специфической последовательности изменений в состояниях участников контакта. Изменения связаны с последовательным открыванием партнером 6 специфических сфер, образованных в связи с сопротивлениями, к-рые предлагаются в обыденной жизни, когда сближение навязывается в обществе. Такие сближения могут быть опасными для индивидуума в связи с возможными манипуляциями. Установлено, что каждый индивидуум защищается от проникновения в каждую из 6 защищаемых им сфер. 1-я сфера связана с опасением получения от самого индивида оперативной информации. 2-я – блокирует возможную эмоциональную синтонность, к-рая грозит непредвиденными воздействиями на неосознаваемом уровне. 3-я – вызывает тревогу из-за возможного непонимания тенденции личности в самореализации и самопрезентации. 4-я – связана с возникшей тревогой по поводу обнаружения ранее скрываемых очагов аффекта. 5-я – связана с самим воздействием. Индивидуум защищает эту сферу по причине возможного неадекватного воздействия. Проникновение в 6-ю сферу предпринимается в связи с тревогой потери индивидуальности. Это обыденные блокады, существующие в социуме. Концепция предусматривает специальную организацию воздействий, к-рые могут обеспечить возникновение контакта у индивидуума, первоначально не склонного к сближению. Специально предлагаются средства, способы и приемы (Филонов, 1982). Предусмотренные специальной методикой организованные в последовательную линию способы воздействия, адекватны сферам, к-рые открываются в последовательности. Опыт показывает, что при всех условиях осн. принцип дополнения (комплементарности) сохраняется.

• *Филонов Л. Б.* Психологические способы установления контактов между людьми: Методика контактного взаимодействия. М., 1982; *Он же.* Тренинг делового общения сотрудников органов внутренних дел с различными категориями граждан. М., 1992; *Он же.* Контактология как основа общения в будущем // *Общение – 2006: на пути к энциклопедическому знанию.* Мат-лы Межд. конф. М., 2006.

Л. Б. Филонов

Нарушенного речевого общения восстановление. Направление Ю. Б. Некрасовой. Речевое О. одна из осн. сфер жизнедеятельности человека, и нарушения в этой области влекут за собой тяжелые личностные расстройства. В конце 1960-х гг. для лечения подростков и взрослых (14–40 лет), страдающих тяжелой формой логоневроза в форме заикания, *Ю. Б. Некрасова* на основе метода эмоционально-стрессовой терапии К. М. Дубровского создала метод групповой логопсихотерапии – разновидность психотерапии, направленной на восстановление нарушенного речевого О. Суть данного метода лечения состоит в вызывании, усилении и закреплении состояния готовности к речи, а также обучении пациентов свободе смены психич. состояний, что способствует полноценному О. Были разработаны и обоснованы нетрадиционные методы и приемы творческой социореабилитации заикающихся подростков и взрослых (динамическая психотерапевтическая диагностика, библио-, символическая, кинезитерапия в индивидуальной и групповой формах и др.), а также проведен анализ психолого-педагогических основ процесса социореабилитации (1992). Позднее Н. Н. Скуратовская в диссертационной работе проанализировала роль состояний успеха в динамике социореабилитационного процесса (1993), Е. Ю. Рау исследовала особенности О. взрослых заикающихся (1995), Е. В. Татаринская – особенности эмоционального слепообразования (1986).

С конца 1980-х гг. *Н. Л. Карповой* в развитие метода Ю. Б. Некрасовой начата разработка системы групповой семейной логопсихотерапии, к-рая предусматривает активное включение в процесс «лечебного перевоспитания» на всех его этапах родителей и родственников пациентов (Карпова, 1990, 1998), Успешно проведенная уже в 30 комплексных группах

(Москва, Таганрог, Самара, Новосибирск, Владивосток) работа с заикающимися детьми, подростками и взрослыми (7–45 лет) и их родителями и родственниками подтвердила, что данная система социореабилитации не только способствует восстановлению нарушенного речевого О., но и обеспечивает коррекцию поддерживающих заикание семейных отношений. На мат-ле групп семейной логопсихотерапии выполнены диссертационные исследования: Ю. В. Александровой – «Самоотношение и отношение к Другому здоровой и невротической личности» (1999); Н. В. Волковой (Кисельниковой) – «Особенности проявления психологической неустойчивости личности при преодолении критических ситуаций» (2005); А. Ю. Кругликовой – «Психологические особенности личностного роста младших подростков в условиях разновозрастного коллектива» (2006); И. В. Янченко – «Формирование диалогического общения в психотерапевтическом процессе» (2006); А. А. Кисельниковым – «Психофизиологические и нейропсихологические механизмы заикания» (2007); А. Д. Яковистенко – «Динамика речевых и личностных характеристик в процессе восстановления нарушенного речевого общения» (2008).

• Библиопсихология и библиотерапия / Ред. Н. С. Лейтес, Н. Л. Карпова, О. Л. Кабачек. М., 2005; Карпова Н. Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии. 2-е изд. М., 2003; Некрасова Ю. Б. Лечение творчеством. М., 2006; Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании. Науч. – практ. конф. памяти Ю. Б. Некрасовой. М., ПИ РАО, 14 окт. 2004. М.-Самара, 2006.

Н. Л. Карпова

Нейролингвистика и общение. Нейролингвистика отрасль психол. науки, стоящая на границе психологии, неврологии и лингвистики и изучающая мозговые механизмы речевой деятельности и те изменения в речевых процессах, которые возникают при локальных поражениях мозга. Первые исследования в области нейролингвистики относятся ко 2-й пол. XIX – нач. XX в., когда на основе неврологических и патологоанатомических данных и лингвистического описания нарушений речи были созданы первые классификации афазий. Для этого периода развития науки характерны недооценка роли психологии в изучении речевых процессов, простое приурочивание речевых симптомов к мозговым структурам. Подлинное становление нейролингвистики связано с развитием нейропсихологии, с одн. стор., и функц. и порождающей лингвистики и психолингвистики – с др. В соответствии с представлениями, развиваемыми в нейропсихологии, нейролингвистика рассматривает речь как системную функцию, а афазия – как системное нарушение, которое складывается из первичного дефекта и вторичных нарушений, возникающих вследствие воздействия первичного дефекта, а также функц. перестроек деятельности мозга, направленных на компенсацию нарушенной функции. Этот подход был реализован в работах А. Р. Лурии и его учеников, объединивших системный анализ речевых нарушений с теорет. представлениями лингвистики и психолингвистики (напр., учением о фонеме Б. де Куртене, Н. Трубецкого и Л. В. Щербы и представлением о 2 видах связи языковых элементов Ф. де Соссюра, Р. О. Якобсона и др.).

Нейролингвистические исследования позволили разделить все афазические нарушения на 2 класса с учетом первичных факторов: расстройства парадигматических связей языковых элементов, возникающие при поражении задних отделов речевой зоны доминантного полушария (у правой) и характеризующиеся нарушением выбора языковых элементов, и расстройства синтагматических связей языковых элементов, возникающие при поражении передних отделов речевой коры и характеризующиеся дефектами комбинирования элементов в целостные структуры. В совр. нейролингвистике объект исследования расширился, в нее входят не только исследования патологии речи, но и исследования нормы и их проявлений в О. Это связано с расширением методов исследования: дихотического прослушивания, унилатерального предъявления зрительных стимулов, разработкой исследований речевых процессов в ходе их выполнения (онлайн-методы), что позволяет вести более детальный анализ особенностей рече-

вого общения. В совр. нейролингвистике выявляется 2 направления. Для первого – когнитивно-психологического – характерен анализ речевых нарушений без обращения к локализации поражения. Второй подход структурно-функциональный – близок взглядам А. Р. Лурии. Он получил широкое распространение в связи с появлением новых методов нейровизуализации.

- Ахутина Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.

Т. В. Ахутина

Нейропсихология общения новый раздел нейропсихологии, предметом к-рого является психол. специфика нарушений О., рассматриваемых под углом зрения их взаимосвязи с изменениями личности (Ж. М. Глозман). Взаимосвязь изменений личности и О. проявляется особенно ярко в феномене «порочного круга» при нарушениях речи, когда патологическая личностная реакция в виде «страха речи» препятствует актуализации даже имеющихся у больного возможностей О., а невозможность О. еще более усиливает «страх речи» и др. невротоподобные изменения личности. И наоборот, восстановление возможностей вербального и невербального О. способствует положительной личностной динамике, что отражается и на поведенческом уровне (уменьшается «страх речи», увеличивается общая и вербальная активность больного), и в сфере межличностной перцепции и межличностных отношений с окружающими.

Связь изменений личности и нарушений О. носит качественно разл. характер в зависимости от того, какое звено процесса О. (операциональное, мотивационное или звено контроля) нарушено. Нарушение каждого из этих звеньев приводит к специфическим изменениям личности больного, но при этом не остаются интактными и остальные звенья процесса О. Взаимосвязь всех звеньев О. является отражением системного строения сложных психол. процессов, обеспечиваемого совместной деятельностью разл. функц. блоков и отделов мозга, образующих сложную саморегулирующуюся систему (Лурия, 1973). Однако при патологии каждого звена процесс О. страдает целиком, во всех его аспектах, т. е. нарушается в той или иной степени и коммуникативная, и интерактивная, и перцептивная стороны О. Полученный мат-л показывает взаимосвязь и взаимообусловленность этих сторон О. С др. стор., эта взаимосвязь может быть использована в кач. опоры в процессе восстановления личности и О.: активно используя в терапевтической группе интерактивную и перцептивную стороны О., можно компенсировать коммуникативные дефекты, и наоборот.

Из анализа развития личности в онтогенезе известно, что развитие ребенка характеризуется чередованием преимущественного развития операциональных возможностей деятельности, в т. ч. коммуникации, и преимущественного развития мотивационно-потребностной сферы. Динамическое единство этих 2 сторон характеризует зрелую личность. Однако и у взрослого человека, как показал Б. С. Братусь (1980), может возникать несоответствие операциональных возможностей деятельности возросшим потребностям, ощущение собственной несостоятельности, противоречие между внеш. и внутр. требованиями человека к себе и окружающим к нему или противоречие между личностью и значимыми для нее сторонами действительности. Это несоответствие может быть 2 типов: 1) недостаточное развитие операциональных возможностей, приводящее к понижению самооценки (эта проблемная ситуация может быть разрешена в результате обучения или развития адекватных механизмов психол. защиты), и 2) отставание мотивационной стороны (экзистенциальный вакуум по В. Франклу), разрешаемое в процессе поиска и/или осознания субъективного смысла жизни. Как правило, в норме эти противоречия продуктивно разрешаются, достигается внутр. гармония, и проблемная ситуация является точкой роста личности. Непродуктивный и нерациональный пути решения проблемной ситуации («уходы в лакуны») приводят к возникновению разл. типов невротических защитных реакций вплоть до развернутой картины невроза или к уходу в

разл. рода фанатические хобби, религию, мистику и др. формы деятельности, не поддающиеся стандартным («хорошо – плохо») оценкам окружающих. При этих вариантах социальной дезадаптации, как правило, сужается и специфическим образом отбирается круг О., значимость к-рого неадекватно завышается, чтобы обеспечить удовлетворяющую субъекта самооценку. Негативистский тип разрешения проблемной ситуации (отказ от решения) обычно характеризует разл. аномалии личности и/или отклоняющееся поведение (алкоголизм, наркомания и пр.). Разновидностью негативистского типа разрешения проблемной ситуации можно считать случаи подмены объективных результатов реально осуществляемых действий субъективными эмоциональными ощущениями и состояниями с помощью, напр., алкоголя, т. е. иллюзорно-компенсаторной деятельности. С т. зр. проблемы взаимосвязи личности и О. важно подчеркнуть, что и в этом случае негативистского типа разрешения проблемной ситуации алкоголиками им необходимо О., ибо искомые субъективные состояния обычно не достигаются пьющим человеком в одиночку.

Во всех случаях невозможность самостоятельного разрешения противоречия между операциональной и мотивационной сторонами деятельности приводит к остановке в росте личности и к нарушению всей системы ее межличностных отношений и О. в целом. Для разрешения этих противоречий, как правило, недостаточно благоприятного изменения жизненных обстоятельств, но необходимо специальное психотерапевтическое воздействие по коррекции неадекватных способов психол. защиты и выработке продуктивных способов разрешения противоречий между операциональной и мотивационной сторонами деятельности. Нейропсихология О. позволяет исследовать разл. аспекты и формы нарушений О., опираясь на методологию системного подхода к строению и нарушению психич. функций с тем, чтобы: 1) выявить психол. специфику разл. по природе и феноменологии нарушений О., рассматриваемых под углом зрения их взаимосвязи и взаимообусловленности с изменениями личности, и 2) разработать эффективные методы их преодоления.

• *Глозман Ж. М.* Общение и здоровье личности. М., 2002; *Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 1997; *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973; *Братусь Б. С.* О движущих противоречиях развития личности / Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.

Ж. М. Глозман

Общение в многомерной концепции личности В. Ф. Моргуна. О. рассматривается как межличностное взаимодействие (субъект-субъектные отношения, или взаимоотношения), к-рые могут выступать либо как процесс О., либо как деятельность О. Это различие определяется местом О. в структуре жизнедеятельности личности. Если в данной системе содержанием (предметами) направленности личности является материальный или идеальный объект общего труда, способ или средство ее общего осуществления, то вплетенное в них О. выступает как процесс О. – важное условие реализации трудовых и игровых отношений (последние, как показали М. Мид, К. Станиславский, Дж. Морено, И. Хейзинга и др., свойственны не только детям, но и взрослым). Если же в системе жизнедеятельности содержанием направленности личности является человек, тогда, в строгом смысле, О. в м. к. л. выступает или как деятельность О. с др. человеком, к-рый выступает «субъектным предметом» восприятия и понимания (социальной перцепции, по А. А. Бодалеву), или как самодеятельность О. человека с самим собой или с др. человеком о самом себе.

Личность в многомерной концепции рассматривается как активно осваивающий и сознательно преобразующий природу, общество и собственную индивидуальность человек, к-рый имеет уникальное динамическое соотношение пространственно-временных ориентаций, потребностно-волевых переживаний, содержательных направленностей, уровней овладения опытом и форм реализации деятельности. Этим соотношением осуществляется свобода субъек-

ектного самоопределения личности в ее поступках и мера ответственности за их последствия (включая и подсознательно непредвиденные) перед природой, обществом и своей совестью. Графическую онтологизацию многомерной структуры личности (Л) образует пересечение (в «узле» – по А. Н. Леонтьеву или «хронотопе» – по М. М. Бахтину) 5 векторов-инвариантов: 1) пространственно-временных ориентаций (О) (на прошлое, настоящее, будущее); 2) потребностно-волевых эмоциональных (Э) переживаний (негативные, амбивалентные, позитивные); 3) содержательных направленностей (Н) личности (деловая, на О., игровая, самодеятельная – направленность на саму себя); 4) уровней (У) овладения опытом (обучение, воспроизведение, познание, творчество); 5) форм (Ф) реализации деятельности (моторно-двигательная, перцептивно-наглядная, речевая, умственная). Данная многомерная структура личности может быть представлена в виде символической формулы: $L = f(O \cdot \Delta \cdot H \cdot U \cdot F)$.

В контексте пространственно-временных ориентаций личности можно выделить О.: а) биографическое (когда интересует прошлое партнера); б) О. «здесь и теперь» (настоящее); в) О. относительно перспектив (будущее). Потребностно-волевые эмоциональные переживания в О. определяют отношения субъектов взаимодействия не просто как межличностное, а как эмоциональное отношение: позитивное – до прекрасного, возвышенного, любви; амбивалентное – от безразличия до трагического и комического; негативное – до безобразного и низменного. Инвариант уровней овладения опытом раскрывает О.: педагогическое (обучение), репродуктивное (воспроизведение), познавательное (учение, познание), креативное (творчество). Инвариант форм реализации деятельности предусматривает О.: интерактивное (напр., приветствие в тактильной форме – рукопожатие, объятия, поцелуй), перцептивное (приветствие на расстоянии – кивок головой, взмах руки), коммуникативно-речевое (словесное приветствие), воображаемое, «мнимый диалог» (приветствие в мысленной форме, когда любой контакт затруднен, опасен или невозможен).

• Мониристическая концепция многомерного развития личности / Сост. В. Ф. Моргун. Полтава, 1989; Мотивация разносторонней деятельности учащихся // Учителям и родителям о психологии подростка / Под ред. Г. Г. Аракелова. М., 1990; *Моргун В. Ф., Седых К. В.* Делинквентный подросток. Полтава, 1995.

В. Ф. Моргун

Общение в расширенной среде. Расширенной средой (Р. с.) называют пространства, в к-рых физич. объекты объединены в цифровую систему информации, опосредствующую их использование человеком. Такое «расширение» вызвано проникновением информационных и коммуникационных технологий в самые разнообразные сферы человеческой жизни. Эти технологии становятся естеств. элементом не только профессионального окружения людей, но и их повседневной деятельности. Наиболее важными составляющими Р. с. являются такие коммуникационные средства, как электронная почта, видеоконференция, вебсайт, мобильная телефония. Широкое распространение получила информатизация объектов быта. Разнообразные компоненты Р. с. являются важнейшим инструментом индустрии масс-медиа. Осн. назначение большинства устройств и систем, определяющих состав Р. с, связывается с коммуникативной функцией и обеспечением совместной деятельности людей. При этом наблюдается тенденция незаметного внедрения новых средств в процессы взаимодействия человека с объектами окружающего мира и с др. людьми. Тем самым технологически расширенное окружение человека все больше становится естеств. средой О. В условиях подобного «расширения» естеств. среды возникает задача изучения изменений, происходящих в характеристиках восприятия, О. и деятельности человека. Необходимость анализа этих изменений определяется также задачами прогнозирования эволюции Р. с. и оценки возможных социальных последствий ее распространения. Многочисл. примеры таких последствий опубликованы, в частности, в

работах, выполненных в рамках межд. программы «Когнитивные технологии» (Самойленко, Lahlou, Носуленко и др.).

В контексте работ по изучению познавательных процессов в О. Б. Ф. Ломова, к-рый особо подчеркивал, что в процессе О. осуществляется взаимный обмен деятельностью, их способами и результатами, представлениями, идеями, установками, интересами, чувствами и т. д., а результат О. – это не преобразованный предмет, а отношения с др. человеком, с др. людьми, – проводится анализ коммуникативных процессов в совместной деятельности в условиях технологического «расширения» естеств. среды. Исходным является утверждение Ломова о том, что при изучении совместной деятельности необходимо учитывать не только ее внешне наблюдаемый общий результат, но также субъективное представление этого результата совокупным субъектом. В совместной деятельности действия у участников регулируются образами не только используемых ими орудий, но и образами изменений, к-рые происходят с последними в результате совместной деятельности, а также образами самих действий, выполненных с этими объектами.

Специфика Р. с. коренным образом меняет отношения между находящимися во взаимодействии людьми и способом использования ими объектов окружения: 1) Целостные компоненты Р. с. оказываются распределенными в пространстве и во времени, – возникает ситуация, когда исчезает привычное представление об общем физич. пространстве. 2) Происходит «делокализация» компонентов совместной деятельности взаимодействующих в этой среде людей. Действия и операции производятся с распределенными в пространстве и во времени орудиями. Субъекты совместной деятельности также неоднозначно локализуемы в физич. пространстве и не всегда находятся в синхронном взаимодействии, но вместе они составляют «совокупный субъект» и объединены общей целью. 3) Непредсказуемость и спонтанность изменения параметров Р. с. Любая попытка зафиксировать эти параметры в эксперименте будет приводить к потере качественного своеобразия изучаемой ситуации, что затрудняет экспериментальные исследования в смысле определения зависимых и независимых переменных. 4) Возрастающая часть ресурсов цифровых систем направляется на обеспечение «интуитивного» взаимодействия с пользователем. Чем более совершенна система, тем она меньше заметна для использующих ее людей, что может сделать ее «невидимой» и для исследователя. Решение исследовательских вопросов связано с представлением о «воспринимаемом качестве» (Носуленко, 2006, 2007). Отправной точкой анализа в исследовательской парадигме является выделение значимых характеристик перцептивного образа: определив составляющие воспринимаемого качества, можно приступить к поиску соответствующих составляющих «объективного» мира. Содержание воспринимаемого качества детерминируется характером О., процессом обмена между людьми их образами и представлениями. Поэтому в воспринимаемом качестве отражаются как свойства объектов, на к-рые направлена деятельность нек-рого субъекта, так и свойства самого субъекта. В нем также заключены и характеристики деятельности, связанной с использованием воспринимаемых объектов, а также отношение субъекта к ней и к ее актуальным и ожидаемым результатам.

Главная сложность эмпирического исследования взаимодействия людей в условиях Р. с. заключается в том, что скорость развития информационных и коммуникационных технологий опережает привычный ритм человека. Поэтому последнему часто не представляется возможным осознать появление новых качеств Р. с. в рутине повседневной жизни. Как следствие, нек-рые новые характеристики среды остаются для индивида «невидимыми» и не имеют никакого «веса» в формируемом у него воспринимаемом качестве. Это может составить проблему, если с течением времени возникнет их реальное влияние на жизнь индивида, – напр., вредное воздействие излучения систем мобильной связи, случаи «незаметного» сбора персональных данных информационными системами, возможности несанкционированной идентификации личности или ее локализации в пространстве (Lahlou, 2008). Все это выводит на передний план

проблему частной жизни (privacy). Задача анализа такой «незаметности» приобретает высокую социальную значимость. Необходимо показать скрытый эффект новых составляющих Р. с. и своевременно помочь людям учитывать их присутствие. Поэтому важно, чтобы при минимизации исследуемых параметров и стремлении к эконом. целесообразности исследования не оказались скрытыми и от исследователя важные новые составляющие среды. Задача такой оценки потенциальных социальных последствий непредвиденных изменений в среде может быть решена только при условии объединения усилий психологов и специалистов в области новых технологий.

• *Лалу С, Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.* Средства общения в контексте индивидуальной и совместной деятельности // *Общение и познание*. М., 2007; *Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М., 2007; *Carroll J. M.* (Ed.). *Human-Computer Interaction in the New Millennium*. New York, 2002; *Lahlou S., Nosulenko V.* (Eds). *Technologies Cognitives. Informations sur les Sciences Sociales*. 2008. V. 47, № 3.

В. Н. Носуленко

Общение и деятельность: категориальный подход Б. Ф. Ломова. Деятельность рассматривалась *Б. Ф. Ломовым* как обществ. – истор. категория, фиксирующая активный (преобразующий) характер человеческого бытия: «Именно в процессе деятельности осуществляется субъективное отражение объекта (предмета деятельности), а вместе с тем превращение этого объекта в ее продукт соответственно субъективной цели» (1984). Первоначально психология изучает деятельность на уровне индивидуального бытия, как деятельность конкретного человека, реализующего ту или иную обществ. функцию. В деятельности же индивида психологию интересуют не ее содержание или структура (предмет, средства, условия, продукт) сами по себе, а субъективный план: формы, виды, уровни и динамика психич. отражения действительности. Именно в деятельности психическое раскрывается как развивающееся целое (система); сама же деятельность выступает в кач. ведущей детерминанты психич. процессов.

Один из самых запутанных и острых вопросов психологии – о соотношении отражения (психики) и деятельности – решался *Б. Ф. Ломовым* с позиции принципа единства «внешнего» и «внутреннего», сформулированного и обоснованного *С. Л. Рубинштейном* (1957). Вместе с тем, подчеркивал *Ломов*, под влиянием внешнего изменяется и внутреннее (1984). Представления о психол. строении индивидуальной деятельности были разработаны *Ломовым* на мат-ле исследований разл. видов операторского труда. По его мнению, механизм психич. регуляции деятельности – предмет ее собственно психол. изучения – представляет собой многоуровневую систему, компонентами, или составляющими, к-рой выступают: мотив, цель, концептуальная модель, план деятельности, действия, а также процессы переработки текущей информации, принятия решения, проверки результатов и коррекции действий. Но деятельность того или иного индивида не является самодостаточной. Это – компонент или составная часть совместной деятельности людей. Понять индивидуальную деятельность в целом – значит определить ее место в совместной деятельности и функцию данного индивида в группе. Совместная деятельность имеет те же психол. «составляющие», что и индивидуальная, но они распределены между членами группы и выступают как их специальные функции. Она характеризуется общностью цели, плана, принятия решения, оценки результата, предполагает общий фонд информации, к-рый формирует каждый из участников деятельности и к-рым он пользуется, т. е. ориентируется и регулируется посредством коллективных форм отражения. Соответственно образ действительности выступает здесь как социально-психол. феномен: «Психол. содержание совместной деятельности (особенно если она является подлинно коллективной) значительно богаче индивидуальной» (1984).

Категория *О.* также рассматривалась *Ломовым* как обществ. – истор., но раскрывающая иную, нежели категория деятельности, сторону социального бытия. *О.* – специфическая

форма взаимодействия человека с др. людьми, в ходе к-рого происходит взаимообмен действиями, информацией и состояниями. Результат О. – не изменение объекта, а установление и/или реализация конкретных отношений между людьми. Процесс О. имеет собственные функции, структуру и динамику. Ломов дифференцирует информационно-коммуникативную (передача – прием информации), регуляционно-коммуникативную (возможность регуляции поведения др. людей и «подстройки» к их воздействиям) и аффективно-коммуникативную (изменение эмоционального состояния коммуникантов) функции О. Оно рассматривается как сложно организованное подвижное целое (открытая система), по-разному раскрывающаяся на разл. уровнях анализа. Выделяются циклы и фазы развертывания этой системы. Подобно деятельности, О. выступает в роли основания психич. явлений, определяя развитие психич. процессов, формирование личности, овладение обществ. – истор. опытом. Психич. явления, в свою очередь, регулируют процесс О. и являются условием его развития; наиболее полно в О. реализуется коммуникативная функция психики.

Подчеркивая неразрывную связь О. и деятельности, Ломов возражал против их отождествления: «О. выступает не как система перемежающихся действий каждого из его участников, а как взаимодействие. „Разрезать“ его, отделив деятельность одного участника от деятельности другого, – значит отойти от анализа взаимного О.» (1984). Реальный процесс О. развертывается как бы в надиндивидуальном плане (хотя и через отдельных индивидов) и несет дополнительные по сравнению с индивидуальной деятельностью моменты: взаимоотношения мотивов, идей, программ участников О., сопряжение их действий, дифференцирование позиций и функций в сообществе и т. д. Поэтому и психол. составляющие деятельности и О. оказываются далеко не тождественными. Согласно Ломову, связь О. и деятельности носит динамический характер и в конкретных жизненных ситуациях принимает разл. формы. Наиболее полно она может быть выявлена в исследованиях совокупного субъекта деятельности.

• *Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение / Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; *Он же.* Категория общения и деятельности в психологии // *Вопр. философии.* 1979. № 8; *Он же.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

В. А. Барабанищikov

Общение и познавательные процессы. О. и познавательная деятельность являются важнейшими процессами в жизнедеятельности человека. Среди всех прочих объектов познания человек занимает особое место, поскольку сам является субъектом и личностью. Предметом познания выступают не физич. характеристики человека, а его субъектная и личностная сущность, онтологическая природа к-рой абсолютно непонятна и недоступна для естеств. – науч. анализа. Любые попытки представить человека как объект автоматически исключают возможность познания его как субъекта и как личность. Из этого следует, что познание человека человеком является психол. по содержанию. По своей сущности оно воссоздает не предметную, а субъективную и личностную реальность и подчинено не физич., а психол. законам. В этом заключается одна из осн. особенностей соответствующих познавательных процессов: восприятия, мышления, воображения и памяти.

Важную роль в процессах межличностного познания играют специфические приемы и механизмы, не характерные для познания предметного мира и даже неуместные там: *эмпатия, идентификация, рефлексия* и др. Уникальность каждого человека существенно ограничивает возможность использования в его познании стереотипных схем и алгоритмов, что типично для познания предметов: знания о др. людях постоянно устаревают и требуют обновления, поэтому процесс межличностного познания бесконечен. Генетические корни межличностного познания и его диалогичность обнаруживается с помощью анализа психол. понятий, напр., отзывчивость, внимательность, упрямство, бессердечность и т. п. Все они имплицитно несут

присутствие и участие другого как субъекта О. и познания: отзывчивый – по отношению к другому, внимательный – к другому и т. д.

Психич. процессы, принимающие участие в межличностном познании, имеют собственную динамику возрастного развития, отличную от динамики развития процессов предметного познания. Межличностное познание носит активный характер, оно всегда подчинено целям и задачам субъекта, к-рые заставляют его вступать в О. с тем или иным человеком. При этом своими реальными актами О. (содействиями) он актуализирует в партнере те стороны его внутр. психол. облика, к-рые имеют прямое отношение к достижению поставленной цели. Участвующие в познании др. человека психич. процессы характеризуются повышенной зависимостью от потребностно-мотивационной и эмоциональной сферы субъекта. Межличностное познание отличается также повышенным *эгоцентризмом*, к-рый выражается в склонности субъекта абсолютизировать собственное мнение о ком-либо и приписывать его другим. Объектом межличностного познания могут быть не только др. люди, но и сам субъект. Соответствующие психич. процессы представляются неотъемлемой частью самосознания и личности. Человек должен постоянно воспринимать, помнить, понимать, проектировать, контролировать и оценивать себя. Здесь обнаруживаются др. специфические приемы и механизмы межличностного познания, напр. интроспекция, защитные механизмы.

• *Андреева Г. М.* Психология социального познания. Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000; *Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982; *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. М., 1993; *Романов К. М.* Психологическая культура человека: теоретические основы и методика формирования. М., 2007.

К. М. Романов

Общение: исследование функциональных систем. Сформулированная П. К. Анохиным общая теория функц. систем (1968) – одно из направлений системного подхода к явлениям природы и общества (Л. фон Бергаланфи). Согласно теории функц. систем, процесс О. формируется системной архитектурой психич. деятельности, включающей такие узловые стадии, как афферентный синтез, принятие решения, предвидение потребных результатов – акцептор результатов действия, эфферентный синтез, поведение и постоянная оценка параметров достигаемых субъектами и акцептором результатов действия с помощью обратной афферентации. Главная роль в О. принадлежит ведущим компонентам афферентного синтеза – доминирующей мотивации и памяти. В функц. системах, определяющих О. людей, так же как и в др. функц. системах, имеется аппарат прогнозирования и контроля результатов их деятельности – акцептор результатов деятельности. Он постоянно оценивает результаты О. людей друг с другом, с правительственными, законодательными, полит., религиозн., образовательной и др. учреждениями, а также определяет целенаправленную деятельность собеседников и обогащается в процессе О. При групповом О. может наблюдаться мультипараметрическое взаимодействие, когда изменение параметров результатов деятельности одной группы людей перестраивает результативную деятельность др. групп.

• *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. 1968; *Судаков К. В.* Избр. тр. Т. 1. Развитие теории функциональных систем. М., 2007; *Ухтомский А. А.* Заслуженный собеседник. Этика, религия, наука. Рыбинск, 1997.

К. В. Судаков

Общение: концепция М. И. Лисиной. Опираясь на теорию Л. С. Выготского, *М. И. Лисина* открыла в отеч. психологии новый предмет – О. ребенка со взрослым – и разработала новый подход к его науч. исследованию, создав одно из ответвлений культурно-исторической теории. В конце 1960-х – нач. 1970-х гг. под ее руководством были проведены экспериментальные исследования О. младенцев со взрослым и его влияния на психич. развитие ребенка. Одним из осн. методов в этих исследованиях было сравнительное изучение детей, воспитыва-

вающихся в семье и без семьи – в детских учреждениях закрытого типа. Было доказано, что в условиях органического, как и коммуникативного, дефицита процесс развития замедляется и его закономерности выступают в открытой, развернутой форме. Дефицит индивидуально адресованного, эмоционального О. со взрослым существенно тормозит и деформирует психич. развитие детей. Было показано, что между младенцем и взрослым осуществляется О., в к-ром активны оба партнера и к-рое возможно только при психол. отделенности ребенка и взрослого. Возражая Выготскому, Лисина говорила не о единстве, а об эмоционально-личностных связях ребенка со взрослым, к-рые она рассматривала в кач. главного новообразования первого полугодия жизни.

Тематику исследований М. И. Лисиной можно условно разделить на 2 направления: влияние О. на психич. развитие ребенка и анализ О. как самост. деятельности. Было экспериментально показано, что О. определяет отношение ребенка к миру и характер восприятия. Эмпирические исследования подтвердили феномен избирательности (т. е. повышенной чувствительности и более тонкой дифференциации) ребенка к *воздействиям*, связанным с человеком, – от голоса человека до интеллектуальных операций на социальном мат-ле (Д. Б. Годовикова). Было показано, что именно О. со взрослым определяет внутр. план действий ребенка (А. В. Болбочану, Г. И. Капчеля), сферу его эмоциональных переживаний (С. Ю. Мещерякова, А. И. Сорокина), познавательную активность детей (Е. О. Смирнова, Т. А. Землянухина), произвольность и волю (Г. И. Капчеля, Е. О. Смирнова), самооценку и самосознание (Н. Н. Авдеева), О. со сверстниками (Л. Н. Галигузова) и т. д. Исследования, посвященные развитию речи ребенка, выявили, что условия возникновения речи у детей обеспечиваются: 1) эмоциональным контактом со взрослым на первом году жизни (А. Г. Рузская), 2) совместной предметной деятельностью ребенка и взрослого (М. Г. Елагина), 3) насыщением слышимой речью и «голосовым» взаимодействием ребенка со взрослым (В. В. Ветрова). Особый интерес представляют работы, в к-рых осуществлялось формирование новых потребностей и новых для ребенка форм деятельности. М. И. Лисина сформулировала положение, согласно к-рому О. является «сквозным механизмом» смены ведущих деятельностей. Это положение было конкретизировано Л. Н. Галигузовой (формирование потребности в О. со сверстниками), Г. И. Капчели (становление учебной мотивации) и др.

В 1970-е гг. в ходе обсуждения вопроса о соотношении 2 ведущих категорий психол. науки – О. и деятельности М. И. Лисина предложила рассматривать О. как особый вид деятельности, предметом к-рой является др. человек. Утверждая несводимость потребности в О. к любым др. потребностям (во впечатлениях, в безопасности, в физич. комфорте и т. д.), она стремилась выявить качественное своеобразие О. и специфику, к-рая, с ее т. зр., заключалась в стремлении человека к познанию и оценке др. людей, а через них и с их помощью к самопознанию и самооценке. Она предположила, что мотивы О. должны воплощаться (опредмечиваться) в тех качествах самого человека и др. людей, ради познания и оценки к-рых данный индивид вступает во взаимодействие с кем-то из окружающих. Среди этих качеств были выделены 3 группы: 1) познавательные, в к-рых взрослый выступает «как источник сведений и организатор новых впечатлений ребенка», 2) деловые, где взрослый является «партнером по совместной практической деятельности, помощником и образцом правильных действий», 3) личностные, в к-рых взрослый предстает «как особая личность, как член общества, представитель определенной его группы».

Заложенные в концепции М. И. Лисиной 2 плана рассмотрения О. – как предметной деятельности и как условия человеческого способа жизни, можно увидеть и в продуктах О.: взаимоотношениях и образе себя и другого. Взаимоотношения как продукт деятельности О. зарождаются, меняются и развиваются в ходе коммуникации. При этом степень и качество взаимоотношений зависят от того, насколько партнер удовлетворяет существующую потребность в О. Эта зависимость была показана в работах, выполненных под рук. М. И. Лисиной: в сфере

О. со взрослым (А. Г. Рузская, С. В. Корницкая) и со сверстником (Р. А. Смирнова, Р. И. Терещук и др.). Продукт О. – образ себя и другого, к-рый является результатом познания разл. качеств (своих и другого) – деловых, познавательных и личностных. С т. зр. М. И. Лисиной, данные качества, как любые др. предметы, существуют объективно, независимо от субъекта, как предметы его деятельности и его познания. В процессе коммуникативной деятельности они отражаются в сознании и формируют образ др. человека и самого себя. Этот образ является (по аналогии с перцептивной деятельностью) результатом (или продуктом) деятельности О. Образ человека (себя и другого) и представляет собой целостный аффективно-когнитивный комплекс. Его аффективная часть связана с оценкой (или самооценкой), а когнитивная – с представлением о себе и о другом. О., среди прочих видов деятельности, вызывает особенно острую нужду в самопознании и создает наилучшие условия для его протекания. Т. о., с одн. стор., О. является источником психич. развития и главным механизмом формирования всех видов деятельности, а с др. стор. – само является лишь частным видом предметной деятельности.

• Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. М., 1986; Она же. Общение, личность и психика ребенка / Под ред. А. Г. Рузской. М.-Воронеж, 1997.

Е. А. Филонова

Общение: культурно-исторический анализ. О. в отличие от коммуникации непосредственно зависит от системы социальных отношений и развивается во взаимодействии социальных структур, обществ. сознания и культуры, задающей поле «базовых» смысловых реалий. На связь культуры как формы бытия и О., в к-ром транслируются ценностно-смысловые образования, указывали М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Д. А. Леонтьев, Ю. М. Лотман и др. Бытийная сущность О. представлена в его онтологических формах, поэтому роль О. в развитии культуры можно проследить на основе их анализа. В культуре представлены все 3 осн. формы О. – *диалог, игра, манипуляция*, – к-рые сосуществуют, переходят др. в др. В зависимости от культуры, общественного устройства эффективной может быть любая из форм О. Но в онтологическом плане самой эффективной формой, способствующей выживанию человечества, выступает *диалог*. Появление манипуляций не являлось закономерной истор. необходимостью, т. к. они не выполняют онтологических функций (не соединяют и не объединяют людей). Тем не менее они могут способствовать выживанию отдельного человека в «несовершенном» человеческом обществе. Тоталитарные режимы, в силу недоверия и стремления жестко контролировать обществ. ситуацию, обесценивают человека, превращают его в «винтик, механизм», к-рым можно манипулировать. Демократические устройства, напротив, предполагают равенство, что в целом уменьшает количество манипуляций. Т. о., чем более культура и общество ориентированы на диалог, тем меньше находится место манипуляциям, и наоборот.

В совр. культуре, где большую роль играют средства массовой коммуникации, принципиальное значение имеет форма опосредованного О., т. е. форма подачи информации, к-рая также может быть диалогичной (признается равенство партнеров по коммуникации), манипулятивной (потребитель информации используется для получения выгоды коммуникатором или коммуникаторами). Использование манипулятивных приемов в СМИ овецествляют, обесценивают человека, превращают в товар его самого и человеческие отношения, формируют устойчивую систему предпочтений, стереотипов, навязывают определенные модели, тем самым конструируя субъективный мир человека, не считаясь с его желаниями и возможностями. Последнее время в связи с появлением интерактивного телевидения большую роль начинает приобретать игра, к-рая, являясь по форме игрой, часто наполняется манипулятивным содержанием (как, напр., происходит с игровым *реалити-шоу*).

• *Каган М. С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М., 1988; *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб., 1994; *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992; *Шкуратов В. А.* Психика. Культура. История (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов-н/Д, 1990.

Л. И. Рюмина

Общение межличностное: социальный конструкционизм. Социально-конструкционистский подход реализует аналитический интерес к социальной реальности в рамках утвердившейся в последние десятилетия коммуникативной парадигмы в социальном знании. С последней связывают сдвиг от логики субстанциализма, линейности и определенности к принципам реляционизма, рекурсивности, процессуализма и конститутивного характера человеческого действия. Исходным в данном случае является допущение о том, что смысл, к-рым люди наделяют то, во что они вовлечены, не задан заранее, а создается и воссоздается в человеческих интеракциях. Т. е. признается фундаментальность интеракционной (конверсационной) деятельности, ее первенство по отношению к другим (прежде всего индивидуальным, несоместным) формам человеческой активности. Тем самым утверждается несводимость, нетождественность понятий «личность» и «личность-в-О.». Создаваемая партнерами социальная реальность ограничена, оформлена и реализуется посредством тесного переплетения их прежних (и возможных будущих) встреч, разговоров, совместных дел, а составляющие ее элементы рассматриваются не как отдельные блоки, но как единое целое, связанное с помощью общих значений в конкретной точке пространства и времени. Соответственно, при обращении к социальной коммуникации в первую очередь прояснению подлежат те характеристики процесса взаимодействия, к-рые приводят к формированию разл. социальных реальностей.

Вопрос видовой характеристики межличностной коммуникации (М. к.) в рамках социально-конструкционистского подхода в общем виде может быть сформулирован след. образом: при каких условиях взаимодействие между небольшим числом людей может быть квалифицировано как межличностное? Если в общепсихол. плане исследование О. – это «раскрытие его личностно-смысловой стороны, имеющей своим поведенческим фасадом систему коммуникаций» (А. У. Хараш), то социальный конструкционизм представляет данный процесс в прямо противоположном направлении: поскольку личностные смыслы возникают внутри системы как реализация возможностей, предписанных этой системой, задача состоит в обнаружении механизмов поддержания самой системы. Для определения М. к. необходимо выявить условия и описать режимы действия механизмов (вос)производства отношений между ее участниками, ключевой характеристикой к-рых является актуализация процессов личностной идентификации вовлеченных в них лиц. При переводе проблемы поиска качества «межличностного» в плоскость выявления порождающих его способов выходят по меньшей мере 3 измерения коммуникативного процесса: а) тематическое, т. е. что выступает предметом коммуникации («о чем идет речь»); б) структурное, т. е. как организована эта тематически заданная коммуникация; в) событийное (или ситуационное), т. е. в каких обстоятельствах эта тематическая и структурная определенность коммуникации оказывается главенствующей.

Структура М. к. может быть рассмотрена как условие порождения качества «межличностности», если исходить из представления об активном формообразующем действии структуры. «Порождающие» свойства структур получили социологическое осмысление в теории структуриации Э. Гидденса и генетическом структурализме П. Бурдьё, теоретико-коммуникативное описание в теориях, реализующих системный подход к социальной коммуникации и прежде всего разрабатывающих т. наз. прагматическую концепцию человеческой коммуникации. Интерпретация уровневой организации коммуникации с использованием оппозиции «глубина – поверхностность» позволяет выявить порождающий потенциал коммуникативной

структуры. Наиболее известные теории, использующие указанную дихотомию для анализа М. к., либо подчиняют структурные аспекты динамическим (как это делают авторы теории социального взаимопроникновения (social penetration) – И. Альтман и Д. Тейлор), либо предлагают психол. толкование процесса межличностного взаимодействия, определяя глубокий (глубинный) контакт между индивидами как такой, к-рый в наибольшей степени удовлетворяет их потребность в самоподтверждении и самореализации (А. А. Леонтьев).

На снижение неопределенности относительно знания и понимания себя и других как на устойчивую закономерность развития отношений между людьми указал в свое время Ч. Бергер. В кач. объяснительных посылок он признавал информационный и эмоциональный дискомфорт, возникающий в ситуации неопределенности. Снижение неопределенности тем самым само по себе способно усиливать близость между людьми («повышает уровень интимности») и их взаимную привлекательность. К ресурсам межличностного взаимодействия, связанным со структурными характеристиками коммуникативных действий и процессов, относятся упорядоченность, стабилизация взаимодействия между ее элементами. Общепринятым понятием, фиксирующим это свойство, можно считать понятие «паттерн взаимодействия» (Вацлавик и др., 2000). Термин «форматирование», заимствованный из компьютерного лексикона, Е. Л. Доценко использовал для интерпретации процесса согласования характеристик (измерений) взаимодействия.

Условия, при к-рых взаимодействие между небольшим числом людей начинает приобретать характер М. к.: 1) актуализация тех или иных аспектов «Я-концепции» вовлеченных во взаимодействие индивидов и прояснение отношений между ними в кач. предмета коммуникативного взаимодействия; 2) структура взаимодействия при активизации паттернов межличностного доверия, интимности и привязанности. Механизмами активизации названных паттернов становятся межличностные коммуникативные практики, представляющие собой сложно организованные комплексы речевой, телесной, ментальной, предметной активности, опирающиеся на усвоенные социальными агентами (рутинные) схемы восприятия, оценивания, мышления и действия, к-рые позволяют каждому из вовлеченных в О. индивидов идентифицировать себя и Другого в кач. участников конкретной системы межличностных отношений.

• Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций, 2000; Джерджен К. Д. Социальный конструкционизм: знание и практика. 2003; Доценко Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы, 1998; Казаринова Н. В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ, 2006; Леонтьев А. А. Психология общения, 1997.

Н. В. Казаринова

Общение: уровневая структуризация. В О. наличествуют социальный и личностный планы. Первый характеризуется объемом (широтой) О., исторически установившимся в культурах того или иного типа; второй – степенью личностной вовлеченности («глубина» О.). В рамках первого, социального плана можно выделить *субуровни*: социально-статусный, конфессиональный (ритуальный), профессионально-ролевой, этнический, гендерный, семейный, виртуальный (О. в интернете) и др. Каждый из этих видов О. дифференцируется от симметричного до комплементарного типов О. В зависимости от уровня анализа – макро-, мезо-, микроуровень (Б. Ф. Ломов) и временного контекста (диахрония, синхрония) фиксируется истор. становление или актуальное функционирование форм, механизмов и средств О. Контаминация био- и культурной эволюции определяет переход от первобытной непосредственной коммуникации (В. А. Шкурагов) в формах жеста, пантомимики, выкрика, протяжных или ритмических звуков к использованию словесных артефактов. Историко-культурные проявления макроуровня в синхронии наиболее представлены в *фатическом (этикетном) О.*, особенно в первоначальных

фазах установления контакта. Более или менее сложная система приветствий (А. А. Леонтьев) как существенных составляющих *О.* – *обращения* специфична и многообразна по формам и содержанию у разных народов и этносов; функц. взгляд определил бы здесь функцию «смягчения» ситуации *О.* за счет нормирования и отсрочки исполнения целевых установок общающихся.

В социальном плане (мезоуровень) функциональность ряда проявлений культуры может служить ключом для психол. поиска и объяснений «инвариантов культуры» (М. Коул, Д. Мацумото, Г. Триандис и др.). Сравнение разл. исторически сформировавшихся культур по показателям коллективизма-индивидуализма, избегания (принятия) неопределенности, дистанции власти, дифференциации статуса и др. обнаруживает релевантные типы и уровни *О.* Социальное расслоение общества, в частности сосуществование народной и элитарной культуры, динамизирует формы и средства *О.*, формируя «пограничные» механизмы коммуникации. Тезис о детерминирующей роли стремления к полноте жизненных актов, включая *О.*, в форме психол. триады «знание-эмоция (переживание) – действие» объясняет многие парадоксальные явления повседневной жизни. Конативная (поведенческая) часть триады также может существовать как потенциально достижимая, создавая иллюзию полноты, характерной для многоречивости. В личностном плане разл. варианты структурных описаний *О.* (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, В. Н. Мясищев, В. Н. Панферов и др.) фиксируют компонентный состав *О.*; П. Вацлавик, Дж. Бивин и Д. Джексон определяют уровневую структуру *О.* по содержанию (передаваемая информация) и отношению (метакоммуникация, определяющая аспект систематизации содержания в том или ином отношении).

Предложенное Б. Д. Парыгиным параметрическое описание *О.*, включающее психол. *контакт, обмен информацией, взаимодействие и взаимовлияние*, отличается большей полнотой и по динамике адекватно для уровневого рассмотрения. Любые акты *О.* предполагают установление контакта, т. е. такую взаимообусловленную психич. активность 2 или более людей (неск. иначе – *аутокоммуникация* или *внутр. диалог*), в процессе к-рой аттенционные, мнемические, перцептивные и др. процессы находятся в совокупно регулируемом состоянии, обеспечивающем возможность установления, тем или иным способом, обратной связи между общающимися. «Сильный» эмоциональный момент выводит коммуникацию на третий уровень *О.*, связанный с необходимостью определения смысла вступления в контакт и коммуникацию. *Понимание смысла* (В. В. Знаков), в свою очередь, может в той или иной степени изменять исходные ориентации общающихся, что может также в опр. случаях запускать механизм произвольности, переходящей в деятельностьную форму. В процессе коммуникации исходные смыслы могут также трансформироваться в зависимости от устойчивости контакта и др. динамических особенностей, определяя линии *обобщения* (объединения) или *разобщения* участников диалога. Объединяя подходы Б. Д. Парыгина, П. Вацлавика и др., можно выделить 4 исторически сформировавшихся и культурно обусловленных уровня межличностного *О.*: установление контакта, информационная коммуникация (содержание), смысловая коммуникация (отношение) и рефлексивное *О.* (метакоммуникация).

• Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб., 2000; Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997; Общение – 2006: на пути к энциклопедическому знанию / Под ред. А. А. Бодалева. М., 2006.

Г. В. Акопов

Общение: эконсихологический подход. В экологическом подходе в кач. исходного основания для *О.* как объекта и предмета психол. исследования используется системное отношение «человек – окружающая среда (природная, социальная)». Это отношение конкретизируется в виде ситуаций учебного, коммуникативного, профессионального и т. п. взаимодействия человека с окружающей природной и/или социальной средой. Выделяется 6 базовых

типов экопсихол. (в данном случае – коммуникативного) взаимодействия: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный, субъект-обособленный, субъект-совместный и субъект-порождающий (Панов, 2004, 2007). Напр., указанные типы коммуникативного взаимодействия применительно к ситуациям профессионального О. выглядят так: 1) объект-объектный тип – взаимодействие в системе «чиновник-клиент» имеет сугубо абстрактный и формальный характер и характеризуется пассивной позицией каждого из участников, и в этом смысле объектностью с обеих сторон; 2) объект-субъектный тип – чиновник занимает пассивную позицию при обсуждении дела клиента и, по сути, подчиняется тем требованиям, к-рые предъявляет к нему клиент; 3) субъект-объектный, когда, напротив, чиновник активно воздействует на клиента, занимающего позицию объекта, пассивно принимающего воздействие со стороны чиновника; 4) субъект-субъектный, когда компоненты системы «чиновник-клиент» активно взаимодействуют друг с другом.

Это взаимодействие может иметь разл. аспекты, сосуществующие и сменяющие друг друга или же, напротив, исключают друг друга: а) *субъект-обособленный*, когда и чиновник, и клиент занимают активную позицию, пытаясь убедить другого в необходимом ему решении проблемного вопроса, но при этом не учитывая и не принимая во внимание мнение (субъектность) др. стороны, вследствие чего диалог между ними оказывается невозможным, каждый в споре остается «при своем». Поэтому собственно взаимодействия между ними не получается; б) *субъект-совместный*, когда взаимодействие между чиновником и клиентом имеет характер конструктивного диалога и в этом смысле совместного действия. Взаимодействие носит характер «встречи и диалога с Другим», подчиненных совместному достижению какой-либо цели, выполнению общей задачи и т. д. Субъектное воздействие одного субъекта на другого в системе «чиновник-клиент» строится здесь с учетом субъектных особенностей этого др. субъекта (ценности, установки, способы действия и т. п.). Однако подобный учет интересов другого не предполагает и не требует изменения своей собственности субъектности; в) *субъект-порождающий*, когда взаимодействие в системе «чиновник-клиент» имеет совместно-распределенный характер, в ходе к-рого происходит взаимное изменение исходной позиции каждого из участников диалога, подчиненное нахождению приемлемого для обеих сторон решения вопроса. Важно отметить, что порождение субъектности здесь проходит неск. этапов, важнейшими из к-рых являются порождение субъектности единого (совокупного) субъекта совместно-распределенного действия, а затем и порождение обновленной субъектности каждого из его со-субъектов после освоения и выполнения этого действия. Аналогично может быть проведен анализ коммуникативного взаимодействия в системах «учитель-учащийся», «руководитель-подчиненный», «родители-ребенок», «образовательная среда – учащийся» и т. д.

• *Панов В. И.* Экологическая психология: опыт построения методологии. М., 2004; *Он же.* Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб., 2007.

В. И. Панов

Онтопсихология общения – только оформляющаяся область науч. исследований на стыке онтопсихологии и психологии О. Основы онтопсихологии – науки о сущности человека с позиций ее соответствия законам бытия, гармонии, нравственности и духовности – были заложены экзистенциально-гуманистически ориентированными зарубеж. и отеч. психологами (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Р. Мэй, М. М. Бахтин, С. Л. Рубинштейн и др.). Большое внимание уделялось уникальности, самоценности личности, роли высших бытийных ценностей и О. в ее существовании и развитии. О.о. реализует ценностно-смысловой подход к О., ее методологической основой является гуманитарная парадигма, к-рая предполагает ценностно-смысловое, глубинное освоение бытия, принимающее во внимание истор. измерение культуры и признающее сложность, целостность и в то же время неисчерпаемость человеческих феноменов. В соответствии с гуманитарной парадигмой приоритет при анализе бытийных проявле-

ний О. отдается субъективным методам, достоверность результатов определяется не множественностью перепроверок изучаемого параметра на большом количестве испытуемых и не их усреднением, а учетом многообразия и многогранности О. Исследование и познание бытийных проявлений О. происходит поэтапно и поуровнево, выражается во все более детальной проработке и формулировании понятий с последующим возвращением к уточнению смысла частей. Такой взгляд на О. предполагает использование понятий смежных наук и анализ появившихся в результате этого новых объектов и связей человека с миром. В центре внимания О.о. находятся представления о бытийной роли и сущности О., его онтологических функциях и критериях. Исходя из бытийной роли О., онтологическими его функциями являются сплочение, соединение, объединение и взаимопомощь; главными критериями эффективности – удовлетворенность отношениями и возможность их развития. О. обеспечивает жизнедеятельность человека на разл. уровнях: индивидуальном, способствующем его выживанию; социальном, обеспечивающем адаптацию к конкретным социальным условиям; экзистенциальном (бытийном), характеризующимся приобщением к общечеловеческим ценностям.

О. о. в целом как новая для отеч. психологии область науч. знания, объединяющая разл. науки, открывает новые перспективы перед психологией О., позволяя выйти на анализ целостных образований, в т. ч. и форм О., в к-рых представлена его бытийная сущность; изучить не только горизонталь О., с т. зр. его этапов, видов, но и вертикаль, с учетом погружения в глубину его ценностно-смыслового содержания, культурно-исторической и обществ. реальности; рассмотреть О. не только с позиций конкретного коммуникативного акта, а и с т. зр. усвоенных партнерами систем жизненных отношений; перенести акцент с анализа личностных качеств партнеров на анализ их внутр. мира и переживаний как внутриличностных предпосылок развития реальных отношений с др. людьми; объяснить выбор партнерами целей, мотивов, способов О., механизмов воздействия; наличие или отсутствие в О. многих феноменов, явлений и процессов, таких как взаимопонимание, эмпатия, толерантность и др. Приоритет изучения ценностей и смыслов, нравственной оценки О. открывает возможности анализа социально-психол. явлений в более глубоких слоях коллективного бессознательного, ментальности и определения их роли и функций в выборе опр. способов взаимодействия этносов.

• *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М., 2002; *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. *Рюмина Л. И.* Ценностно-смысловой подход к общению. Ростов-н/Д, 2004; *Она же.* Психология человеческого существования: бытийная роль и функции общения. Ростов-н/Д, 2009; *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Л. И. Рюмина

Познание межличностное: теоретические модели. Теорет. анализ многочисл. исследований межличностного познания (М. п.) позволяет выделить 3 методологических схемы (модели): пассивно-созерцательную, деятельностную и субъектно-субъектную. 1) В контексте пассивно-созерцательной модели М. п. рассматривается след. образом: объект познания (человек) предстает перед познающим субъектом в форме нек-рых чувственных признаков и поведенческих актов, в к-рых заключена его внутр. психол. сущность; субъект познания расшифровывается («читает») эту внеш. сторону др. человека, проникая тем самым в его внутр. психол. содержание. Эта схема интерпретирует картину, к-рая открывается внеш. «наивному» наблюдателю, созерцающему процесс познания человека человеком. В зап. психологии наиболее близки к данной схеме когнитивные и каузальные модели М. п. (V. Argyle, K. Davis, M. Cook, J. Cooper, F. Heider, E. Jones, H. Kelley, T. Newcomb и др.). Пассивно-созерцательная модель М. п. сыграла большую роль в постановке самой проблемы и на начальных этапах ее разработки. Но ее методологические возможности ограничивало то, что М. п. представляется созерцательно. Активность субъекта выражается лишь в «чтении» и интерпретации внешне наблюдаемых чувственных характеристик познаваемого человека. 2) Более продук-

тивной является деятельностная модель М. п. В ней представлена попытка распространить на М. п. популярную в 1960–1970-е гг. деятельностную методологию. В кач. методологической основы конкретно-эмпирических исследований здесь рассматривается принцип деятельностного опосредствования М. п. (Бодалев, 1982). Совместная деятельность представляется как реальное условие и детерминирующий фактор М. п., как форма выражения психол. характеристик ее участников. Она же определяет направление и содержание процесса психол. интерпретации внеш. проявлений участников взаимодействия. Но важное ограничение деятельностной модели в том, что деятельность здесь понимается как групповая. Соответственно и субъект деятельности и М. п. является групповым. Остается не совсем понятным, кто является носителем субъективного образа и как он возникает. 3) В рамках субъектно-субъектного подхода М. п. можно рассматривать как систему познавательных действий субъекта, направленных на субъективное воссоздание личностной реальности познаваемого человека в форме образов или понятий. Он конструирует их сам и для самого себя, т. е. они предельно субъектны, что и делает их надежными инструментами О. Познавательные действия могут быть не только внутр., но и внеш. Последние представлены реальными актами О., каждый из к-рых способен выполнять осн. когнитивные функции: анализа, синтеза, сравнения и др. Субъектно-субъектная схема анализа процессов М. п. отличается от пассивно-созерцательной тем, что субъект познания представляется здесь изначально активным. Причем его активность выражается не только в расшифровке внешне наблюдаемого поведения человека, но и в том, что он заставляет его демонстрировать это поведение, как бы обнажая в нем те или иные психол. характеристики своими реальными поведенческими актами – содействиями (экспрессивными, речевыми). Взаимопознание и *взаимовоздействие* неразрывно связаны между собой. Воздействуя на других, субъект одновременно и познает их, а познавая – воздействует на них. Достоинством этой теорет. схемы является ее пригодность для анализа как генетически исходной, так и высокоразвитой формы М. п. В контексте субъектно-субъектной схемы анализа М. п. и субъект, и объект рассматриваются как равноправно активные. В этом ее специфика по отношению к теорет. схеме анализа предметной деятельности и предметного познания («субъект-объект»), где предмет не активен, а реактивен. Его активность выражается лишь в том, что он оказывает сопротивление действиям другого субъекта, подчиняет их себе и делает предметными. В предлагаемой схеме объект – др. человек – изначально активен, т. е. является полноценным субъектом, но его активность не абсолютна, как это представляется с позиций пассивно-созерцательной модели, а относительна (ответна). Она определяется активностью субъекта, каждое воздействие к-рого задает соответствующий контекст для построения ответной реакции др. человека и для ее интерпретации. Но в этих заданных ситуациях он (познаваемый человек) активен, т. е. является полноценным субъектом.

• Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком, 1982; Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова, 1981; Романов К. М. Психология межличностного познания, 1993.

К. М. Романов

Психология воздействия: концепция Г. А. Ковалева. Разрабатывая концепцию психологии воздействия, Г. А. Ковалев выявил его универсальную онтологическую сущность и определил *воздействие* как процесс детерминации активности взаимодействующих между собой равноупорядоченных психол. систем, результатом к-рого является изменение этих систем или поддержание их функц. состояния. П. в. имеет двусторонний характер, т. к. является межсубъектным взаимодействием. Феномены воздействия и взаимодействия неразрывно связаны и взаимно дополняют друг друга, а само воздействие является стороной межсубъектного (интерсубъектного) взаимодействия, или *диалога*. В исследовании интерсубъектной психологии диалога Г. А. Ковалев исходит из методологических идей М. М. Бахтина, Л. С.

Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. А. Ухтомского, С. С. Аверинцева, а в развитии субъект-субъектной теории О. и взаимодействия опирается на труды *В. Н. Мясищева*, *А. А. Бодалева*, *Б. Ф. Ломова*, *А. М. Матюшкина*, *Т. А. Флоренской* и др.

Системное понимание П. в. трактуется как многоуровневый и многокачественный процесс связи человека с внеш. миром (природным и социальным), а также детерминации и регуляции (саморегуляции) функц. систем и состояний организма на всех уровнях целостной психич. организации человека при взаимодействии с др. системами внеш. влияний на человека: экологическими, социальными, культурологическими и др. Результат П. в. выражается в изменении деятельности, поведения, отношений и субъективных характеристик человека (потребностей, установок, способностей), а также в формировании личностно-преобразующего потенциала развития и саморазвития, воспитания и самовоспитания. Системный механизм П. в. заключается в том, что оно запускает межуровневые и внутриуровневые процессы психич. регуляции и саморегуляции (от неосознаваемых сенсорно-перцептивных и эмоциональных процессов до высших форм сознательной регуляции деятельности и поведения субъекта). Основу психич. деятельности составляет внутр. «диалог» сознания с бессознательным (*К. Роджерс*, *К. Юнг*), связанный с архетипическим механизмом внеш. диалога как процесса реализации подлинно человеческих взаимоотношений и человеческого творчества. Важную роль в концепции воздействия-взаимодействия *Г. А. Ковалева* играет представление о монологе как системе «закрытого» типа и диалоге как «открытой» системе. Он считает, что «открытые», диалогические системы и отношения обуславливают более конструктивный характер психич. регуляции (и саморегуляции) и обладают большим эффектом психол. воздействия и взаимодействия (воспитательного, личностно-развивающего, психокоррекционного), чем «закрытые», монологические системы и отношения. Системный анализ сущности и феноменологии воздействия-взаимодействия также предполагает изучение влияний на человека «среды» (социофизической и социальной) и «экологии».

При исследовании методологических оснований психологии воздействия и взаимодействия было показано, что категория *воздействия* концентрирует в себе осн. противоречия и дискурсы психол. науки о сущности, структуре и механизмах человеческой психики, а также интегрирует в единую онтологическую ткань психол. категории личности, О., поведения, деятельности и т. п. Необходимой предпосылкой методологического исследования явилось историко-теорет. изучение состояния и причин кризиса совр. психол. знания. Анализ показал, что этот кризис обусловлен доминированием «позитивистской» модели исследования, а его главной причиной является противоречие между монологическим («моносубъектным») методом эмпирического исследования психол. явлений и «субъект-субъектной», диалогической природой человеческой психики. Был сделан вывод, что для понимания сущности воздействия и взаимодействия необходима методологическая перестройка психол. мышления на основе идей системности, диалектики, синергетики и социоэкологии. Была разработана концепция 3 парадигм науч. изучения и объяснения психол. явлений: «объектная», «субъектная» и «субъект-субъектная (интерсубъектная)». Эти фундаментальные парадигмы задают 3 стратегии науч. изучения психологии воздействия и взаимодействия – «императивную», «манипулятивную» и «развивающую». Императивная и манипулятивная стратегии являются основой «монологического» О., в к-ром субъект воздействия проявляет инициативу и ответственность, а индивид как объект воздействия является относительно пассивным. Участники интерсубъектно-диалогического взаимодействия вступают в открытые и доверительные отношения и несут равную ответственность за процесс и исход взаимодействия. Интерсубъектная стратегия является стратегией развивающего воздействия и взаимодействия.

Системное описание *Г. А. Ковалевым* 3 парадигм познания и соответствующих им стратегий исследования раскрывает содержательную логику исследования воздействий-взаимодействий на разл. уровнях концептуального обобщения – на уровне категорий общего («объект-

ная парадигма»), особенного («субъектная» парадигма) и единичного («субъект-субъектная» парадигма). Эти ракурсы психол. исследования воздействий и взаимодействий выражают 3 осн. уровня методологического изучения данных явлений: микро-, мезо- и макроанализа и исследования воздействий и взаимодействий.

• *Дьяконов Г. В.* Основы диалогического подхода в психол. науке и практике. Кировоград, 2007; *Ковалев А. Г.* Активное социальное обучение как метод коррекции психологических характеристик субъекта. М., 1980; *Он же.* Три парадигмы в психологии – три стратегии психол. воздействия // *Вопр. психологии.* 1987. № 3; *Он же.* Психология воздействия. М., 1991.

Г. В. Дьяконов

Психосемиотика общения изучает знаки и знаковые системы в О. Она шире психосемантики (*В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев* и др.), поскольку исследует прагматический аспект знаковой проблемы (отношение знака к человеку), семантический (отношение знака и значения) и синтаксический (отношение между знаками на уровне сознания). Идеи о психол. функции знаков высказывали *Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, Дж. Брунер, Ж. Пиаже, А. Валлон* и др. Истоки психосемиотики выявляются в рамках культурно-исторической концепции развития психики человека (*Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев*), – именно *Л. С. Выготский* считал *сигнификацию* (создание и употребление знаков) центральным отличием человека от животных и отводил знакам особую орудийную (инструментальную) функцию, называя знак и способ его употребления «определяющим» или «фокусом» всего процесса формирования психики, осн. моментом его конструирования. Связь знака и знаковых систем с О. диалектична: с одн. стор., О. – необходимое условие овладения как знаками, так и их системами, с др. стор., знаки – это специфические инструменты (орудия) О., без к-рых невозможно само его существование. Выделение орудийной функции знаков приводит к необходимости постановки и решения вопроса об условиях и способах реализации этой функции в отношении не только процессов О., но и познания, а также деятельности и их взаимосвязей. В процессе любого знакового О. реализуется познание в самом широком смысле этого слова.

Общие положения психосемиотического подхода отеч. психологии сформулированы в работах *М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломова* и *В. Ф. Рубахина*. Это комплексное направление, сочетающее анализ психич. процессов, осуществляемых с использованием разнообразных знаков, с анализом семиотической природы самих используемых в обществ. практике знаков и знаковых систем. Психосемиотический анализ – методологическая система интерпретации, рассматривающая в единстве психич. феноменологию субъекта О. и ее семиотическую детерминацию знаком как коммуникативным инструментом. Наиболее активно психосемиотический подход был реализован в отеч. психологии 1970–1990 гг. по отношению к познавательной деятельности и развитию человека (*М. В. Гамезо, Г. А. Глотова, Н. Г. Ларина, Н. Г. Салмина, М. К. Тутушкина* и др.), разрабатывалась и психосемиотика О. (*А. А. Брудный, Т. М. Дридзе, В. В. Барабин, Г. Г. Воробьев, Е. А. Петрова*).

Осн. психосемиотической категорией является категория «знак». Знаки О. рассматриваются в рамках данного направления в единстве генезиса, выражения и впечатления: как инструмент объективации и интерпретации субъекта, как орудие развития и формирования его психол. структур (в первую очередь образа «я»), и как средство экспрессивно-импрессивного проявления личности (основой чего является интерпретационная природа коммуникативных знаков). Психосемиотика О. изучает знак как инструмент О. и индикатор личности. Психосемиотика О. связана с такими разделами общей психологии, как психология сознания и самосознания, психология личности, эмоций, речи, выразительных движений и др.; в социальной психологии с психологией О., социального познания, психологией невербального поведения, управления впечатлением и пр.; в психосемиотике с психосемиотикой познания и развития. Формируется взаимосвязь психосемиотики О. с имиджелогией. Центральные проблемы пси-

хосемиотики О.: описание, системно-структурный анализ и классификация разл. вербальных и невербальных знаковых систем; их взаимодействие и взаимовлияние; объективация внутр. мира человека в используемых им знаках; кодирование-декодирование знаковой информации; межличностное познание и самоподача образа Я в О.; повышение эффективности интеракции; психосемиотическая диагностика и коррекция личности. Психосемиотические исследования О. с социально-перцептивной стороны: а) поиск семиотических механизмов социального познания; б) изучение психосемиотической специфики возникновения и развития феноменов межличностного восприятия; в) определение психосемиотических факторов формирования впечатления о человеке; г) проблема успешности социально-психол. интерпретации партнера по О. на основе семиотической информации, исходящей от человека.

Общим для психологии О. и психосемиотического исследования О. являются вопрос об индикативных и коммуникативных функциях семиотических проявлений человека, об условиях и факторах их превращения в знак человеческого О. и объект социально-психол. интерпретации. Знаковые системы исследуются здесь с т. зр. их индикативно-личностной роли, изучается формирование личностных, индивидуальных и инструментально-ролевых отношений к субъекту О. Важно исследование роли знаковых компонентов имиджа субъекта О. в возникновении или активизации межличностных и межгрупповых механизмов социального познания: внутригруппового фаворитизма, физиогномической редукции, стереотипизации и др., а также психосемиотическое изучение знаков как социально-перцептивного феномена: исследование соотношения разл. семиотических систем в познании себя и других; изучение влияния семиотической природы отдельных знаковых систем на результат социально-психол. интерпретации человека человеком.

• *Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Н.* Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977; *Петрова Е. А.* Психосемиотика общения // Общение-2006: на пути к энциклопедическому знанию. М., 2006; *Она же.* Визуальная психосемиотика общения. М., 2009.

Е. А. Петрова

Речевая деятельность в психолингвистике: теория А. А. Леонтьева. В 1950–1960-е гг. – время оформления психолингвистики как науки – ключевым понятием отеч. психологии являлась «деятельность». Психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева была транспонирована А. А. Леонтьевым на область языкознания и оформилась как «теория речевой деятельности», к-рая фактически стала синонимом термина «психолингвистика» в отеч. варианте этой науки. Согласно А. Н. Леонтьеву, деятельность – это специфическая форма активности человека по познанию и преобразованию окружающей действительности. По А. А. Леонтьеву, речевая деятельность представляет собой вид деятельности (наряду с трудовой, познавательной, игровой и др.), психологически она организована подобно др. видам деятельности, т. е., с одн. стор., характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, а с др. стор., состоит из неск. последовательных фаз (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль). Речевая деятельность может выступать или как самост. деятельность со специфической мотивацией, составляющими к-рой являются речевые действия (имеющие цель, подчиненную цели деятельности) и речевые операции (варьирующиеся в соответствии с условиями), или в форме речевых действий, включенных в ту или иную неречевую деятельность.

В сущности, под речевой деятельностью, по А. А. Леонтьеву, понимается сам феномен речи. Деятельность имеет сложное иерархическое строение, т. наз. «макроструктуру», «слои» к-рой принято располагать «сверху вниз»: верхний уровень – особые виды деятельности (профессиональная, обществ. и т. п.), далее следует уровень действий, за ним – уровень операций,

и замыкает эту «пирамиду» низший уровень психофизиол. функций. В речевой деятельности по аналогии предполагается, что «сверху» находится все, что связано с планированием и контролируется сознанием (речевые действия, речевые акты), «ниже» располагаются операции в виде автоматических речевых навыков, а в самом «низу» отводится место психофизиол. функциям речи, к-рым предназначена «операционально-техническая» роль (термин Ю. Б. Гиппенрейтер). Главным признается все сознательное, плановое, контролируемое, мотивированное, целенаправленное. Остальное выполняет лишь служебные функции, подчиненные руководящим сознательным действиям. По аналогии с дихотомией «теория деятельности – теория речевой деятельности» в психолингвистике А. А. Леонтьева принято разделять О. и речевое О. как лингвистический феномен.

О. создает коммуникативный контекст, в к-ром реализуются речевые акты. В речевом О. выделяют аспекты, соответствующие целям и задачам говорящих и проявляющиеся в их речи: информативный, перцептивный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, чувству юмора, воображению собеседника) и др. Эти аспекты часто сосуществуют, но могут составлять и самост. формы речевого О. – речевые жанры, «языковые игры», разл. не только по целям, но и по распределению ролей собеседников, их коммуникативным интересам, речевой тактике, предпочтительности употребления тех или иных синтаксических структур, принципам установления связности реплик и др. (Н. Д. Арутюнова). Теория речевой деятельности (психолингвистика) первоначально была ориентирована на изучение той стороны речевого О., к-рая связана с восприятием и производством речи. В дальнейшем интересы психолингвистики распространились также в сторону социальных и личностных факторов речевого О.

• *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; *Он же.* Основы психолингвистики. М., 1997; *Он же.* Психология общения. М., 1997; Основы теории речевой деятельности. М., 1974; *Румянцева И. М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.

И. М. Румянцева

Субъект затрудненного и незатрудненного общения. Концепция В. А. Лабунской. В данной концепции акцент делается на преобразовательной активности субъекта в О., соответствующей уровню развития и своеобразию индивидуальных свойств и способностей субъекта, рефлексивному осознанию им своих личных отношений и взаимоотношений с миром. Исходя из такого понимания субъекта О., критериями определения его типов выступают направленность, интенсивность, качество преобразовательной активности, проявляющейся в ее субъектных, личностных свойствах и одновременно обусловленной ими. Осн. положениями концепции являются: 1) субъект О. вносит объективные и субъективные изменения в О. и осуществляет качественно опр. детерминацию изменений личности, соответствующих опр. уровню; 2) субъект О. раскрывается через его направленность, установки, ценностные ориентации, через систему отношений; 3) преобразовательная активность субъекта О. направлена на физич., психол., социально-психол. свойства личности, изменения к-рых осуществляются в диапазоне от полного физич. и психич. разрушения до созидания, сотворения (актуализация личностного роста); 4) преобразовательная активность личности, раскрывающаяся в системе ее отношений, должна рассматриваться с учетом такого параметра, как социально приемлемое или антисоциальное О., взаимодействие, поведение; 5) субъект О. и качество его преобразовательной активности должен рассматриваться сквозь призму социальной, культурно-психол. нормы; 6) преобразовательная активность субъекта О. должна быть соотнесена не только с психол. представлением о «нормальности-анормальности» развития личности, базирующемся на качественных параметрах изменений, но и с понятием социальной нормы, основывающемся на положении об интенсивности, силе, знаке преобразовательной активности

личности и их соответствии принятым в обществе стандартам поведения: 7) сочетание психол. характеристик «нормальности – анормальности» личности субъекта О. и представлений о социальной норме вводит понятие «преобразовательная активность субъекта» в контекст социальной психологии и позволяет рассматривать субъекта О. в координатах «нормальность-анормальность», при этом полюс «анормальность» может иметь просоциальный и антисоциальный вектор.

Т. о., базовыми фундаментальными типами субъекта О. являются те, к-рые выделены на основе ядерного критерия субъектности – качества преобразовательной активности личности относительно себя и других, представленного в системе ее отношений. Таковыми рассматриваются субъекты диалогического и монологического О., или субъекты личностного и объектного О., – в них указывается направленность преобразовательной активности субъекта О. (на себя или других), его ведущие отношения к др. человеку и самому себе, при этом мало уделяется внимания дифференциации качества последствий преобразовательной активности субъекта О. Исключение – работы в русле гуманистической психологии О., в к-рых подчеркивается личностное отношение, творчество преобразовательной активности, направленной прежде всего на себя, и к-рые квалифицируются как исследования, занимающиеся изучением оптимального О. 2-е направление исследований качества и интенсивности преобразовательной активности субъекта О. – психология *затрудненного О.* и примыкающие к ней разделы социальной психологии (напр., психология конфликтного взаимодействия), психология агрессивного и деструктивного поведения, одиночества. 3-е – психология девиантного, делинквентного поведения, насилия, жестокости и т. д. 4-е – работы, учитывающие характер преобразовательной активности субъекта О., выполненные на стыке клинической психологии, патопсихологии и социальной психологии личности. 5-е – изучение личности с т. зр. ее ведущих отношений, свойств и качеств, проявляющих особенности ее преобразовательной активности.

Анализ работ, осуществленный на основе базового критерия субъекта О., его субъектности, представленной в системе отношений к другому, отличающейся качеством «нормальности – анормальности», «разрушающей – созидающей» силой и степенью ее интенсивности, позволяет выделить 2 фундаментальных типа субъектов О.: субъект затрудненного О. и субъект незатрудненного О. Субъект О. становится «субъектом незатрудненного и затрудненного О.» в соответствии с его системой отношений, влияющей на его преобразовательную активность, ведущую либо к созиданию, либо к разрушению не только другого, но и самого себя. Преобразовательная активность субъекта затрудненного и субъекта незатрудненного О. отличается по всем 3 параметрам: направленности, качеству, интенсивности, представленным в системе отношений. Сочетание этих характеристик преобразовательной активности дает разл. варианты 2 типов субъектов О.

• *Брушлинский А. В.* Субъект, мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996; *Мясищев В. Н.* Психология отношений М., 1995; *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976; *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1991; *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993; *Цуканова Е. В.* Психологические трудности межличностного общения. Киев, 1985.

В. А. Лабунская

Теория социальных представлений анализ того, как науч. знание присваивается обыденным сознанием и используется в каждодневной практике, – была сформулирована фр. социальным психологом С. Московичи. Создание Т. с. п. явилось ответом на процесс индивидуализации социальной психологии, усилившийся после Второй мировой войны и выразившейся в широком распространении идей американской экспериментальной социальной психологии. В данной теории С. Московичи, опираясь на идеи Э. Дюркгейма, Л. С. Выготского, Л. Леви-Брюля, Ж. Пиаже, В. Вундта, предлагает социальную интерпретацию социальной психологии.

Социальное представление – система ценностей, идей и практик, предназначенная для того, чтобы ориентировать индивидов в социальном и материальном мирах, а также для облегчения интрагрупповых коммуникаций между индивидами. Социальное представление имеет 2 аспекта – концептуальный и иконический. Концептуальный аспект рассматривается в связи со знанием и с языком, иконический подчинен концептуальному. Социальность социального представления заключается в том, что оно возникает в интерсубъектной реальности, развивается в социальном пространстве и действует как часть социальной жизни. Т. с. п. основана на эпистемологии, к-рая приносит в центр внимания динамическую взаимозависимость между культурно разделенными формами мышления, их передачей посредством коммуникаций и трансформацией посредством активности индивидов и групп.

Ключевое понятие Т. с. п. – социальное представление – восходит к коллективному представлению Э. Дюркгейма. Однако в отличие от коллективного представления, это динамическое образование, появляющееся и функционирующее в совр. обществе, к-рое характеризуется гетерогенностью позиций, социальной мобильностью, распространением науч. знания и новых форм коммуникации. В формировании коллективных представлений первична реальность, в формировании социальных представлений первичен коммуникативный процесс. В Т. с. п. различаются след. типы социальных представлений: руководящие – разделяемые всеми членами группы, единообразные и принудительные; эмансипированные – продукт циркулирующих знаний и идей, принадлежащих подгруппам, каждая подгруппа вырабатывает собственное представление; полемические – выработанные в ситуации социального конфликта или полемики, т. е. не разделяемые всеми членами общества, определяемые их антагонистическими отношениями.

Формирование социального представления происходит посредством 2 процессов – анкерки и объективации. В процессе анкерки странный и незнакомый объект представлений пересоздается в уже существующие ментальные системы индивидов. С помощью классификации или категоризации объект представления получает соответствующее имя, помещается в идентификационную матрицу культуры. Посредством объективации происходит превращение абстрактного в нечто конкретное и материальное. Абстрактный объект превращается в часть социальной реальности и становится осязаемым, доступным для коммуникации, приобретает плотность значений, к-рая допускает «натуральную» фиксацию объекта в умах людей. В результате объективации возникает фигуративное ядро, визуализирующее комплекс идей. Объективация может реализовываться в 2 формах: схематизации (или фигурации) и персонификации. Схематизация – ассоциирование объекта представления с визуализируемыми конструктами, персонификация – ассоциирование объекта представления с конкретной личностью. В Т. с. п. различают еще один аспект процесса объективации – натурализация (понятийный конструкт обретает физич. черты, представляется как феномен, имеющий физич. составляющую, становится осязаемым).

Осн. методологические подходы к изучению социальных представлений: 1) изучение влияния социальной структуры на выработку социального представления (Женевская школа Дуаза); 2) изучение регулятивной роли представлений в социальном взаимодействии (Парижская школа Жоделе); 3) анализ структуры представлений и их динамики (школа Экс-ан-Прованса Ж.-К. Абрика), в рамках данного подхода свою реализацию получила идея структуры социального представления. В его структуре различают: ядро и периферическую систему. Ядро – стабильная и устойчивая часть представления, связанная с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами. Ядро определяет структуру всего представления, придает ему смысл. Периферическая система конкретизирует значение ядра представления, это связующее звено между ядром и конкретной ситуацией, в к-рой вырабатывается и действует представление. Она характеризуется вариативностью и изменчивостью. В рамках этого же подхода исследуется динамика социальных представлений.

В Т. с. п. выделяется ряд направлений: 1) исследуется активность групп по конструированию значений и придания смысла объектам и явлениям окружающего мира (К. Эрлиш, Д. Жоделе, С. Московичи); 2) рассматриваются интергрупповые отношения (Ж.-П. Ди Гьякомо, В. Дуаз); 3) делается акцент на дискурсивном анализе (М. Биллинг, Р. Харре); 4) осн. внимание уделяется структуре представлений (Ж.-К. Абрик, П. Вержес, П. Молинер).

• *Донцов А. И., Емельянова Т. П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987; *Markova I.* Dialogicality and social representations. Cambridge, 2003; *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P., 1961; *Parales Quenza C. J.* On the structural approach to social representations // *Theory and psychology*, 2005. V. 15, № 1.

И. Б. Бовина

Раздел 3

Основные категории и понятия психологии общения

Аттракция (*лат.* *attrahere* – привлекать, притягивать) – понятие, обозначающее возникновение при восприятии человека человеком привлекательности одного из них для другого. Формирование привязанности возникает у субъекта как результат его специфического эмоционального отношения, оценка к-рого порождает разнообразную гамму чувств и проявляется в виде особой социальной установки на др. В эксперим. исследованиях изучаются механизмы формирования привязанностей и дружеских чувств при восприятии др. человека, причины появления положительного эмоционального отношения, в частности, роль сходства характеристик субъекта и объекта восприятия, а также той ситуации, в к-рой они находятся: напр., влияние на формирование А. формально-динамических характеристик (близость партнеров по О., частота встреч, расстояние между ними); влияние условий взаимодействия («помогающее поведение», совместная деятельность). А. является одним из 3 факторов (наряду с властными полномочиями и авторитетом), характеризующих «значимого другого».

• Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1994; Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб., 2003.

Л. А. Карпенко

Взаимодействие интересубъектное (межсубъектное, интересубъективное) – уровень и форма О., обусловленного субъективно значимыми для его участников мотивами, в процессе к-рого происходит взаимная активация (возбуждение) и актуализация (изменение, развитие) их субъектностей, взаимное откровение и пересечение внутр. субъективных пространств, символическое проникновение субъектов друг в друга, задевающее интрасубъективные, глубинные уровни психики. В отеч. лите ратуре чаще употребляется термин «интерсубъективное взаимодействие». Категория В. и. наиболее активно используется представителями интеракционистских направлений в психологии, социологии, философии. Общество предстает либо как совокупность неограниченных во времени и социальном пространстве взаимодействий (М. Вебер, Дж. Мид), либо как зарождающаяся из взаимодействий социальная структура (Т. Парсонс), либо как качественно иное состояние в виде интересубъективного мира (Э. Гуссерль, А. Шюц, Г. Марсель). В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса своеобразным интересубъективным идеалом является действие, ориентированное на взаимопонимание, обеспечивающее взаимное интересубъективное признание притязаний на значимость. У Г. Зиммеля общество представляет собой взаимодействие индивидов, создающих особое единство на основе относительно устойчивых и повторяющихся форм межчеловеческих взаимодействий.

Важное направление в изучении В. и. представлено теориями, описывающими его в понятиях «диалога», «встречи», «Я-Ты-отношения». Взаимодействие Я и Ты осуществляется в форме взаимопроникновения, из к-рого возникает нечто третье – бытие Мы (С. Франк). Отношение Я-Ты представляет собой онтологический диалог, взаимную «встречу» 2 субъектов, при к-ром первичным является не Я или Ты, а то, что «между» ними, взаимодействие (М. Бубер). Ж.-П. Сартр полагал, что единственная возможная связь между 2 сознаниями – взаимное отрицание, а посему результатом интересубъективного взаимодействия становится лишь моделирование искусств. реальности внутри подлинной субъективной. Ж. Лакан, напротив, расценивал В. и. с др. субъектом в кач. неперемного условия рефлексивного самопознания. В теории отраженной субъектности В. А. Петровского речь идет о взаимном полагании участников взаимодействия друг в друге, своеобразном воплощении и продолжении индивидуальной субъектности в Другом. Использование понятий «интерсубъектная отраженность» (представ-

ленность индивида в О. окружающих) и «отраженная интересубъектность» (представленность взаимодействий значимых людей в сознании индивида) выводит В. и. за пространственно-временные и содержательные рамки прямых контактов, продлевает его в сознании, деятельности и взаимодействиях индивидов.

При рассмотрении В. и. с т. зр. когнитивных межличностных процессов в центре внимания оказывается процесс интерпретации. В теории «зеркального Я» Ч. Кули анализируются взаимоотношения (взаимодействия) между личностными Я, подлежащими взаимной интерпретации. Согласно теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, мир, в к-ром находятся люди, является их общим, совместным продуктом, следствием постоянных психологически насыщенных взаимодействий. Результатом интересубъектных взаимодействий становится символический универсум – матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений.

Важной особенностью понимания В. и. многими отеч. психологами является выведение его природы из содержания совместной деятельности. М. С. Каган рассматривает межсубъектное взаимодействие как материально-практическое взаимодействие участников единого, коллективного деятельностного процесса, в к-ром участники выступают в кач. инициативно-самостоятельных субъектов. Использование категории В. и. представляется весьма продуктивным для объяснения соотношения *деятельности* и *О.*, в частности мотивации и организации совместной деятельности. Совр. психоанализ существенно переориентировался на признание роли В. и. в кач. определяющего фактора аналитического процесса. Важное значение имеют последствия интересубъективного взаимодействия между родителем и ребенком в первые годы его жизни (Дж. Лутс, И. Девизе, В. Жаке).

Среди совр. отеч. прикладных исследований В. и. следует отметить изучение взаимодействия в диаде в контексте ведения деловой беседы (Ю. М. Забродин), *имиджа* как феномена интересубъективного взаимодействия (Е. Б. Перельгина), возникновения смысловых структур в процессе В. и. как условия организации мышления и деятельности (П. Г. Щедровицкий), роли В. и. в становлении властно-подвластных отношений (В. А. Васютинский).

• *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб., 1998; *Каган М. С.* Мир общения: проблемы межсубъектных отношений. М., 1988; *Столорой Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж.* Клинический психоанализ. Интересубъективный подход. М., 1999.

В. А. Васютинский

Взаимоотношения – социально-психол. результат (продукт) О. В. вытекают из взаимно влиятельных воздействий людей друг на друга и переживания встречных отношений. Эти воздействия наполнены эмотивным содержанием психол. деятельности, к-рое включает эмоциональный отклик, оценки, переживания, состояния, мотивы, чувства и отношения партнеров. В. амбивалентны по знаку, они внутренне противоречивы, т. к. воплощают единство противоположных тенденций в человеческих отношениях. Их амбивалентность является источником парадоксальности психологии человека, что создает неопределенность в личных отношениях, готовых всегда поменять свой знак. В. влияют на групповые эффекты О., они являются продуктом взаимных усилий партнеров, субъективной реальностью наших чувств и состояний, к-рые мы носим в себе как отношение и переживание. Объективация этой реальности происходит в выразительном поведении человека знаково-символическими и языковыми средствами. В процессах О. происходит объективация внутреннего во внешне наблюдаемых формах выражения (экспрессии) и их отображения в интерпретации (высказываниях). В экспрессии внутр. состояния души (идеальная реальность) чаще репрезентируется произвольно в виде мимики и пантомимики, но может регулироваться субъектом О. в интерпретации под контролем сознания, хотя и автоматизированного. Если мимика и пантомимика – непосредственная объективация

внутреннего в материальных носителях внеш. облика, то интерпретация – когнитивно отоб-
раженная форма идеальной реальности, представленная в высказываниях. По внеш. облику
мы получаем представление об идеальной реальности внутр. мира партнеров – виртуальной,
существующей как отраженное явление идеальной реальности со всеми вытекающими из этого
обстоятельства изменениями.

В. образуют психол. среду совместной жизнедеятельности людей, к-рую принято назы-
вать «социально-психол. климатом». Основаниями классификации В. являются 4 категории,
используемые в психол. науке для систематизации ее знаний – *деятельность, О., отра-
жение, отношения*. По этим основаниям проявляются 10 классов В. (предметно-практиче-
ские и ролевые; коммуникативные и коллективистические; когнитивные, эмоциональные и
волевые; правовые, моральные и нравственные), к-рые неизменно присутствуют в любом
процессе социальном взаимодействии на всех уровнях. Каждый класс В. трансформируется
в специфические виды (сотрудничества-соперничества и ведущего-ведомого; общительно-
сти-замкнутости и дружбы-вражды; понимания-непонимания, любви-ненависти и независимо-
сти-подчинения; ответственности-безответственности, добра-зла, справедливые-несправдлив-
ые). В классификации названы только стержневые виды В., к-рые могут трансформироваться
в подвиды (помощи-противодействия, заботы-равнодушия, лидерства-конформизма, приня-
тия-отвержения, симпатии-антипатии, доверия-подозрительности, честолюбия-тщеславия и
мн. др.)

• *Панферов В. Н.* Восприятие человека в межличностном общении // Проблемы психол.
воздействия. ИВГУ, 1978; *Он же.* Диалог и общение // Человек в мире диалога. Л., 1990; *Он же.*
Классификация взаимоотношений людей // Современные проблемы прикладной социологии
и социальной психологии в трудовых коллективах. Л., 1984; *Он же.* Классификация функций
человека как субъекта общения // Психол. журн. № 4. 1987; *Он же.* Психология взаимоотно-
шений в бригадах // Социально-психологические резервы повышения деятельности трудового
коллектива. М., 1989.

В. Н. Панферов

Внушение – способ влияния, к-рый основывается на некритичном восприятии чело-
веком поступающей информации. В., как и убеждение, направлено на снятие своеобразных
фильтров, стоящих на пути к новой информации и оберегающих человека от заблуждений и
ошибок. В отличие от убеждения, В. предполагает усвоение объектом В. сообщения без требо-
вания доказательств его истинности. При В. слова субъекта В. вызывают именно те самые пред-
ставления, образы, ощущения, к-рые внушающий имеет в виду. При этом складывается ситу-
ация, когда полная ясность и безоговорочность указанных представлений требует действий с
той же необходимостью, как будто эти представления были получены прямым наблюдением.
Принятое без критического осмысления, внушенное человеку поведение может не согласо-
вываться с его убеждениями, привычками, наклонностями. В то время как убеждение, явля-
ясь воздействием в значительной степени интеллектуальным, апеллирует в осн. к знаниям и
опыту слушающего, В., носящее эмоционально-волевой характер, основывается на вере (или
на доверии – разница здесь лишь в степени некритичности восприятия слов и поступков зна-
чимого другого). В обыденной жизни В. происходит повседневно в процессе О. между людьми.
Характеризуется тем, что один человек, не обосновывая выдвигаемые им положения, добива-
ется реального, а не формального принятия их др. человеком. Степень внушаемости индивида
определяется уровнем развития его личности, его самосознания и самооценки, силой воли,
а также особенностями межличностных отношений в группе, и в частности, отношением к
субъекту В.

Чаще всего некритическое отношение к информации возникает в том случае, когда она
передается референтным для объекта В. лицом. Вместе с тем источником В. вовсе не обяза-

тельно должен быть давно и хорошо знакомый человек; порой бывает достаточно уверенных манер, голоса, категоричности речи. Особенно усиливают эффект В. средства массовой информации, к-рые расцениваются многими людьми как фильтр на пути недостоверных сведений. С низкой критичностью мышления и восприятия связаны такие личностные характеристики, как доверчивость и консерватизм. Степень внушаемости в значительной степени зависит от возраста. Уровень критичности тесно связан с объемом знаний, поэтому с накоплением индивидуального опыта критичность возрастает. Рост критичности в процессе онтогенеза приводит к росту креативности, однако связанное с ним снижение внушаемости обуславливает трудности контроля за поведением детей. Большое значение для развития критичности имеет стиль родительского воспитания. В том случае, когда родители включают детей в обсуждение семейных проблем, ограничивают вмешательство в их дела, умеют относиться к ним как к равным, внушаемость детей низка. И наоборот – чем больше родители контролируют поведение детей, добиваясь полного следования своим предписаниям, тем внушаемость выше. В равной степени это относится и к жизни общества. В странах с тоталитарным или авторитарным режимом мера критичности людей к поступающим к ним сведениям, будь то слухи или сообщения СМИ, в целом значительно ниже, чем в либерально-демократических государствах. Это связано с тем, что многие области обществ. бытия в недемократических обществах закрыты для критики, а установки на ограничение критики в любой сфере неизменно сказываются на общем уровне критичности тех, кто воспитан в этих условиях.

• *Бехтерев В. М.* Внушение и воспитание. Пг., 1923; *Дубов И. Г.* Такое многоликое влияние. М., 1989; *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения. М., 2001; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 1999.

И. Г. Дубов

Воздействие (в психологии) – целенаправленный перенос движения, информации или др. (в т. ч. материальных) агентов от одного участника взаимодействия к другому. В. может быть непосредственным (контактным), когда движение и заключенная в нем информация передаются в форме импульса движения (напр., прикосновения или удара), и опосредованным (дистантным), когда информация и закодированный в ней импульс движения передаются в форме комплекса сигналов, несущих сообщение о чем-либо и ориентирующих воспринимающую систему относительно смысла и значения этих сигналов. По степени изменения в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях субъекта, на к-рого было направлено В., можно судить о степени влияния на него воздействующего субъекта (или объекта).

• *Андреева Г. М.* Социальная психология. 3-е изд. М., 1994; *Ковалев Г. А.* Психологическое воздействие: системно-экологический анализ. М., 1989.

Л. А. Карпенко

Диалог (гр. διάλογος – разговор, беседа) – обмен репликами, взаимосвязанными по содержанию мыслями-суждениями между 2 и более людьми (последний случай иногда называют полилогом). Исследования Д. ведутся в разл. отраслях знания (философии, культурологии, педагогике), в русле разл. направлений – в культурно-исторической школе Л. С. Выготского, символическом интеракционизме Дж. Г. Мида, психоанализе З. Фрейда, в работах Ж. Пиаже, *М. М. Бахтина*, Л. П. Якубинского и др. В Д. как сложном речевом комплексе, в состав к-рого входят цепи переплетающихся и параллельных реплик, можно выделить внеш. Д., когда репликами обмениваются реальные собеседники, и внутр. Д., когда репликами обмениваются с некими отсутствующими или воображаемыми партнерами. Д. имеют разл. характер: фатический, информационный, дискуссионный, исповедный (*А. В. Мудрик*).

Фатический Д. – обмен речевыми высказываниями единственно для поддержания контакта – был описан английским этнографом Б. Малиновским, к-рый отмечал, что в нек-рых

архаичных культурах фатическое О. имеет характер ритуала, ибо создает индивиду ощущение сопричастности своим соплеменникам. Фатический Д. весьма распространен и в модернизированных обществах, выполняя функцию поддержания благополучного самоощущения человека в отношениях с окружающими, позволяя людям обмениваться эмоциональными ценностями разл. уровня, используя при этом минимум лексических единиц и не сообщая друг другу никакой информации, кроме сообщения «я с вами» и «мы с тобой». Особо важен фатический Д. для подростков и старших подростков. Фатический Д. также может быть внеш. и внутр. В последнем случае в кач. партнера выступает, как правило, реальное лицо, О. с к-рым невозможно из-за его пространственной отдаленности или из-за сложившихся с ним отношений.

Информационный Д. – обмен информацией самого разл. свойства, почерпнутой из самых разных источников, к-рый происходит между людьми. Информационный Д. также присущ как внеш., так и внутр. О. В последнем случае человек «информирует» сам себя, другие Я, воображаемого или реального партнера, отсутствующего в данный момент, о своих действиях, намерениях, переживаниях или о чем-то ином. Дискуссионный Д. возникает при столкновении разл. т. зр., в случае, когда проявляются различия в интерпретации тех или иных фактов, событий и т. д. Дискуссионный Д. сопутствует О. во всех сферах жизнедеятельности, ибо взаимодействие в каждой из них обычно требует согласования индивидуальных усилий партнеров, что, как правило, происходит в процессе дискуссии. Довольно часто дискуссионный Д. возникает во внутр. О. Внутр. дискуссии человек ведет как с другими Я, так и с воображаемыми или реальными лицами. Внутр. дискуссионный Д. дает человеку возможность встать в позицию исследователя по отношению к др. персонажу, к его действиям и мыслям. Исповедный Д. происходит в доверительном О. с друзьями, с любимыми, с супругом или супругой, когда человек старается быть предельно откровенным, стремится разделить с собеседником свои чувства, переживания. Исповедный Д. во внутр. О. имеет место тогда, когда в уединении человек проигрывает многочисл. роли, недоступные ему в реальной жизни, общается с вымышленными или реальными, но недоступными для него партнерами или даже с примышленными фантастическими партнерами. Внутр. исповедный Д. реализуется в фантазиях, играх-грезах и мечтах.

Каждый человек на разных этапах социализации участвует в диалогах всех типов; каждый последующий тип Д. может быть признан более глубоким по содержанию и эмоциональности О.

• *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. 1989; *Мудрик А. В.* Общение как фактор воспитания школьников. М., 1983; *Соковнин В. М.* Интракоммуникативные аспекты социализации личности / Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974; *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Русская речь. СПб., 1923.

А. В. Мудрик

Диалог в пространстве и времени общения. Проблема «пространство-время-диалог» вводит Д. как предмет изучения в пространство движущихся, меняющихся предметов и этим делает возможным изучение Д. как в процессе движения, так и по поводу движущихся предметов. Предметом Д. становится процесс, движение, изменение, а это позволяет перейти к рассмотрению длительности – центрального понятия для всей темы времени. Время позволяет раскрыть сложную многоуровневую систему процессов в окружающем мире, представленную в психике человека: восприятии, движениях, речи, мышлении, эмоциях и т. п. В Д. их сложность значительно увеличивается за счет процессов, развертывающихся со стороны каждого участника, вследствие качественной новизны совместных процессов Д. Многослойность, разнонаправленность и противоречивость индивидуальных процессов увеличивает неопределенность Д. Др. человек отличается не только пространством, но и временем, темпераментом, языковым опытом и словарным запасом, умением формулировать мысли или пользоваться метафорой. Внеш. временные рамки: Д. может возникнуть неожиданно, случайно при встрече, именно из-

за ее неожиданности, а может стать результатом длительной подготовки. Возможны и др. условия Д., но он всегда заключен во внеш. временные рамки. Участники прекращают Д., если он выходит за рамки сроков дел, внеш. по отношению к нему. Д. должен быть синхронизован с внеш. процессами. Но возможно говорить и о синхронизации внутри Д. Такая внутр. синхронность есть временная сторона Д., поскольку она делает возможным сам Д.: переживание-выражение, с одн. стор., и понимание – с другой.

Для психологии труда, прикладной психологии представляется необходимым рассмотрение Д. в рамках технологического процесса. Здесь потребуется полный набор временных терминов (срок, длительность, событие, ритм, последовательность, одновременность и др.). Функции Д. в ходе выполнения рабочих операций по управлению процессом: обеспечение норм. течения и успешного завершения технологического процесса; упорядочение, организация действий участников; руководство действиями партнера; синхронизация выполняемых технологических операций с предстоящими и текущими процессами; выдерживание длительности, сроков и ритмов управляемого процесса. Свободный Д., совершаемый вне рамок технологического процесса, определяется эмоциями участников, предполагает возможность выражения своих переживаний, высказывания одного из участников при внимательном выслушивании другим и требует актов понимания. Временной режим такого Д. допускает ускорение и замедление, повторы и разъяснения. Свободный Д. квантуется актами высказывания, переживания и выражения, внимания, сопереживания, сочувствия и понимания; эти акты выступают в кач. внутр. единиц Д. и выполняют роль синхронизаторов. Однако различия между людьми порождают асинхронию внутри Д.

Любой Д. предполагает внеш. синхронизацию. Различие жизненных процессов разных людей становится основой внеш. асинхронии между участниками Д. Различны жизненные истории, различен индивидуальный опыт на всех уровнях – социальном, личностном, мнемическом (Лактионов, 1998). Синхронизации в свободном Д. отличаются от синхронизаций внутри Д., к-рый ведут участники совместной деятельности внутри технологического процесса. Элементы технологического процесса делают акты Д. более точными. Участники Д., вынужденные выполнять точные действия внутри технологического процесса, дают точные оценки высказываниям друг друга. Свободный Д. спонтанен и похож на творческий процесс: люди эмоционально вовлечены в Д. и забывают о времени.

Длительность – это характеристика жизни каждого из участников Д. в условиях, когда они выполняют деятельность, к-рая сама по себе также является мерой их жизненного процесса, к-рый в свою очередь разворачивается среди множества процессов в мире. Цели, замысел, ход, препятствия, результаты становятся в Д. предметом обсуждения. Д. разворачивается на эмоциональном фоне: оскорбление, обида, конфликт, отказ от сотрудничества, сдержанное участие в коммуникативном процессе или, с др. стор., стремление к сотрудничеству, удовлетворение. В технологическом процессе предметом Д. становятся и эмоциональный фон, и характер исполнения деятельности или даже формы. Исследование Д. приводит к такому представлению о времени, где синхронизация, срок, ритм становятся менее значимыми понятиями по сравнению с длительностью, ее содержанием и переживанием ее людьми, озадаченными ею. На первый план такого рассмотрения выходит спонтанность, а систематически организованная упорядоченность отступает на задний план. Д. – отрезок жизненного процесса каждого участника. Вплетенный в совместную деятельность, выполняемую по опр. технологии, Д. становится открытой, развернутой формой полисубъектного сознания и обнаруживает многоуровневую организацию времени. В Д. сознание проявляется в речевой деятельности – в развернутых суждениях, со стремлением одного участника выразить свое переживание, а другого – понять то, что сообщает говорящий. Рассмотрение Д. показывает, что сознание полисубъектно. Результат деятельности представлен субъекту в множестве целей, которое должно быть схвачено временной формой.

• Орлова М. Ю. Антиномии диалогического дискурса. Владивосток, 2003; Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. The Motivation to Work. N. Y., Wiley. 1959.

Ю. К. Стрелков

Диалогическое общение – О. и взаимодействие между людьми, к-рое осуществляется в соответствии с принципами, законами и механизмами психологии диалога. Если традиционно представление о Д. о. сводится к разговору двух людей, попеременному обмену высказываниями и репликами (действиями, жестами и т. п.), то в совр. отеч. психологии Д. о. понимается как межсубъектный (интерсубъектный) феномен О. и взаимодействия, возникающий лишь при определенных условиях. Д. о. реализует подлинное взаимопонимание и взаимораскрытие субъектов О. Оно раскрывает уникальность человеческой индивидуальности, утверждает достоинство (самоценность) и самодостаточность каждого, способствует развитию личности и создает возможности для творчества и самоактуализации. Принципиально важным для понимания природы диалога является этимологический анализ термина «диалог», согласно к-рому «диа-лог» (от гр. διά-λογος) буквально можно перевести как «разные логосы», как «разно-словие», «разные логики (разные позиции и т. зр.)». Д. о. – это такое словесно-речевое взаимодействие между людьми, в к-ром «разные логосы» (слова, речи, позиции, логики) образуют целостное единство человеческого разговора и межчеловеческого бытия. Причем первая часть слова «диа-лог» происходит не от приставки «ди-» (два), а от гр. префикса «диа-», к-рый означает «разный», «между», «через». Следовательно, содержание понятия «диалог» заключается не столько в том, что в разговоре участвуют два индивида (как в «диаде» состоящей из двух человек), сколько в том, что точки зрения (логика, смысловые позиции) двух или неск. общающихся человек являются разными, но необходимыми и дополняющими друг друга.

В XX в. зарубежные мыслители М. Бубер, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, Э. Левинас, О. Розеншток-Хюсси и др. осуществили философские исследования, в к-рых раскрывается подлинная глубина и многогранность феномена диалога. Оригинальные и фундаментальные представления о диалогической природе межчеловеческих отношений и сущности человеческого бытия были разработаны и в трудах отечественных философов М. М. Бахтина, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, В. С. Библера и др. Филос. и психол. исследования показывают, что Д. о. отличается рядом признаков и создает особые отношения между людьми, где отношения Я и ТЫ являются их онтологически-антропологической реальностью. М. Бубер и М. М. Бахтин пришли к выводу, что понятия диалога и монолога являются не столько лингвистическими понятиями, сколько экзистенциально-онтологическими, духовно-антропологическими категориями. Но и с позиции наук о языке далеко не всякое О. является диалогом. О. может быть не только диалогическим, но и монологическим. Возможны и разнообразные промежуточные формы О., напр., диалогизованные монологи и монологизованные диалоги. Существует много опосредованных и превращенных форм Д. о., понимание к-рых требует более широкого взгляда на природу и формы человеческого О. В лингвистическом плане диалог – это форма речевой деятельности, т. е. диалогическая речь, сущность и содержание к-рой принципиально отличается от особенностей монологической речи. Напр., Л. П. Якубинский понимает диалог как последовательность перемежающихся форм взаимодействия, осуществляющихся посредством сравнительно быстрой смены акций и реакций взаимодействующих индивидов. В содержательном плане диалог представляет собой разговор на обыденные и деловые темы, для к-рого характерны сравнительно быстрый обмен взаимообусловленными репликами. В диалогической речи нет предварительной заданности и обдумывания реплик, отсутствует и преду-мысленная связанность в их построении.

Д. о. является сложным по отражению, личностным по содержанию и открытым по способу обращения людей друг к другу. Оно оптимально с т. зр. коммуникации и обладает развивающим, воспитывающим и творческим потенциалом и в О. взрослых с детьми и в О. самих

взрослых. По мнению Г. А. Ковалева, Д. о. и диалогические отношения отличает равноправие субъектов О., априорно-безусловное принятие ими друг друга, ориентацию на индивидуальную неповторимость каждого. Нормативами и принципами организации Д. о. являются эмоциональная и личностная открытость партнеров по О., настрой на состояния друг друга, безоценочность, доверительность и искренность выражения чувств и состояний.

Несмотря на сравнительную новизну диалогического подхода к исследованию О. и необходимость дальнейшей разработки и изучения самого Д. о. его основные положения применимы к анализу массовой коммуникации, межгруппового О. и О. культур. Выявлены опр. психол. механизмы и эффекты нарушения этих типов коммуникации, к-рые указывают, что именно «сбой» диалогической составляющей приводит к подобного рода нарушениям.

• Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Дьяконов Г. В. Основы диалогического подхода в психологической науке и практике. Кировоград, 2007; Ковалев А. Г. Активное социальное обучение как метод коррекции психологических характеристик субъекта. М., 1980; Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. Минск, 1988; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т., Т. 1. М., 2003.

Г. В. Дьяконов, Т. И. Пащукова

Дискурс (*фр.* discours – речь) – речь в условиях реальной коммуникативной практики, живого О., связанная с опр. ситуацией и социокультурным контекстом, речь, «погруженная в жизнь». Термин Д. вошел в науч. обиход в 1970-е гг. В настоящее время интерес к проблематике Д. объединяет психологов, лингвистов, социологов, антропологов, этнографов, филологов. Анализ Д., или дискурс-анализ, связан с осмыслением разговорной практики, форм речевого О., бытующих в разл. ситуациях и социокультурных контекстах. Термин Д. пришел в психологию из филологии, и его трактовка претерпела значительную эволюцию: если в 1970–1980-е гг. Д. во многих работах понимается как последовательность связанных по смыслу предложений и употребляется практически синонимично термину «текст», то в дальнейшем эти понятия дифференцируются. Д. и текст противопоставляются как процесс и продукт речевого О., динамичное и статичное. Акцентируя коммуникативный характер явления, его чувствительность к контексту социальной ситуации, в понятие Д. включают ситуационные, психол., социальные, культурные факторы, существенные для его производства и понимания. Д. характеризуется как сложное коммуникативное явление, соотношенное с ситуационным и социокультурным контекстом, знаниями, установками, целями коммуникантов (Ю. Н. Караулов, Т. ван Дейк). Это компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (Н. Д. Арутюнова), «коммуникативное событие в прагматическом контексте» (Т. ван Дейк), социальная деятельность в условиях реального мира (Р. Харре, Дж. Поттер).

Разнообразие трактовок обнаруживает многогранность явления. Как и «коммуникация», «понимание» и др. широко употребляющиеся понятия, Д. допускает разл. науч. интерпретации. Одной своей стороной он обращен к ситуации (собеседники, вступая в коммуникацию, имеют опр. цели, на достижение к-рых направлен Д., он обращен к ситуации также в том смысле, что разл. социокультурный контекст задает правила ведения разговора и адекватные формы выражения), др. своей стороной Д. обращен к человеку. Коммуниканты вступают во взаимодействие, оказывают воздействия, реализуют власть. Д. отражает представления говорящих о мире, их мнения, отношения, установки, интенции. В понятие Д. включаются также когнитивные факторы, обеспечивающие оперирование вербальным мат-лом.

Широкое понимание Д., охватывающее разные его стороны – объективную, субъектную, интересубъектную, делает это понятие «своим» для многих науч. направлений и школ, имеющих разл. корни. Так, изучение культурно-символических и социально-психол. аспектов человеческой деятельности в Д. во многом стимулировали идеи постструктурализма, работы К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ж. Лакана. Большое влияние на становление

данной науч. области оказала этнометодологическая традиция в социологии, ориентированная на изучение повседневного разговора и положившая начало совр. конверсативному анализу (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон и др.). Широко востребованы в исследовании Д. идеи символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, Э. Гоффман) и социального конструкционизма (Р. Харре, Дж. Шоттер, К. Джерджен), к-рые получают развитие, в частности, в рамках дискурсивной психологии (Р. Харре, Дж. Поттер, Д. Эдвардс).

В филологических науках отмечается обращение к Д., стремление исследовать не абстрактный язык, не речь «как таковую», а живую речь в условиях реального О., во многом обусловленные установками системного подхода, исследованиями О., развернувшимися в 1980-е гг. Развитие подходов к Д. подготавливали исследования семантики текста (Н. И. Жинкин, Т. ван Дейк, В. Дреслер, П. Вундерлих), прагматические теории (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Грайс). Истоки теории Д. усматривают также в работах М. М. Бахтина, в исследованиях разговорной речи (Е. А. Земская, О. А. Лаптева, О. Б. Сиротинина), в психолингвистических теориях, моделирующих процессы оперирования текстом (Т. ван Дейк, В. Кинч, А. А. Леонтьев, Т. Н. Ушакова). Синтез этих и др. представлений и теорий, касающихся процессов коммуникации, их связи с личностью, когнитивной сферой, социумом и культурой, оказался плодотворным для изучения Д., составив концептуальную базу ряда подходов.

При всем различии школ и направлений в фокусе исследований находятся способы организации Д., естественные дискурсивные формы. Отсюда большое внимание к методическим вопросам: значимость приобретают не только аналитические приемы и техники, но и процедуры сбора, обработки, транскрипции мат-ла. Психосоциальная природа Д. требует особых, нетрадиционных подходов, наиболее релевантны качественные интерпретативные методы науч. анализа. Можно говорить о комплексе общих идей, в совокупности характеризующих сложившиеся исследовательские установки. Получило распространение представление о неадекватной суженности информационно-кодовой модели О.: смысл, к-рый передается высказываниями и вовсе не обязательно осознанно и намеренно в них вкладывается, подлежит интерпретации. Он выводится адресатом, исходящим из ситуации, знания собеседника, коммуникативных конвенций. Соответственно, расширяется представление о системе знаний – «коммуникативной или дискурсивной компетенции», к-рая необходима, чтобы включаться в речевое О. Помимо знания языка, правил построения предложений и их соподчинения, коммуникативная компетенция включает: знания о мире, о контекстах и ситуациях, правила О., прагматические правила, относящиеся к способам достижения коммуникативных целей и мн. др. Все более широко востребуется понимание Д. как конституирующего элемента культуры, социальных отношений, образа Я и Других.

Тем самым представление о закономерностях формирования и передачи смысла, о том, что должен знать и уметь человек, включающийся в коммуникативную практику, значительно усложнилось и расширилось. Это поднимает новые вопросы, касающиеся механизмов формирования и функционирования Д.: вопрос об изучении соответствующих способностей, проблемы понимания, в т. ч., понимания интенционального аспекта речи; изучение тонкой организации Д., включенной в механизм взаимодействия собеседников; влияние факторов ситуации и социальной принадлежности коммуникантов. Эти и др. вопросы рассматриваются сейчас в психол. исследованиях, в т. наз. конверсативном анализе, в прагматических и социолнгвистических исследованиях, с позиций дискурсивной психологии (*исследования дискурса в ИП РАН*).

• Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998; Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Касавин И. Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология & философия науки. М., 2006. Т. 10; Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М., 2007; Harre R., Stearns P. (Eds). Discursive Psychology in Practice. L., 1995.

Н. Д. Павлова

Заражение (в социальной психологии) – способ влияния, основывающийся на общем переживании массой людей одних и тех же эмоций. З. может обладать разл. степенью произвольности. При наличии обратной связи З. способно нарастать в силу взаимной индукции, приобретая вид циркулярной реакции. Для З., как и для внушения, характерно сужение сферы сознательного восприятия. Этот феномен чаще всего возникает в толпе, когда люди, руководствуясь лишь своим эмоциональным состоянием, действуют на основе информации, принятой без должного анализа, а то и просто слепо повторяют действия др. людей. К наиболее известным формам З. относят проявления реакций спортивных болельщиков («фанатов»), группового религиозного экстаза, общую панику, а также агрессивные действия толпы. Будучи похоже на внушение, З. принципиально отличается от него тем, что при внушении человек, оказывающий влияние, не обязательно чувствует то же, что и окружающие, а в условиях психол. З. каждый индивид, становясь источником З., ничем в этом плане не отличается от тех, кого он заражает своим состоянием. Различия между внушением и З. заключаются еще и в том, что З. носит спонтанный характер, а внушение – почти всегда акт преднамеренный. Внушающий очень хорошо знает, чего он хочет добиться от других. В этой связи внушение, как правило, представляет собой речевое воздействие, в то время как З. немыслимо без невербальных средств, таких как музыкальные ритмы, жесты и т. п. Наиболее легко заражаются настроением окружающих дети. Достаточно, напр., чтобы окружающие развеселились, и ребенок тотчас же начинает смеяться, часто не зная и не понимая причины веселья взрослых. Способность к сопротивлению индивида З. зависит от уровня развития его личности, самосознания, сформированности Я, наличия опыта поведения в экстремальных ситуациях.

• *Дубов И. Г.* Такое многоликое влияние. М., 1989; *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения. М., 2001; *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1892; *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 1999.

И. Г. Дубов

Игра как форма общения. Анализ игры как системы отношений достаточно широко представлен в зарубеж. психол. концепциях и направлениях (необихевиоризм, неопрейдизм, интеракционизм, гуманистическая психология, психодрама, социальный конструктивизм и др.), но в отеч. психологии это понятие получило наибольшее распространение только в детской психологии. Для отеч. социальной психологии более характерно выделение видов О. и противопоставление личностно опосредованного (интимного, доверительного и т. д.) О., в опр. степени соответствующего диалогу, и социально ориентированного (этикетного и т. п., и игрового в т. ч.). В последнее время в отеч. психологии прослеживается интерес к игре как к форме духовной деятельности и форме О. в связи с тем, что игра – важная и жизненно необходимая форма О., связанная с человеческим бытием, развитием культуры (Й. Хейзинга). Она необходима для социальной жизни индивидуума и социума, обеспечивая социальную адаптацию к конкретным обществ. и социальным условиям. Она крайне важна на первоначальных этапах филогенеза, онтогенеза, создания группы, в обучении новым знаниям, навыкам и т. д. Интериоризованные и принятые в процессе игры ценности трансцендируются другим и придают значимость социальным нормам.

Игра – форма О., к-рая дана человеку (ее правила выработаны сообществом), роли – безличны. Смысл игры в ней самой, в отличие от диалога все внимание партнеров, к-рые могут быть заменены, сосредоточено на исполнении правил. Игра характеризуется повторяемостью, временной и пространственной организацией. Если в ней усваиваются базовые (общечеловеческие) ценности, она сопровождается бытийными переживаниями. Но игра может носить и элемент напряжения, связанный с контролем за ее «исполнением». С позиций онтопсихологии О. игра – ценностно-смысловая форма О., определяющим признаком к-рой является при-

общение к социокультурным и обществ. ценностям. Она характеризуется социально-функц. равенством, отношением к другому как к исполнителю социальных функций, выработанных обществом. Предназначение игры – объединение людей за счет формирования социального Мы, переживаемого как сопричастность к совместной жизнедеятельности. Благодаря этому усваиваются социальные нормы и ценности, что способствует адаптации к конкретным социокультурным и обществ. условиям, а также развитию социальных групп и индивидов в этих условиях.

В связи с социальностью человеческой жизни игра – самая распространенная форма О., но кроме собственных специфических характеристик она содержит характеристики, к-рые сближают ее с др. формами О. С диалогом ее объединяет наличие «равенства», а с манипуляциями ее сближает вынужденная личностная закрытость в связи с выполнением социальной роли или статуса. Игра, в опр. степени обезличивая партнеров, «спасает» от манипуляций, т. к. жесткое следование правилам не нарушает взаимности, задаваемой социально-функц. равенством. Поскольку игра ограничена во времени, она динамична и не может существовать долго. Возможность взаимопереходов между формами О. связана с глубиной погружения в него: начинаясь с формальных, ролевых контактов, центрированных на «исполнении» правил, по мере разворачивающегося процесса игра может приобретать в большей или меньшей мере форму диалога или манипуляции. Наполняясь ценностно-смысловым содержанием, соответствующим диалогу, она переходит в диалог и по форме. Наполняясь манипулятивным содержанием, она переходит в манипуляцию как форму О.

• *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992; *Бобнева М. И.* Нормы общения и внутренний мир личности // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общая редакция А. Л. Свенцицкого. СПб., 2000; *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М., 1992; *Эльконин Б. Д.* Психология игры. М., 1978.

Л. И. Рюмина

Имидж субъекта общения. В совр. отеч. литературе даются определения И. как «визуального образа» (В. М. Шепель), «мнения» (А. Ю. Панасюк), «символического образа субъекта» (Е. Б. Перелыгина) и др. Мат-лы организованных Академией имиджелогии 8 Межд. симпозиумов по имиджелогии (2003–2010 гг.) показали, что общепринятой дефиниции на данный момент нет. Согласно развиваемой позиции, являясь феноменом индивидуального, группового или массового сознания, И. функционирует как образ-представление, в к-ром соединяются в сложном и опр. взаимодействии внеш. и внутр. характеристики объекта социального познания. И. субъекта выражает впечатление, к-рое производит его носитель на реципиента. И. субъекта тесно связан с О. Являясь сложным социально-психол. феноменом, он может существовать и относительно независимо от ситуации непосредственного О. в текущий момент времени. И. включает в себя *семиотическую, аффективную, когнитивную и собств. перцептивную* составляющие и обладает рядом свойств: *относительной константности, динамичности, ассоциативности, схематичности, открытости (незавершенности) и др.* И. может изменяться и улучшаться во времени, тогда как сам субъект может остаться практически неизменным или изменяться в ином направлении. В целом И. всегда есть в известном смысле символический образ-представление, к-рый может быть связан с реальностью в очень широком диапазоне – от раскрытия до полуправды, искажения и полного несоответствия реальным качествам носителя И. Кроме того, И. возникает только тогда, когда его объект-носитель становится «публичным», т. е. когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия и О. Напр., для возникновения И. депутата необходим хотя бы один потенциальный избиратель.

Применительно к содержанию И. человека речь идет об интеграции его социальных, профессиональных, психол. и собств. относящихся к внеш. облику характеристик. При этом И. складывается как *прямо* на основе тех отдельных впечатлений, к-рые производит субъект на окружающих в результате его наблюдения, О. и взаимодействия, так и *косвенно*, на основе тех мнений, к-рые передаются по коммуникативным каналам. *Косвенная имиджформирующая информация* – это информация через третьи руки. К потокам косвенной имиджформирующей информации можно отнести сплетни, слухи, журнальные и газетные статьи, высказывание каких-либо мнений об этом человеке авторитетным лицом и т. д. Собств., второй путь и позволяет, напр., мнению о человеке формировать его И. задолго до влияния непосредственных впечатлений от О. с ним. И. есть у каждого члена общества, и даже не один. Набор персональных И. обусловлен количеством тех социальных групп, в к-рых входит субъект и где формируется впечатление о нем. Кроме более или менее сложившихся в отдельных группах И., каждый человек порождает массу ситуативных образов. С др. стор., персональные И. не существуют сами по себе лишь как образы-представления конкретного человека. Они взаимосвязаны с опр. стереотипными И. социальных субъектов. В массовом сознании в каждый истор. момент существует открытое (это важно подчеркнуть) поле имиджей, различающихся как содержательно, так и мерой стереотипности входящих в него характеристик. Это поле включает подсистемы разл. социально-групповых, профессиональных, половых, возрастных, этнических и др. категорий персональных И. Поле интегрирует архетипичные и совр., традиционные и модные образы-представления.

В ситуациях прямого возникновения И. его формирование происходит вследствие наблюдения, О. и взаимодействия с объектом. В случаях косвенного формирования И. его отнесенность задается терминологически через определенное мнение. Отдельные И. в общем семантическом пространстве менталитета находятся в сложном соотношении, иерархизируясь по разл. основаниям. Согласно предложенной Е. А. Петровой трехфакторной модели построения имиджелогического пространства, каждый И. при его восприятии оценивается в сознании реципиента в системе 3 интегральных векторов: «статусность», «оценка» и «значимость – близость». При исследовании отдельных категорий И. исходные универсальные шкалы наполняются как в количественном, так и в качественном плане разл. характеристиками. Специфика этого наполнения имеет социально-культурную детерминацию и динамично варьируется у одних и тех же социальных категорий реципиентов, одномоментно различаясь у представителей разных половозрастных, профессиональных, этнических и др. групп. Проведенные под рук. Е. А. Петровой исследования И. полит. деятелей (Е. В. Емельянова), учителей и педагогов вуза (Н. М. Шкурко, И. П. Чертыкова), звезд эстрады (В. В. Белобрагин), руководителей (Т. Н. Матвеева), музеев (И. И. Степанова, Д. В. Семенов), вузов (Е. Б. Карпов, А. А. Родионова, А. В. Романова, И. П. Чертыкова), стран (О. П. Горбушина, А. В. Романова, А. А. Родионова) подтверждают правомочность предложенной модели.

• Известия академии имиджелогии. М., 2005 Т. 1, 2.; Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности. М., 2008.

Е. А. Петрова

Интеллект в общении. Интеллект (И.), с одн. стор., является важным фактором О., во многом определяющим характер взаимодействия людей, а с др. стор., сам в значительной мере формируется в О. Собств. человеческое О. предполагает наличие у общающихся опр. уровня И. И. обеспечивает формирование представлений о мире, обмен к-рыми входит в кач. важнейшей стороны в О. Кроме того, с уровнем И. связаны интересы личности, направленность ее мотивации и т. д. При асимметричных формах О., напр., при О. взрослого с ребенком, возможно существенное неравенство И. партнеров. Однако в общем случае наилучшее взаимопонимание достигается при близости уровней И. Этим феноменом определяется, по-

видимому, наблюдаемый факт наличия значимых корреляций по И. между супругами. К аналогичному выводу – оптимальное О. предполагает близость уровней И. партнеров – приводит анализ исследований мира человеческих профессий. Эти исследования показывают, что И. лучше предсказывает успех в деятельности с неживыми объектами (в профессиях «человек – объект» и «человек – знак»), чем в О. с др. людьми (профессиях «человек – человек»). В ряде профессий, где О. с людьми играет первостепенную роль, связь И. с успешностью оказывается нелинейной. Так, исследования успешных лидеров в США показали, что для них существует оптимальный уровень И., неск. превышающий средний уровень группы, но не очень далеко его превосходящий. Об этом говорят и результаты Д. Саймонтона, извлеченные им из ретроспективных оценок И. выдающихся людей прошлого Л. Терменом и К. Кокс. Особый случай – О. интеллектуально одаренных детей и подростков. Специалисты по одаренности отмечают, что при очень высоких уровнях И. у детей и подростков, у них возникают проблемы в О. со сверстниками. В исследовании Д. В. Ушакова и его коллег эта т. зр. в общем виде не нашла подтверждения, однако было показано, что проблема одиночества оказывается острой для тех интеллектуальных подростков, к-рые рано и интенсивно начинают заниматься абстрактными науками (математикой, физикой).

Принцип соответствия уровней И. общающихся для оптимизации О. находит свое подтверждение даже в ситуациях школьного обучения. В кросс-культурном исследовании, выполненном под рук. В. Н. Дружинина, было показано, что высокоинтеллектуальные учителя предпочитают высокоинтеллектуальных учеников, в то время как низкоинтеллектуальные – учеников со средним уровнем развития И. В целом необходимо отметить, что связь И. с О. опосредована ситуацией О. В большинстве случаев оптимальное О. достигается при близком уровне развития И. партнеров, однако вероятно, что более детальное исследование ситуаций О. может привести к выявлению также и др. соотношений, напр., случаев, когда наибольшая успешность О. достигается при взаимной дополнительности уровней И. партнеров.

Особого рассмотрения заслуживает роль в О. социального и эмоционального И. Понятие социального И. было введено Э. Торндайком в 1920 г., понятие эмоционального И. – Д. Майером и П. Саловеем в 1990-е. Под первым понимается способность понимать др. людей, а часто – также и вести себя адекватно в разл. социальных ситуациях. Под вторым – способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. Логично предположить, что понимание др. людей, своих и чужих эмоций играет первостепенную роль в О. Действительно, в психол. литературе можно встретить утверждения, что социальный и эмоциональный И. в значительной степени определяет успешность человека в сферах, связанных с теми или др. формами О. с др. людьми. Так, Д. Гоулмен утверждает, что эмоциональный И. объясняет 80 % дисперсии успешности топ-менеджеров крупной межд. корпорации, однако отсутствие принятых в науке способов изложения данных пока не позволяет рассматривать эти цифры как достоверные.

Препятствие на пути получения более достоверных знаний в отношении эмоционального И. сегодня состоит в отсутствии эталонных способов его оценки: 2 используемых метода – задачный и опросниковый – оказываются слабо коррелирующими между собой. В настоящее время, однако, в этой области ведутся достаточно интенсивные исследования, что позволяет надеяться на расширение наших знаний в недалеком будущем.

• Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М., 2003; *Goleman D.* Emotional intelligence. New York, 1995; *Salovey P., Mayer J. D.* Emotional intelligence. Imagination, Cognition, and Personality. 9, 1990; *Simonton, D. K.* Biographical determinants of achieved eminence: A multivariate approach to the Cox data // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1976.

Д. В. Ушаков

Интеллект эмоциональный в общении. Эмоциональный интеллект (Э. и.) (*англ.* emotional intelligence, intellect) – понятие, вошедшее в психол. терминологию в 1990 г. и получившее исключительно широкое применение в практической психологии. Во многих анализирующих Э. и. работах отмечается отсутствие единства в его понимании; это проявляется в том, что понятие Э. и. с трудом и по-разному прописывается в систему психол. категорий, а обозначаемому им явлению даются в осн. описательные характеристики. В самом общем понимании понятие обозначает уровень развития, рефлексирования и использования эмоциональной сферы человека; в более детальном описании это: а) осознание и понимание своих эмоций; б) умение контролировать их влияние на внутренние процессы, внеш. выражение и поведение, в) умение чувствовать эмоциональные переживания др. людей, сопереживать и откликаться на них; г) умение строить взаимоотношения при О., д) умение использовать эти данные для достижения жизненных целей.

Распространению идеи Э. и. способствовало разочарование в исследованиях традиционного когнитивного интеллекта, и в частности в прогностической ценности коэффициента интеллекта (IQ), на к-рый возлагались большие надежды. Стали накапливаться данные о том, что для успешной практической деятельности человека личностные, аффективные особенности порой важнее, чем уровень IQ; это вызвало попытки пересмотреть понятие интеллекта и ввести в него непознавательные компоненты. С 1920-х гг. Р. Торндайк начал систематическое исследование социального интеллекта, трактуя его как проявляющуюся в человеческих отношениях часть общего интеллекта. Д. Векслер подчеркивал, что для полноценного описания общего интеллекта необходимо учитывать его «неинтеллектуальные факторы» (1940), в теории множественного интеллекта Г. Гарднера нек-рые из 7 выделенных им относительно независимых интеллектов, напр. музыкальный, внутриличностный, межличностный, имеют явную эмоциональную природу (1983).

В интеллекте выделяются «некогнитивные» составляющие, иногда используется термин Э. и. когда в 1990 г. П. Саловой и Дж. Мейер предложили на основе исследований свое понимание такой составляющей и назвали ее Э. и., идея имела благоприятные условия для своего восприятия. Эти авторы рассматривали Э. и. как разновидность социального интеллекта и трактовали как совокупность когнитивных способностей, задействованных в направленной на эмоции активности: их распознании, целенаправленном использовании в регуляции др. психич. процессов (преим. мышления) и пр. Дальнейшие исследования связанной с эмоциями составляющей интеллекта, за к-рой уже закрепилось название Э. и., шли в обычном для эмпирической психологии стандарте исследований, предположений и дискуссий. Напр., оспаривалась когнитивная интерпретация Саловеем и Мейером лежащих в основе Э. и. способностей, взамен предлагалась непознавательная их трактовка (R. Bar-On); указывалось, что при определении Э. и. по ответам испытуемых получаемые данные характеризуют не столько способности, сколько их рефлексии человеком, к-рая зависит от личностных черт, в частности, от ее склонности учитывать социальную желательность (K. V. Petrides).

Представления об Э. и. с самого начала разрабатывались на основе эмпирических исследований. Наряду с разработкой методических приемов для уточнения факторов интеллекта велся поиск методических средств для измерения их выраженности у отдельных лиц. В 1985 г. Р. Бар-Он предложил тест-опросник для измерения эмоциональной и социальной компетентности и, по аналогии с коэффициентом интеллекта IQ, ввел понятие коэффициент эмоциональности – EQ. Многочисленные др. методы определения EQ основываются на ответах исследуемых лиц (реже – на экспертных оценках) и обычно позволяют определить как общий EQ, так и отдельные выделяемые авторами его составляющие. Напр., известный тест Э. и. Мейер – Саловой – Карузо (MSCEIT) ответы испытуемых на 141 вопрос распределяет по 4 шкалам: распознавание эмоций, помощь мышлению, понимание эмоций, управление эмоциями. Проведено много исследований, показавших, что уровень развития Э. и. человека коррелирует с

качеством выполнения им ряда в большей степени практических видов деятельности. Установлено, напр., что показатели труда выше у работников, к-рые имеют более высокий показатель социального интеллекта и EQ; что низкий уровень этого показателя у управляющего персонала высшего и среднего звена является сигналом возможной неудачной карьеры; что лучших результатов добиваются управляющие и лидеры с выраженной эмоциональной компетентностью и т. п. Обобщенный вывод из такого рода исследований образно выражает рекламный слоган: «Благодаря IQ вы устраиваетесь на работу, а благодаря EQ – делаете карьеру».

Книга Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» (1995 г.) представила Э. и. как универсальное средство избавления человека от многих бед и успешного продвижения в жизни. Идея оказалась востребованной, получила широкое распространение, став основой для многочисл. тренингов-коучингов, консультирования и др. услуг практикующих психологов. Стремительный успех идеи Э. и. объясняется рядом причин. Психоанализ и гуманистическая психология – 2 осн. направления психологии, масштабно взявшихся за решение психотерапевтических задач, – были сосредоточены больше на поддержке человека, избавлении его от недостатков и страданий, чем на успешном продвижении в жизни. Гуманистическая идея самоактуализации была скорее призывом и советом стремиться к совершенству, чем указанием конкретных способов, какими этого можно добиваться. То, что идея Э. и., наоборот, больше сосредоточена на развитии способностей, помогающих успешному достижению жизненных целей, и указывает путь их совершенствования, создало благоприятные условия для ее принятия и быстрого распространения. Др. причина связана с трактовкой соотношения эмоций и интеллекта. Обсуждение этого вопроса заложили еще в Древней Греции сторонники Эпикура, рассматривавшие эмоции как руководящее начало жизни, и стоики, полагавшие, что разум должен обуздывать эмоции. В настоящее время это отражается в факте господствования когнитивной психологии. Но жизнь показывает, что ее знание, понимание людей, умение ладить с ними порой важнее, чем интеллектуальная образованность, поэтому провозглашенный сторонниками Э. и. тезис «важен не только разум, но и эмоции» отвечал повседневному опыту и встретил понимание.

Полкование термина «Э. и.» затрудняется тем, что его буквальное содержание содержит внутр. противоречие, к-рое становится особенно заметным из-за перевода англ. *intelligence* на русский как *интеллект*. Если вспомнить, что интеллект и аффект, познание и эмоции в истории познания всегда противопоставлялись, что закреплено даже в специальном термине «дихотомное строение психики», то сочетание Э. и. получает такое же загадочное звучание, как «жаркий холод» или «черная белизна». Однако факт, что идея Э. и. в совр. когнитивно ориентированной психологии подчеркивает значение эмоций и показывает важность его признания, является, безусловно, положительным.

• *Андреева И. Н.* О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // *Вопр. психологии*, № 5, 2008; *Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2008.

В. К. Вилюнас

Категоризация (*гр.* *катηγορία* – высказывание, признак; *англ.* *categorize* – классифицировать, устанавливать категорию) – базисное понятие психол. науки (Дж. Брунер), как и более распространенный в отеч. психологии (в первую очередь, в школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии) термин «означивание» или «опосредованность значением». Восприятие и осознание объектов и событий окружающей физич. и социальной действительности, др. людей и даже самого себя является, с т. зр. психол. науки, обобщенным и опосредованным. Воспринимая единичный объект, человек сознательно или на неосознаваемом уровне его категоризует, т. е. относит этот единичный объект к нек-рому классу объектов, представителем или носителем к-рого может выступать некий перцептивный эталон, вербальное значение, социальный стереотип, типажный образ и т. п., и категоризовав, т. е. соотнеся это единично

воспринятое с категорией или неким значением, субъект проецирует свое знание об этой категории на единичный объект. Во времена В. Вундта это обозначалось как перцепция (непосредственное восприятие) и апперцепция (проекция на воспринимаемое опыта воспринимающего субъекта), обеспечивающая, в частности, константность восприятия (относительная независимость восприятия от внеш. условий). Так, напр., в результате неосознанных перцептивных операций, связанных с поправками на удаленность, высокий человек на далеком расстоянии воспринимается высоким человеком, а не маленькой «букашкой», несмотря на ничтожно малую величину его проекции на сетчатку глаза. Имея эталонный образ человека и делая поправку на удаленность, наше восприятие создает адекватный истинным размерам человека перцептивный образ.

Относительно социальной перцепции (т. е. восприятия человека человеком), процесс К. заключается в том, что, воспринимая некоего человека, о к-ром мы предварительно ничего не знаем, мы, тем не менее, по внеш. признакам его облика, выражению лица, одежде, манере движения его категоризируем, т. е. относим к тому или иному социальному типу, возрастной группе, социальному статусу и т. п., и исходя из знания этого типажа (не только лично приобретенного, но и полученного из книг и газет, просмотра художественных и документальных фильмов, рассказов близких людей и дальних), мы проецируем на него (приписываем ему) некие личностные характеристики и поведенческие ожидания. Т. е. в результате процесса К. субъект имеет дополнительную информацию о воспринимаемом, почерпнутую из перцептивных эталонов, естеств. языка, поведенческих сюжетов. Т. о., восприятие и осознание единично воспринимаемого оказывается опосредованным (значениями или категориями) и обобщенным. Все вышесказанное относительно процесса К. справедливо не только применительно к процессам восприятия, но и осознания, памяти, воображения. Наше восприятие мира вооружено и вместе с тем ограничено средствами К. Как писал Л. Витгенштейн, «Границы моего языка определяют границы моего мира» (2003). С этой т. зр. выделено из потока ощущений или извлечено из памяти и затем осознано может быть только то, для чего имеется соответствующее значение, эталоны, стереотипы, типажи.

Представляет интерес феномен возможного искажения воспринимаемого в сторону большего соответствия эталонной форме. Т. е. видение и интерпретация воспринимаемого подстраивается под некие эталонные, стереотипные формы, подчас принося в жертву точность восприятия. Так, применительно к житейским историям очевидец неосознанно категоризирует их, подводя к эталонным житейским или литературным сюжетам. Дж. Брунер исследовал проблематику описания человеком своего жизненного пути, своей жизненной ситуации в рамках т. наз. нарративной психологии (нарратив – рассказ). Рассказывая психотерапевту события своей жизни, человек неизбежно использует уже имеющиеся сюжеты, как бы подгоняя собственное бытие под культурно-исторически сложившиеся сценарии и сюжеты нарратива. Т. е. и жизненные сценарии, и сюжеты можно рассматривать как объемные и емкие единицы категоризации.

В обл. психологии личности исследование содержания и функционирования индивидуальных форм К. представлено в теории личностных конструктов Дж. Келли. Он рассматривал обычного человека как познающего мир и себя исследователя, к-рый проверяет гипотезы, касающиеся мироустройства с помощью личностных конструктов – иерархически организованных биполярных оппозиций, на языке к-рых осуществляется описание мира. Им же разработан методический аппарат – «репертуарные решетки», позволяющие с помощью факторного анализа выделять разного уровня обобщения индивидуальные категории субъекта познания. Областью психологии, исследующей структуру, содержание, генезис и функционирование категорий в процессе миропознания, является психосемантика (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев), где многие методические принципы Келли также распространены на исследование К. не только в сфере межличностного познания, но и применительно к психологии искусства и массовых коммуникаций, в области полит. и этнопсихологии, исследований экологического

сознания и представлений в области права, этики, юриспруденции и т. п., т. е. исследований имплицитных моделей мира субъекта в самых разных сферах бытия. В области социальной психологии К. тесно связана с проблемой социальной идентичности. А. Тэшфел и Дж. Тернер в эксперим. исследованиях показали, что даже простое разбиение однородной группы испытуемых на 2 класса (напр., А и Б) способно вызвать у них чувство групповой сплоченности, фаворитизма и конкуренции. Любые формы дифференциации при К. по социальному, национальному, религиозному, возрастному принципу способны мобилизовать групповое единство, но одновр. вызвать и чувство противостояния и агрессии. И наоборот, К. по общему основанию ведет к интеграции вначале на уровне социальных представлений (С. Московичи), а затем и на уровне социального поведения.

• *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентативности в обыденном сознании. М., 1983; *Он же.* Основы психосемантики. М.-Смоленск, 1997.

В. Ф. Петренко

Категоризация понятий общение и коммуникация. Аналитическое исследование развития понятий *О.* и *коммуникация (К.)* показало, что в отеч. психологии по-прежнему нет однозначной всеми разделяемой трактовки этих понятий. Начавшееся в 1970–1980-х гг. стремительное развитие в нашей стране социальной психологии привело к активному исследованию проблем *О.*, межгрупповых и межличностных отношений, проблем восприятия людьми друг друга, их взаимодействий в самых разных сферах деятельности. Соотношение понятий «К.» и «О.» было на острие дискуссий и обсуждений профессионального психол. сообщества того времени. Выполненный категориальный анализ показал, что в науч. и справ. литературе первым появился термин «К.» и существенно позднее – понятие «О.». Однако начиная с сер. 1970-х и в 1980-е гг. последнее все явственнее выдвигалось исследователями на первый план. Этот период характерен тем, что в трудах А. Н. Леонтьева (1965), Б. Д. Парыгина (1971), Д. Б. Эльконин (1971), Б. Ф. Ломова (1975, 1976), А. А. Леонтьева (1975), Б. Г. Ананьева (1977), Г. М. Андреевой (1980) и др. ученых подчеркивалась связь *О.* с деятельностью, в противоположность зап. концепциям, в к-рых категория деятельности в связи с *О.* вообще не рассматривалась.

Однако характер связи *О.* и деятельности у отеч. авторов понимался по-разному. А. Н. Леонтьев рассматривал *О.* как опр. сторону деятельности, поскольку оно включено в любую деятельность, являясь ее элементом. И в то же время саму деятельность рассматривал как условие *О.* Б. Д. Парыгин писал, что *О.* может выступать в одно и то же время и как процесс взаимодействия людей, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их взаимного влияния друг на друга, и как процесс их взаимного переживания и взаимного понимания друг друга. Д. Б. Эльконин *О.* интерпретировал как особый вид деятельности, аналогично А. А. Леонтьев

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.